

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НЕПРОСТОЙ РАЗГОВОР

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ИНТЕРВЬЮ

Новосибирск
2021

ББК 87

С 50

Редакторы-составители
С. С. Аванесов
доктор философских наук
С. А. Смирнов
доктор философских наук

Сборник интервью подготовлен в рамках научного проекта
**«Философская автобиография как метод
антропологической навигации»**
при поддержке РФФИ (проект № 19-011-00124)

Непростой разговор. Автобиографические интервью.
Ред.-сост. С. С. Аванесов, С. А. Смирнов. – Новосибирск:
ООО «Офсет-ТМ», 2021. 326 стр.

ISBN: 978-5-85957-190-1

В сборнике представлены автобиографические интервью с ныне работающими отечественными философами. В беседах затронута тематика, посвящённая особой роли автобиографического дискурса и практики в жизнедеятельности философа. К этой практике разные собеседники относятся по-разному. Это видно по материалу бесед. Разговоры шли в течение трёх лет в разное время, в разных местах. Беседы вели редакторы-составители сборника. При всём различии отношения к собственной философской автобиографии материалы бесед показывают, что так или иначе любое слово, любая речь автора суть факт его автобиографии. Будучи сказанным, произнесённое слово уже неустранимо из жизни автора.

© С. С. Аванесов, 2021
© С. А. Смирнов, 2021
© Авторы сборника, 2021

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ

Философы не любят писать автобиографии. Или не умеют. Или не хотят, объясняя это нежелание тем, что они полностью выразили себя в своих сочинениях. Тем не менее, философские автобиографии пишутся и периодически публикуются. А потому не лишним будет выяснить у ныне живущих философов их отношение к тому, что из себя представляет и для чего нужна философская автобиография. Пишут ли они их? Или уже достаточно того, что философ живёт и творит, своей жизнью и творчеством создавая автобиографию как летопись своих поступков?

Мы подготовили несколько реперных вопросов и разослали своим коллегам с предложением встретиться и поговорить на эту тему (см. ниже). Эти вопросы обозначают, с нашей точки зрения, определённое проблемное поле автобиографического дискурса и практики. Мы задавали их разным собеседникам по-разному, вразброс, в разных вариантах. Беседы получились живые, неформальные. В итоге сложился вполне интересный и поучительный сборник, содержание которого демонстрирует, какой, однако, непростой разговор складывается вокруг этой темы.

Реперы

1. Можете ли вы назвать момент в жизни, который стал ключевым эпизодом в вашей биографии как философа? С какого момента вы стали ощущать себя философом? По каким признакам вы можете судить о таком событии?

2. Вы уже пишете свою философскую автобиографию? Или считаете это делом лишним? Или вы согласны с Хайдеггером, сказавшим, что жизнь философа – это тире между датами рождения и смерти? А главное в его жизни – его сочинения?

3. Вы разделяете личную жизнь философа и его жизнь в его сочинениях? Или это та личностная амальгама, в которой его мысль и жизнь неразделимы? Или всё же главное в его жизни – его мысль, воплощённая в его сочинениях? Тогда его биогра-

фия – это прежде всего его интеллектуальная история, история его сочинений?

4. Отличается ли жизнь философа от жизни любого другого человека? Или нет? И в частной жизни он такой же обыватель, как и все остальные? А иногда он просто сидит и пишет свои сочинения. А другой ведёт уроки в школе. А третий работает врачом...

5. Что вы можете сказать о существующих и написанных ранее философских автобиографиях? Они для вас – десерт к столу философа или полноценные самостоятельные сочинения? Или же к ним нельзя относиться серьёзно? Какого автора философской автобиографии вы бы выделили прежде всего? Кто произвёл наиболее сильное впечатление на вас? Кто из них больше мемуарист, а кто действительно писал философскую автобиографию?

6. Представим себе, что вы пишете автобиографию. Можете показать её примерно хотя бы в основных событиях? С чего всё начиналось? Ваши духовные учителя? Ваши основные собеседники? Основные оппоненты? Какие основные эпизоды вашей философской биографии вы бы выделили?

7. Вы можете допустить такую мысль, что на самом деле философская автобиография начинается после ухода автора? То есть прежде всего биографична его мысль, важна судьба его идей, его сочинений. А его тексты начинают писать его биографию после смерти физического носителя. В этом плане гораздо богаче, например, биография Бахтина после его смерти, а точнее она началась с 60–70 годов прошлого века. Когда физическая жизнь автора уже заканчивалась и начиналась новая. А та, первая жизнь, была трагичной, полузабытой, малоизвестной...

8. Считаете ли вы, что в автобиографии прошлое должно быть описано «так, как оно было», без всякой коррекции и оценки с позиции настоящего? Или вы думаете, что такой принцип описания прошлого является недостаточным, искусственным или даже невозможным?

9. Как вы думаете, проделявает ли автор автобиографии селекцию фактов жизни, разделяя эти факты на те, которые должны быть включены в текст, и те, которые не должны в него войти? Чем может быть вызвана такая селекция – требованиями жанра, принципом охраны приватности, желанием понравиться читателю, чем-то ещё?

10. Как вы думаете, имеет ли право автор автобиографии на умолчание, вымысел, мистификацию, игру с читателем и другие отклонения от «строгой объективности»? Чем могут быть вызваны или оправданы такие отклонения?

11. Является ли написание автобиографии фактом биографии автора и, следовательно, входит ли написание автобиографии в содержание этой автобиографии? Может ли, таким образом, написание автобиографии изменить биографию? Можно ли понимать автобиографию в качестве средства построения биографии?

12. Когда надо начинать писать автобиографию: «по горячим следам», когда свежа память о событиях, или ближе к финалу жизни, когда смысл, ценность и последствия этих событий могут стать яснее?

13. Как, по-вашему, соотносятся автобиография и мемуары? Разные ли это жанры? Должна ли автобиография основываться на синхронных (дневниковых) записях, или она должна всегда строиться только «из будущего», с опорой на воспоминания?

14. Видите ли вы разницу между философской автобиографией и автобиографией философа? Может ли философ написать нефилософскую автобиографию?

15. Каков, по-вашему, должен быть принцип построения философской автобиографии: хронологический, в соответствии с временным порядком описываемых событий; аксиологический, согласно значимости описываемых событий; спонтанный, воспроизводящий стихийную работу памяти?

16. Приобретает ли автор автобиографии, будучи персонажем собственного текста, черты «лирического героя»?

17. Как вы думаете, не является ли скромность личной добродетелью философа? В таком случае не является ли написание автобиографии отступлением от добродетели и признаком тщеславия?

18. Может ли написание автобиографии быть мотивировано назидательными целями?

19. Как вы думаете, может ли процесс написания автобиографии вызвать изменение философской позиции её автора, его мировоззрения, картины мира? Способствует ли, в частности, написание автобиографии уточнению и углублению представления о времени?

20. Может ли философская автобиография быть исчерпывающей? В каком случае она может быть признана таковой? Можно ли ответить на такой вопрос, если содержание автобиографии – это биография автора, но биография философа не обрывается с его смертью и потому никогда не может оказаться в полном распоряжении автора собственной биографии?

С. С. Аванесов, С. А. Смирнов

РУБЕН ГРАНТОВИЧ АПРЕСЯН

**«АВТОБИОГРАФИЯ – ЭТО ПРОИЗВЕДЕНИЕ,
А ЖИЗНЬ – ЭТО ПРОЦЕСС, СОБЫТИЕ...»¹**

Аванесов С. С.: Рубен Грантович Апресян, доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики Института философии Российской академии наук. Интервью 24 августа 2021 года. Рубен Грантович, приветствую вас!

Апресян Р. Г.: Здравствуйте, Сергей Сергеевич!

Аванесов С. С.: Давайте мы сегодня с Вами поговорим о том, как связаны человеческая жизнь, судьба, автобиография

и насколько автобиография может в жизни философа выступать чем-то большим, чем литературный жанр. Насколько с помощью автобиографии философ, а может быть, вообще любой человек, может достраивать собственную судьбу, конструировать себя самого, а может быть, и вообще становиться самим собой только через такой автобиографический взгляд на себя. Ну, это гипотеза, которую мы сейчас попытаемся обсудить. У меня есть несколько вопросов к Вам. Итак, первый вопрос. Вы уже пишете автобиографию, или вы считаете, что это дело ненужное, поскольку главное в жизни философа – это говорить и размышлять не о себе, а о сущем, человечестве и так далее?

Апресян Р. Г.: Признаться, никогда об этом не думал.

Аванесов С. С.: То есть это для вас неактуально.

Апресян Р. Г.: Нет. Бывало пару раз, что у меня брали интервью отчасти в этом ключе. Одно из них было в серии интер-

¹ Разговор записан 24 августа 2021 г. Интервью провел профессор С. С. Аванесов.

вью с разными людьми под рубрикой «Мой путь в профессии». Вопросы, которые интересовали интервьюеров, были для меня самого поводом вернуться к каким-то эпизодам, событиям в моей жизни, давней и не очень. И мне это было интересно. А сам с собой в таком ретроспективно-дескриптивном ключе я скорее всего не думаю, не говоря о том, чтобы это записывать.

Правда, что-то иногда всплывает само. Мне интересно бывает обнаружить, просматривая старые записи или заметки на полях, о чём я думал лет тридцать или двадцать назад. Случалось не раз, я находил в старых записях то, о чём, как мне казалось, я стал думать недавно. В докомпьютерные времена значительную часть вспомогательной исследовательской работы я фиксировал на карточках. Иногда свои записи я по каким-то мотивам помечал числом. Когда я выборочно перенёс содержание карточек в электронный архив, я сохранил и даты. Как оказалось, это полезно – для удовлетворения моего сегодняшнего любопытства, не более того.

Есть ещё один момент. Мне кажется это должно быть вам близко – *визуальная автобиография*. В моей семье была традиция составления фотоальбомов. Я её продолжил и поддерживал до некоторых пор, до наступления цифровых времен. Смысл в новых альбомах как-то потерялся. А вот фото я сохраняю, раскладываю по хронологическим полочкам, атрибутирую. Это и дневник своего рода, и автобиография.

Для сообщения или тем более рассказа о себе мне необходим внешний импульс. Вот, по случаю какого-то юбилея мои коллеги взяли у меня интервью. В несколько заходов, в общей сложности часов семь-восемь. Своими вопросами они каким-то образом структурировали мою рефлексию себя. Это был их взгляд на меня, который стимулировал мой взгляд на себя. Автобиография предполагает некоторый вопрос к себе и ответ себе же. Хотя я, как мне кажется, рефлексивный человек, потребности в таком самовопрошании у меня нет.

Аванесов С. С.: Может быть, сочинения отражают жизнь философа?

Апресян Р. Г.: Я бы сказал по-другому: задним числом можно сказать, что сочинения сделали биографию – из них сложилась моя биография. Автор, конечно, реализует себя в сочинениях, но объективно, наоборот, из сочинений складывается его биография. Творческие замыслы нередко возникают «из ничего». Это не всегда ясно тем, кто с творчеством не связан. В предыдущие годы учёным академических институтов (не знаю, доходило ли такое до университетов) спускались из Министерства науки и даже из Президиума РАН запросы – срочно (всегда непременно срочно, размеренности там не терпят) составить планы исследований и до... 2030 года, указав на ожидаемые результаты. Можно было гомерически смеяться, можно было чертыхаться, но приходилось что-то изображать. Никто, кроме инициаторов таких «прогнозов», всерьёз к этому не относился. Другое дело проектное исследование, на проведение которого запрашивается финансирование по гранту: заявка представляет собой план исследований на три-пять лет. Но чем более отдалённый план, тем менее строго он реализуется, поскольку каждый последующий этап исследования опирается на результаты предшествующего. А если заранее знать, какие будут результаты, исследование не имеет смысла. Планируя грантовые исследования, я всегда стараюсь оставлять время для спонтанных исследований. Именно они дарят исследователю переживания приключения, порой острого.

Аванесов С. С.: Вот Вы сказали, что для философа жизнь как бы выстраивается через его сочинения, через его работу, через его деятельность. А нельзя ли тогда сказать, что у философа как бы двойная жизнь получается: есть личная его жизнь и жизнь, которая официальная, которая выражена в его текстах, которые опубликованы? Есть ли у него непубличная жизнь? Чем отличается его приватная жизнь?

Апресян Р. Г.: В жизни философа, в смысле, исследователя в области философии или преподавателя философии есть личное и публичное, как в жизни большинства людей современного общества. Другое дело, что у людей творческого труда, интеллектуального творческого труда граница между

личным и публичным проходит иначе, чем у промышленного рабочего, врача, офисного или торгового работника. Я имею в виду, что у работника творческой профессии граница между личным и публичным не совпадает с границей между работой и досугом, даже если его «рабочее место» множественно. В то же время, граница между личным и публичным не совпадает с той линией, если она есть, которая отделяет автора от уже опубликованного произведения. Многие труды остаются сугубо личным делом автора, поскольку их никто толком не прочитал или, прочитав, тут же забыл. Какие-то труды живут своей жизнью со своими читателями даже тогда, когда автор ушёл от них в своём внутреннем развитии, в своих взглядах, и более не идентифицирует себя с ними. Прежние его труды, которые имеют своего читателя, но фактически потеряли своего автора (ушедшего от них), являются ли частью его публичной жизни? – Не уверен. Но они несомненно являются частью его биографии, и вряд ли он станет умалчивать о них, возьмись он за автобиографию. Скорее даже наоборот, автобиография может стать для него поводом заявить о своей более непричастности им.

Аванесов С. С.: Отличается ли жизнь философа от жизни нефилософа, если отличается?

Апресян Р. Г.: Жизнь человека интеллектуального труда, творческого труда, не обязательно непременно философа в выше названном смысле слова, отличается, конечно. У него нет жесткой границы между временем труда и временем досуга. И уж во всяком случае эта граница – предмет его личного самоопределения. Не исключаю, что для кого-то отсутствие такой границы есть условие возможности своеобразного эскапизма, возможности с головой уйти в творчество, исследования и «спрятаться» от жизни. Повторяю, это отнюдь не специфично для философа. Но философия, возможно, одно из немногих интеллектуальных поприщ, которое уводит в башню из слоновой кости.

Аванесов С. С.: Понятно. Вы читали какие-то философские автобиографии. Если да, то какие вам больше всего понрави-

лись и считаете ли вы философскую автобиографию философским сочинением?

Апресян Р. Г.: Пожалуй, я читал, конечно, то, что все читают: Руссо, Толстого, Бердяева.

Аванесов С. С.: Ну, вот «Самопознание» Николая Бердяева – это же философское сочинение.

Апресян Р. Г.: Несомненно. «Самопознание» – философское сочинение, поскольку это автобиография философа, и в ней он описывает свой путь в философии через встречи с современными ему мыслителями, многие из которых были близкими ему людьми, через осмысление и освоение различных проблематик, через анализ себя сквозь призму тех или других философских представлений. Когда эта книга была издана в России, кажется в 1990 году, я, понимая, что передо мной автобиография философа, читал её (кажется, это было третье его произведение, с которым я познакомился) для понимания не столько Бердяева-философа, сколько философии Бердяева. Помнится, в те времена знакомые мне преподаватели философии использовали этот труд Бердяева в преподавании философии, особенно на семинарских занятиях, именно благодаря тому, что ряд центральных для творчества Бердяева философских проблем, рассматривались в этой книге в доступной для студентов форме. Не исключено, что кто-то из студентов, увлекшись, дочитывал это произведение самостоятельно уже именно как автобиографию Бердяева.

Аванесов С. С.: Мне кажется, у Бердяева философия всегда индивидуальна.

Апресян Р. Г.: Пожалуй.

Аванесов С. С.: Тогда получается, что для него автобиография – это самый что ни есть философский жанр. А все остальные его сочинения, не автобиографические – не настолько философские. Потому что всё-таки там он немного объективирует свою мысль. А вот самопознание напрямую...

Апресян Р. Г.: Это зависит от того, как мы понимаем процесс философского мышления и как он рефлектируется тем или другим философом. Для кого-то это – объективация мыс-

лящего субъекта. Бердяев нередко рассматривается как экзистенциалист, персоналист. Сам процесс философствования он мог считать глубоко индивидуальным. Таков он и есть. Но тогда что такое его «Самопознание» как не решительная объективация собственного опыта философствования, деиндивидуализация философии? Использование «Самопознания» в качестве учебного пособия, о чем я только что упомянул, – прямое подтверждение такой возможности, причем реализуемое разными «пользователями» в разных режимах в зависимости от их мыслительных, исследовательских, преподавательских и прочих целей.

Аванесов С. С.: То есть Вы можете назвать, допустим, автобиографии, написанные философом, но не являющиеся философскими сочинениями?

Апресян Р. Г.: Возьмём Жан-Поля Сартра как автора художественных произведений, некоторые из которых – совершенно несомненно, «Слова» – хотя содержат сильный элемент автобиографичности, не являются автобиографиями в собственном смысле слова. Поскольку Сартр – и автор знаменитых философских произведений, то и «Слова», как и другие его художественные произведения, нередко рассматриваются как источник для понимания его философии. Но являются ли они философскими именно потому, что содержат автобиографический элемент? Является ли «Исповедь» Руссо философским сочинением как автобиография или как произведение философа Руссо? Может ли философ написать автобиографию не как философ и в этом смысле не как автобиографию философа, а как, скажем, литератор? К сожалению, для полного и внятного ответа на ваш вопрос мне критически не хватает эрудиции.

Аванесов С. С.: Можете ли Вы назвать момент в Вашей жизни, который стал ключевым эпизодом в вашей биографии как философа? Вот с какого момента или события (если смотреть ретроспективно) Вы стали вести себя или думать как философ?

Апресян Р. Г.: Надо подумать, что значит, вести себя как философ? Что значит философ? Да, я занимаюсь философией,

некоторыми её проблемами. Но *стал* ли я философом? Недавно довелось обсуждать этот вопрос в досужем разговоре с приятелями: кто из видимого круга коллег, авторов – философ, а кто просто исследователь, «философский работник» (Ницше) или имитатор на стезе философии (возможно, сам не осознающий этого). Говорили, как бы шутя, не только про других, но и про себя. И сошлись на том, что по большому счёту, конечно же, должно пройти время, чтобы дать ответ на этот вопрос.

Аванесов С. С.: Хорошо. А если не по большому счёту, а просто найти момент, который повлиял на то, что Вы посвятили свою биографию философии, скажем так.

Апресян Р. Г.: Я не посвящал чему-то свою биографию.

Аванесов С. С.: Нет?

Апресян Р. Г.: Я не мыслю в таких категориях. Точнее было бы говорить о жизни, а не биографии. Не было у меня такого сознательного акта, посвящения своей жизни чему-то. Разве что мы метафорически так изъясняемся: раз человек всю жизнь чем-то занимается, то этому он свою жизнь и посвятил. Может быть, это вопрос языка, и просто я чураюсь патетической риторики. Впрочем, я могу сказать, что занимаюсь моральной философией, этикой. Я знаю, что послужило поводом для моего обращения к этике, при каких обстоятельствах случались какие-то важные решения в моей профессиональной биографии (я об этом рассказывал в упоминавшемся интервью «Мой путь в профессии»). В какой-то момент я стал отчетливо осознавать свою принадлежность моральной философии, заметив, что по многим поводам размышляю, уже будучи обременённым опытом специального чтения, своих случившихся исследований. Помню, что это произошло в какой-то момент, когда я много читал, интенсивно готовясь к кандидатскому экзамену по этике, дело было в аспирантуре. Это был прорыв в чтениях, серьезных и критических, многих и разных. Вдруг я почувствовал, что начинаю мыслить по-другому. Потом, годы спустя, бывали случаи, что в беседах со студентами и аспирантами я делился этим своим опытом, и часто слышал в ответ, что это им знакомо, может быть в каких-то других формах,

по другим поводам. Им приходилось слышать от друзей по старым школьным или каким-то другим компаниям при встречах: «Ну, ты философ!». На мой вопрос, понимают ли они такую реакцию своих старых друзей, мои молодые собеседники отвечали, что не понимают, но чувствуют, что под «ну, ты философ» подразумевается: «всё ясно, о чем с тобой разговаривать!». Скорее всего, воспринимаемая из специальных чтений и дискуссий категориальность и обобщенность суждений незаметно проникает в обыденное мышление, становится фактором высказываний в потоке каждодневности. В первую очередь, это проявляется в стремлении к ясности на принципиальном уровне, т. е. на уровне «первоначал». Кажется, в народе именно говорящих на общем абстрактном уровне, таких резонёров, и называют философами. Вспомнилось, как-то давным-давно мне довелось с семьей отдыхать дикарями на востоке Украины, где мы снимали в одном селе скромную хатку. В одной из неспешных бесед хозяин, к тому времени уже не столько старый, сколько больной и слабый, повоевавший в большую войну, побывавший в плену, выпивший полностью «свою цистерну», меня спрашивает: «Слушай, а чем ты занимаешься?». Обычно я уклончиво отвечаю на такие вопросы, избегая слов: «философ, философия». А тут не нашелся, что сказать, к тому же летнее состояние души, ленивость наших бесед, и я после паузы, прямо сказал: «Философией». Он усмехнулся и говорит добродушно: «Кхе, был тут у нас *хфилософ* – дурный такой дурный». Ну, в самом деле, абстрактно говорящий, разве он что-нибудь понимает, может сказать что-то дельное? Для кого-то из моих молодых собеседников, как девушек, так и юношей, признававших все более растущую по мере их обучения на философском факультете отчужденность в отношениях со старыми друзьями, это новое качество отношений, было подтверждением их обновляющейся идентичности, а для кого-то было проявлением разрушения старой идентичности, основанной на дружеских узах из детства.

Аванесов С. С.: Понятно. А представьте, что Вы всё-таки пишете свою биографию.

Апресян Р. Г.: Мне трудно это представить. Может быть дело в том, что для автобиографии нужна какая-то более мощная память, а у меня с этим не очень.

Аванесов С. С.: Для кого вообще пишется автобиография?

Апресян Р. Г.: Наверное, не только для себя. В автобиографии есть некий гонор, мне кажется. Почему гонор? – Вроде бы я смиренно себя призываю к ответу, а на самом деле я же не в стол пишу, я же выставляю свой труд на свет, публикую.

Аванесов С. С.: То есть нескромность какая-то в этом может быть. Да?

Апресян Р. Г.: В этом есть какая-то нескромность, которая, наверное, у некоторых оправдана.

Аванесов С. С.: Чем?

Апресян Р. Г.: Мощностью их личности. И они вправе принимать мощность своей личности.

Аванесов С. С.: А не может автобиография искренне ощущаться человеком как некий долг, который он должен исполнить перед детьми, потомками, учениками? У Флоренского есть сочинение «Детям моим», так и называется. Это автобиография.

Апресян Р. Г.: «Детям моим» – это извечный жанр. Обращение: «Сын мой» – общее место во многих памятниках литературы мудрости древности. Для мыслителя XX века такая форма несколько архаична. Хотя ещё XVII– XVIII веках это было вполне в духе времени.

Аванесов С. С.: Хотя очень многие писали автобиографии. И философы в том числе.

Апресян Р. Г.: Мне было бы интересно понять, какое должно быть внутреннее состояние души, что я отстраняюсь от своих дел, своих текущих занятий и начинаю писать автобиографию, делаю себя предметом самого себя?

Аванесов С. С.: Думаю, заподозрить человека в каких-то завышенных амбициях можно, наверное, в том случае, если героем его автобиографии выступает он сам как «великий» философ, как учитель человечества и так далее. Но если он (как персонаж своей собственной биографии) выступает как

частное лицо, у которого просто есть история, и эта история связана с какими-то поучительными, важными или знаменательными событиями, которые он просто хочет зафиксировать и передать, то какой в этом гонор, какая здесь гордыня? Может быть, это просто долг перед людьми?

Апресян Р. Г.: Тогда, если мы говорим о философах, у Бердяева же не это. Его книга не случайно же называется «Самопознание». Я сейчас говорю только о названии. По сути это сочинение представляет смену и развитие проблематик, интересовавших философа на разных этапах его жизни, и через них самого философа.

Аванесов С. С.: Ну да. А возможно ли найти философа, который написал автобиографию, в которой он выступает не как философ, а как просто лицо в истории?

Апресян Р. Г.: Я даже знаю такого философа. И читал такую автобиографию, причем не просто читал, а читал и сравнивал с тем, что автор за несколько лет до того, как он сел за мемуары, рассказывал мне лично.

Аванесов С. С.: Кто это?

Апресян Р. Г.: Дубровский Давид Израилевич, автор «Воспоминаний», уже вышедших двумя изданиями.

Аванесов С. С.: Он написал автобиографию?

Апресян Р. Г.: Да. Но это не была биография его как философа, это именно история его жизни, по ходу которой он пришёл к философии.

Аванесов С. С.: То есть воспоминания, скажем. Да? Мемуары.

Апресян Р. Г.: Книга так и называется: «Воспоминания». Но воспоминания о своей жизни – разве это не автобиография?

Аванесов С. С.: Кстати, когда человек пишет автобиографию, само это написание автобиографии – это же часть его биографии?

Апресян Р. Г.: «Воспоминания» Дубровского интересны вторым изданием с добавленной в конце новой главой. В ней первое издание подвергается рефлексии, обусловленной тем,

что в его жизни что-то существенно переменялось. Думаю, эти перемены и побудили его ко второму изданию.

Аванесов С. С.: Не бывает ли так, что в самой автобиографии видно, что автор описывает то, как он пишет эту автобиографию. У того же Флоренского: «Пишу при свече».

Апресян Р. Г.: Может быть и так. Это может быть и строка в дневниковой записи. К слову, я знаю одного философа, который всю жизнь ведёт дневник, занося в него записи чуть ли ни ежедневно. Знаю об этом со слов третьего лица. Ведущему дневник уже под 90. Возможно, он ведет его лет восемьдесят, около того. Но, обратите внимание, он ещё не написал автобиографию. Во всяком случае об этом ничего не известно.

Аванесов С. С.: А есть ведь жанровая разница между дневниками, мемуарами и автобиографией? Дневники не всегда предназначены для внешнего читателя.

Апресян Р. Г.: Не предназначены напрямую. Но известно немало случаев предсмертных распоряжений относительно минимального срока для публикации дневников после смерти автора. Тем самым допускается их публикация. Мемуары могут быть написаны в жанре автобиографии, т. е. истории своей жизни. А могут быть другие жанры – воспоминания о событиях, о встречах с людьми. Думаю, автобиография предполагает взгляд на себя со стороны. В дневниках тоже может быть взгляд на себя, но в потоке текущих событий. Автобиография – взгляд на себя в перспективе вечности. Хотя, разумеется, автобиографии бывают разные. Однако, чем больше мы сейчас говорим, тем лучше я понимаю, что это – предмет для специального исследования, предполагающего знакомство со многими и разными автобиографиями.

Аванесов С. С.: Может ли написание автобиографии изменить самого писателя? Например, его философские взгляды, мировоззрение?

Апресян Р. Г.: Вообще, рефлексия может изменить. Я был свидетелем одного такого случая.

Аванесов С. С.: Автобиография основана на рефлексии. И поэтому...

Апресян Р. Г.: Автобиография, конечно, основана на рефлексии. Более того, автобиография – это продукт уже состоявшейся рефлексии. Мне вспоминается случай, когда рефлексия человека по поводу какого-то события в прошлом, буквально что-то изменила в человеке. В заключение небольшого, наверное, трехдневного или около того, семинара с учителями по нормативной этике я проводил тренинг. Тренинг состоял из серии последовательных заданий на анализ каких-то эпизодов из своего нравственного опыта (предполагалось, но явно не проговаривалось, что это должен быть опыт из профессиональной практики учителей). Парадоксально, но большинство учителей сделали предметом своего анализа педагогический опыт... своих собственных учителей, когда они были школьниками, и в основном это было запоздалым выплескиванием старых обид. Лишь двое или трое из всей группы подвергли анализу свой собственный опыт. Одна учительница, наиболее активный и мыслящий участник семинара, стала рассказывать об одном случае воспитательного действия в отношении излишне самонадеянного ученика, которое, как ей казалось, оказало на него благотворное влияние и даже позволило ему в чем-то исправиться. Она говорила, что называется, с расправленными плечами, с чувством профессионального достоинства, в полной уверенности своей правоты. По ходу ее истории я стал вводить вопросы для обсуждения, чтобы перенести представленный сюжет из контекста собственного профессионального опыта учительницы в контекст содержания нашего семинара с проговаривавшимися нами этическими критериями педагогической работы. И в какой-то момент, слово за слово, в ней что-то происходит, она, кажется, начинает понимать, что в соотношении с усвоенными в ходе семинара этическими представлениями, в частности, непричинения вреда, справедливости, уважения к личности ученика, смысл произошедшего предстает для нее иначе, чем она всегда себе представляла. У неё опускаются плечи, ей становится не по себе и со слезами на глазах она выбегает из аудитории. Спустя немного времени она возвращается, чтобы рассказать о случившейся в ней пере-

мене точки зрения на тот давний эпизод и признать свою неправоту в отношении к дерзкому ученику. Потом в личной беседе, когда я пытался как-то её успокоить, она заверила меня, что этот случай во время тренинга стал главным, что произошло с ней в ходе семинара. То есть благодаря рефлексии, причем эксплицированной в групповом обсуждении, учительница осознала, что была совершена профессиональная ошибка, и это стало для неё важным личным уроком. Я просил её положить всю историю на бумагу, и она вроде бы была готова. Но, как часто это бывает, не сложилось. Жалею, что я не взялся за это сам. Надо было найти время, выспросить у неё обо всем и описать. Отличный бы вышел кейс.

Аванесов С. С.: То есть получается, что как бы есть первый уровень рефлексии, когда ты сам себе говоришь о том, что с тобой произошло. Но потом, когда ты это публикуешь, может возникнуть второй уровень рефлексии, когда уже пошла отдача, отзыв. И этот отзыв может поменять содержание твоей рефлексии первого уровня, и ты становишься другим?

Апресян Р. Г.: Да, примерно так. Только это случается довольно редко. И опыт того семинара тому подтверждение. В тренинге участвовало 15–17 человек. Все взрослые люди, состоявшиеся профессионально. Но эта перемена произошла с одним человеком (как я потом узнал из кулуарных бесед, ещё с одним участником подобная перемена произошла внутренне, без публичной репрезентации своего конфликтного опыта). Думаю, перемена такого рода опосредована сменой идентичности: человек вступает в этот процесс с одной идентичностью – привычной, инерционной идентичностью, а в процессе саморефлексии, тем более в кругу коллег, происходит смена идентичности. Человек как бы встаёт на другую позицию и с точки зрения другой позиции судит себя обычного. В этих условиях становится возможным личностное обновление.

Аванесов С. С.: То есть автобиография может выступить способом...

Апресян Р. Г.: Может быть по-разному. Мы видим, что для Руссо или Толстого рассказ о себе имел целью показать, какие

перемены в себе им пришлось или, лучше сказать, удалось пережить. Автобиография как текст представляет результаты уже проведённой саморефлексии и случившейся благодаря ей перемене.

Аванесов С. С.: Как Вы думаете, когда нужно начинать писать автобиографию, если уж браться за это, – в течение всей жизни, чтобы с натуры фиксировать то, что происходит, и чтобы потом задним числом не придумывать ничего, вспоминая, что было; или, наоборот, для автобиографии нужна дистанция, чтобы ты мог уже писать о себе, как о себе, когда ты себя уже нашёл?

Апресян Р. Г.: Наверное, кто-то ведёт дневник, имея в виду, что когда-нибудь это пригодится для автобиографии.

Аванесов С. С.: Наивно полагая.

Апресян Р. Г.: Да. Будучи в совсем юных годах, я вёл дневник. Вёл для себя, чтобы потом, из другого возраста перечитать и что-то понять про себя. Однако всё не читалось. Потом я стал думать: «Вот мой сын будет в этом возрасте, и я прочту. Это будет полезно». Кажется, я несколько раз открывал те записные книжки, но толком так ничего и не прочитал. А есть такие, которые не ведут никаких дневников, а потом садятся и рассказывают о своей жизни. Многие интересно рассказывают, стоит начать читать – не оторвешься.

Аванесов С. С.: Есть во многих философских автобиографиях такая вот повторяющаяся мысль о том, что опираться на дневники нельзя. Когда я писал эти дневники 30–40 лет назад, я не понимал, что происходит. И в моих дневниках записана не правда, а полная иллюзия. И только теперь, через 30–40 лет, я понимаю, что тогда происходило. То есть тут дело не в том, чтобы точно или неточно помнить то, что произошло, а чтобы понимать смысл того, что происходило.

Апресян Р. Г.: Я бы не согласился с такой интерпретацией. Наверное, часто так и случается, что человек переосмысливает своё прошлое. Буквально переосмысливает, т. е. изменяет смыслы произошедшего. Но я бы сказал, что к себе-давнему надо относиться с доверием и не навязывать себе-давнему

себя-сегодняшнего. Я-давний уже Другой по отношению к себе нынешнему, и тот Другой, пусть это и я-давний, ещё молодой и не набивший шишек жизненного опыта, требует уважения.

Разумеется, дневники не могут просто быть конвертированы в автобиографию. Это всего лишь источник, это материалы. Может быть, не дневники, может быть, переписка. Письма могут быть очень емким источником информации самого разного рода о человеке. В письмах человек уже адресует себя другому и вместе с тем он находится в определённой рефлексивной позиции по отношению к себе. В зависимости от характера адресата, человек находится в разной степени распахнутости или отстранённости от себя, или идеализирования себя.

Аванесов С. С.: Тут же ещё вопрос: даже если я состою в переписке с кем-то, насколько верно я выражаю на словах то, что на самом деле думаю. И в этом смысле человек, который пишет собственную биографию, – может ли он о чём-то умалчивать, где-то какую-то неточность допускать, а где-то даже разыгрывать читателя?

Апресян Р. Г.: Насколько человек искренен, насколько откровенен, насколько не самообманчив, насколько куражлив по отношению к другому – это вопросы уместны по отношению к любому жанру самовыражения. Во всяком случае, мы всегда должны иметь это в виду и понимать, что любые формы самовыражения заключают в себе субъективный образ субъективного мира.

Аванесов С. С.: Как Вы думаете, когда человек-философ, скажем, пишет автобиографию, должен ли он придерживаться принципа мемуаров, то есть располагать все свои воспоминания по хронологии, или он может подходить с какими-то другими организационными принципами к этому тексту? Допустим, выстраивать события не по хронологии, а по значимости или писать спонтанно. Что сегодня вспомнилось – то и описываю. И потом не выстраивать эти куски по времени.

Апресян Р. Г.: Чем дольше мы говорим, тем больше я утверждаюсь в мысли, что автобиография и мемуары – это не рядоположенные жанры. Автобиография – это разновид-

ность мемуаров. Автобиография, как мемуары, может быть составлена так, как автор считает для себя нужным. Например, не хронологически, а тематически. Мой отец, Грант Апресян, профессор Московского университета, писал мемуары. Он начал их писать, когда ему перевалило за 75. Своё повествование он начал с февраля 1917 года, тогда ему вот-вот должно было исполниться 14 лет. Но в первой главе, рассказывая об отчем доме, отец нередко переносился к более ранним годам. Первая глава – самая интересная...

Аванесов С. С.: И Вы их читали?

Апресян Р. Г.: Чтение было двойным. Когда отец заканчивал очередную главу, он собирал друзей, близких людей и после традиционного застолья зачитывал главу, которую собравшиеся обсуждали. Я присутствовал при этом. Не говоря о том, что я как-то соприсутствовал процессу письма. В том смысле, что это обсуждалось за нашими семейными трапезами.

Аванесов С. С.: А Вы были героем этих мемуаров?

Апресян Р. Г.: Нет, конечно. Я же говорю, повествование начинается с 1917 года, с февральской революции, весть о которой долетела до далекого армянского села. Первая сцена в воспоминаниях – отец (т. е. мой дед) приходит домой и говорит: «Царя свалили». Мой отец запомнил эту фразу.

Аванесов С. С.: Ну, а в дальнейшем?

Апресян Р. Г.: Воспоминания охватывают период с 1917 года по 1922 год, когда отец по предложению старшего брата выехал из Армении в Москву с намерением продолжить там учебу. Предполагалось, что это первая часть воспоминаний. Он готовился писать вторую часть. Но её он видел совсем в другом жанре, а именно: встречи с интересными людьми – с Владимиром Маяковским, Марией Ульяновой (сестрой Ленина), Анастасом Микояном, Ильей Эренбургом, Александром Фадеевым и другими. Это совсем другой жанр. Можно было бы назвать это «автобиографией»? Скорее всего, нет. К сожалению, исполнить этот замысел ему не довелось.

Аванесов С. С.: Вот это, наверное, были как раз мемуары как воспоминания просто о времени, о людях.

Апресян Р. Г.: Да, о времени, о людях. Кстати говоря, одним из упреков рецензента к первой части, было то, что в описании тех событий избыточно присутствовал современный взгляд.

Аванесов С. С.: Вот это тоже интересный вопрос в связи с автобиографией: насколько человек, который пишет автобиографию (может быть, и мемуары), должен просто следовать фактическому описанию того, что было. Или он имеет право на оценочный взгляд или даже, может быть, обязан подвергать всё какой-то аксиологической проверке.

Апресян Р. Г.: По опыту отца, я бы сказал, что всё заключается в возможности быть искренним и свободным от самобмана, т. е. трезво и ясно мыслящим.

Аванесов С. С.: А может ли быть написание автобиографии мотивировано педагогическими или назидательными целями, желанием оказать позитивное влияние на общество?

Апресян Р. Г.: Будет ли это тогда автобиография? Впрочем, надо решить, с какой стороны мы смотрим. Вот, перед нами автобиография, и из писем или дневников автора мы знаем, что он взялся за неё для того, чтобы историей своей жизни кого-то чему-то научить или кому-то что-то доказать. Однако, как мы воспринимаем данное произведение, не имея такой информации? Если как моралистику, то это и будет моралистическим произведением с более или менее сильным автобиографическим элементом. А если как автобиографию, то назидательную часть мы можем и не замечать или не воспринимать ее в качестве таковой. Мне кажется, любое произведение мы оцениваем по факту его данности, а мотивы автора к его созданию, это уже второстепенное, важное только для специалистов, исследующих творчество автора, или для любопытствующих. Многие памятники назидательной литературы древности написаны в форме поучительного повествования автора (предполагаемого автора) о каких-то событиях своей жизни. И в традиции эти произведения воспринимались именно как наставление в мудрости (чаще, благоразумии). Для современного историка автобиографический элемент выступает на первый план и рассматривается им как возможный исторический источник, пусть и не достоверный.

Аванесов С. С.: Марк Аврелий пишет как бы самому себе, но там же цель-то совсем другая – назидать.

Апресян Р. Г.: Это интересный пример. Перед нами как будто бы подмена жанров. Но подмена ли, с точки зрения самого Марка Аврелия? Или изменение жанра произведения происходит в исторической динамике, трансформации культурного контекста, в котором это произведение воспринимается в разные эпохи?

Аванесов С. С.: То есть, по-Вашему, в цели собственно автобиографии такая мотивация не входит.

Апресян Р. Г.: Вы же не стремитесь установить канон автобиографии. Изучая автобиографию как жанр, Вы наверняка хорошо знаете, что они бывают разными. И мотивироваться могут по-разному. Благодаря Вашим вопросам и я начинаю это понимать, хотя склонен был бы думать, что автобиография – дескриптивна. То есть это описательный, повествовательный нарратив. Повторюсь, мы оцениваем произведение по характеру его циркуляции в культуре. Отдельный читатель воспринимает произведение в контексте своего культурного опыта, исходя из своих потребностей и полагаясь на свои ожидания.

Аванесов С. С.: Но если это литература, то мы же не можем свести цель любого литературного текста к чистой дескрипции. Литература, по своей сути, всегда, так или иначе, – это выдвижение образцов каких-то. Даже не навязывание, может быть, не прямая прескрипция. Но, так или иначе, выдвижение каких-то образцов: нравственных, поведенческих и так далее.

Апресян Р. Г.: Выдвижение образцов – так воспринималась миссия литературы в классическую эпоху. Хотя и в классическую эпоху были литературные произведения, авторы которых стремились скорее опорочить образцы. Современный взгляд на литературу другой – репрезентация (далеко не всегда осмысление) мира каков он есть, чаще во всей его неприглядности (а не во всей красе). И в этом смысле автобиография становится не поводом чему-то научить, а формой признания автора в том, что ничто человеческое ему не чуждо.

Аванесов С. С.: Но есть ведь некая очевидная грань между грубой, откровенной моралистикой и попыткой принести пользу, может быть, на собственном примере. Может быть, даже на собственном отрицательном примере, если это исповедническая, скажем, биография. Да? Есть же тонкая разница между первым и вторым. И вот второе как-то выглядит симпатичнее: «дети мои» или «сын мой». Вот у меня есть такой опыт, он негативный в том смысле, что ведёт к тому-то и тому-то. Я с вами этим делюсь, тем самым предостерегая вас от такого.

Апресян Р. Г.: По-хорошему, всё это следовало бы обсуждать с материалом на руках. Мне и до изучения разнообразного литературного материала кажется, что автобиографии создаются в силу разных – у разных авторов – интенций.

Аванесов С. С.: И вот ещё какой вопрос меня волнует. Может ли автобиография быть исчерпывающей? В том смысле, что может ли она действительно быть автобиографией? Если я пишу автобиографию, значит, я всё ещё жив. То есть моя биография всё ещё продолжается в тот момент, когда я пишу. Она ещё не состоялась. Она не может быть законченной, для того чтобы я мог её изложить. Таким образом, возникает такой парадокс: могу ли я написать автобиографию, если биография ещё не закончилась, то есть если её ещё нет в наличии?

Апресян Р. Г.: Мне кажется, Вы подспудно вносите в понятие автобиографии не предполагаемые смыслы, а именно что это описание *всей жизни*. Ничего подобного. Вспомним повести Льва Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» или уже упоминавшуюся мной повесть Сартра «Слова». Да, это не автобиографии в собственном смысле слова, это автобиографические художественные произведения. Но все они – об определенном периоде жизни авторов.

Аванесов С. С.: Проблема в том, что, возможно, мы упираемся в проблему строгого определения автобиографии. Человек (это моя гипотеза) не может написать автобиографию. Потому что его биография ещё не закончилась. В момент написания её ещё нет, она не случилась.

Апресян Р. Г.: Это логический вопрос. «Не закончилась», как вы говорите, не биография, а, условно говоря, «биос»,

в смысле жизнь, а завершение «графии», т. е. описания, в нашем случае «авто-графии» определяется автором, на то он и «авто-».

Аванесов С. С.: Ну, и нам как читателям нужно понимать, что когда мы берём книгу, на которой написано, что это автобиография, это не биография в том смысле, как пишется биография человека. Это лишь её промежуточный вариант.

Апресян Р. Г.: Промежуточный вариант чего? Автобиография – это произведение, а жизнь – это процесс, событие, некая реальность. Вы же не предполагаете тождества между понятием и тем феноменом, которое это понятие описывает? Почему же Вы ждёте от биографии тождественности с описываемой в ней жизнью? Даже если биография пишется об ушедшем из жизни человеке (что чаще всего и бывает, хотя, заметьте, не всегда), вы же не думаете, что авторы книг, скажем, известной серии ЖЗЛ («Жизнь замечательных людей») представляют жизнь своих персонажей в исчерпывающем понимании её законченности, завершённости? Всегда остаётся масса того, что автору биографии не известно. Потом, биография – это не выписка из архива. Поэтому жизнь какого-то интересного человека становится предметом разных биографий, в которых волшебством их авторов предстают разные, очень разные образы одного и того же человека, в которых даются разные интерпретации его жизненного пути.

Аванесов С. С.: И более того я скажу. И биография этих людей ещё не закончилась на самом деле. Потому что их биография продолжается в их сочинениях, в том, какое они влияние продолжают оказывать на общество. То есть они живут уже...

Апресян Р. Г.: Ну, мне кажется, здесь начинаются свободные вариации на тему. Есть биографии, а есть очерки творчества. Биографии творцов как правило включают и описание их творчества, поскольку их жизнь в первую очередь интересна со стороны их творчества. Но не всякий очерк творчества включается в биографию, не говоря о подробном жизнеописании творца.

Аванесов С. С.: Просто это к вопросу о том, ограничивается ли жизнь человека его физическим существованием? Вот вопрос.

Апресян Р. Г.: У разных – по-разному. И можно сказать так, что раз кто-то взялся писать чью-то биографию, или жизнеописание, – значит, он видит в описываемой им жизни какую-то законченность. Или он намерен как раз вбить последний гвоздь, и тем самым представить описываемую жизнь в её законченности. Наверное, у биографии могут быть разные форматы. И это – предмет для исследования.

Аванесов С. С.: Да, это было бы интересно исследовать. Потому что если мы говорим о том, что автор собственной биографии пишет её не для себя, а как бы в культурное пространство, – он тем самым пытается оказать влияние на это культурное пространство. И какие волны там пойдут в связи с этим его действием, он сам предугадать не может.

Апресян Р. Г.: Или кто-то хочет, может быть, представить свидетельство через два века для кого-то. Есть такая история (я, конечно же, не вспомню имён и деталей). В Лондоне в конце XIX – начале XX века жил некий странный джентльмен, который по каким-то своим мотивам ежедневно брал пробы воздуха, консервировал банку, наклеивал этикетку с датой и ставил на полку. Все считали его чудаком, живущем бессмысленной, никчемной жизнью. А эти баночки законсервированные сохранились. И через 80 лет они стали важнейшим источником, почти археологическим, для экологического изучения. Точно так же человек может писать... Ну, как вот недавно я слышал какую-то передачу, почему в блокадном Ленинграде вели люди дневники. Ну, разные – по-разному. Но, в частности, мы совершенно точно знаем, что кто-то писал для того, чтобы... после неминуемой смерти другие знали, как они жили. Это тоже очень важно. То есть писать в уповании на то, что это будет прочтено, когда меня уже не будет здесь, это уже другая позиция, другая перспектива.

Аванесов С. С.: Ну, и, возвращаясь к тому, с чего мы начали, – философская автобиография, или автобиография философа. Входит ли в понятие философии или в понятие философа некая личная скромность? И в этом смысле не является ли написание автобиографии проявлением такой философской нескромности?

Апресян Р. Г.: Смотря кто пишет. Вот, Фридрих Ницше бы писал. Ну, пусть он пишет всё, что хочет. Он и так нескромен. Во всех отношениях. Но мы знаем других философов, которые были скромны. Во всяком случае, по жизни. Почему-то на ум приходит Людвиг Витгенштейн. Кажется, довольно противоречивая фигура в этом смысле: как будто он ведёт себя кротко. Не в интеллектуальном плане, а, скажем так, в житейском. Но манера, как он пишет, каким он представляет в своих произведениях, – это, конечно же, совсем другое. Известны его дневники...

Аванесов С. С.: Ну, у него по-разному. У него есть тайные дневники, в которых он предстаёт как человек, крайне неуверенный в себе.

Апресян Р. Г.: Я имею в виду тайные. Их я читал. Они писались совсем не для читателя. Это мы – по инерции восприятие всего читаемого – полагаем, что они написаны для нас.

Аванесов С. С.: И в этих дневниках он постоянно сомневается в том, что он достаточно скромен. И даже приходит к парадоксальной мысли, что если человек старается быть скромным, то он тем самым проявляет гордыню.

Апресян Р. Г.: Это известный парадокс, да. Но надо иметь в виду возможность разных аспектов – психологического и этического, возможность разных перспектив – от первого лица и от третьего лица. Кажется, Джон Кейнс, который был немного старше Витгенштейна, по какому-то поводу говорил о нем как о Боге, имея в виду его философское «всемогущество». Вряд ли Витгенштейн хотя бы близко мыслил себя таким образом. Даже в уверенности, что его философия мало кому из его современников (и не только) будет понятна.

Аванесов С. С.: Хорошо. Рубен Грантович. Спасибо.

Апресян Р. Г.: Если действительно хорошо, то хорошо. А как на самом деле – посмотрим.

Аванесов С. С.: Мне понравилось. Может быть, вы хотите ещё что-то сказать от себя?

Апресян Р. Г.: Мне нечего сказать. Нет, от себя я, как правило, ничего не говорю.

Аванесов С. С.: Из скромности.

Апресян Р. Г.: Нет, не из скромности. И даже не из робости. Мне нужна какая-то внешняя стимуляция. Я это заметил в разных интервью. У меня бывало так, что интервью не получались, потому что интервьюер вёл себя кротко и скромно, вместо того чтобы тормозить. И ничего не получалось. И я понимал, что ничего не получается, потому что меня не тормозат. Это, наверное, именно по той же самой причине, по какой я не пишу автобиографию.

Аванесов С. С.: Хорошо. Спасибо большое.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ГИРЕНОК

«У МЕНЯ НИКАКОЙ ТАЙНОЙ ЖИЗНИ НЕТ. ОНА ВСЯ ВОТ...»¹

Смирнов С. А.: Федор Иванович, спасибо большое за согласие на разговор. Я бы хотел, чтобы он был неформальным. И меня интересует не только Ваша автобиография. Что, конечно, важно, поскольку философия состоит из конкретных лиц. Ведь без лиц философия (особенно антропология), вообще-то, не бывает. Но меня интересует ещё и Ваше отношение к такому жанру, как философская автобиография.

А она, философская автобиография, вообще-то говоря, до сих пор вещь спорная, во всяком случае, мне кажется, она до сих пор остаётся мало осмысленной. Зачастую автобиография философа воспринимается этаким «вишенкой на торте». У философа, мол, куча сочинений, возьмём Гегеля многотомного. А что он там думал про свою биографию – мало кого интересует. Или, например, возьмём существующий опыт написания автобиографий. Когда обсуждают, например, наследие Бердяева, читают его тексты, то его «Самопознание» в этот список работ входит факультативно. Кстати, когда Мамардашвили прочитал эту книжку, он сказал: «Ну, какое же это самопознание, это самохарактеристика»². Хотя вопрос остаётся откры-

¹ Разговор состоялся 17 июня 2019 г. в МГУ на кафедре философской антропологии философского факультета. Интервью провел С. А. Смирнов (Новосибирск).

² Речь идёт о записи Мамардашвили в ежедневнике нач.-сер. 80-х годов: «В книге Бердяева “Самопознание” полностью отсутствует какое бы то ни было

тым. И поэтому я решил, так сказать, провести серию таких живых разговоров, в которых мы бы обсуждали не просто понимание философами своей собственной автобиографии, но и отношение к этому жанру. Потому что жанр такой, сложный. Как Вы думаете? Вы уже начали писать свою автобиографию или Вы как бы ещё молодой?

Гиренок Ф. И.: Да, я ещё совсем молод, у меня вся жизнь впереди. Поэтому в мою голову не приходила идея автобиографии.

Смирнов С. А.: Не приходила.

Гиренок Ф. И.: Не приходила. Совершенно, признаюсь. И здесь никакой тайны нет. Не приходила и, наверное, не придёт. Мне приходило в голову другое. Уйти в сторону литературы.

Смирнов С. А.: Литературы? Вы в одном из интервью уже говорили об этом.

Гиренок Ф. И.: Эта идея у меня сидит с детства. Просто никак не могу её реализовать. Не могу подвести итоги: не могу как бы подмести в своём интеллектуальном доме, всё расставить по местам и уйти из него.

Смирнов С. А.: И уйти?

Гиренок Ф. И.: И уйти.

Смирнов С. А.: Из философии уйти в литературу?

Гиренок Ф. И.: Нет, не точно. Это не значит стать писателем. Литература только там, в философии, и есть. Больше никакой философии не существует. Научная философия – это бред, то есть язык, в котором сознание не оставило свои следы.

Смирнов С. А.: Это для России характерно.

Гиренок Ф. И.: Да.

Смирнов С. А.: Это и есть идентичное занятие для нашего брата философа в России?

Гиренок Ф. И.: Да. Философия – это литература, которая извлекает из жизни человека не логику, а абсурд. Вот хочется

самопознание, а есть самохарактеристика, блестящая, критическая, что угодно, но не самопознание». В кн.: Мамардашвили М. К. Необходимость себя. Введение в философию. М.: Лабиринт, 1996. С. 208.

уйти из мира фактов, информации, но не из философии, нет, а как бы сменить «куколку». Заниматься не школьной философией, не разговорами о философии и философах, а ею самой. Потому что там, где ты находишься сегодня, а находишься ты в пространстве игры в термины, там всё пусто. Я так думаю.

Смирнов С. А.: Да, конечно. Ситуация такая?

Гиренок Ф. И.: Я так думаю: в современном мире, в котором долгое время хозяйничала наука, всё упрощено, все выжжено, всё пусто. Для философии не осталось никакого места. Чувство философии напрочь нами утеряно. Просто утеряно. Везде.

Смирнов С. А.: То есть философская культура и философское чутьё?

Гиренок Ф. И.: Культура мешает философу быть философом.

Смирнов С. А.: Слишком много культуры?

Гиренок Ф. И.: Слишком мало философских идей. Я устал от этой «культурности».

Смирнов С. А.: То есть все умничают, кучу книжек цитируют...

Гиренок Ф. И.: Умничают, книжки читают. Язык занял место сознания.

Смирнов С. А.: Школы, конференции, слов много...

Гиренок Ф. И.: Очень много слов.

Смирнов С. А.: А чистоты мысли нет.

Гиренок Ф. И.: Нет. К философии эти слова не имеют никакого отношения.

Смирнов С. А.: Ага. То есть это умничанье к философии не имеет никакого отношения.

Гиренок Ф. И.: Да. Ум неистовствует бесцельно.

Смирнов С. А.: Но это же не значит, что надо сесть, с умным видом писать свою автобиографию. Понятно. Речь идёт о том, что жанры этого автобиографирования могут быть разными: могут быть дневники, записи литературные, письма. Вот Бахтин не любил автобиографий тоже и про себя ничего толком не писал. Но вот взял Дувакин и провёл с ним беседы, интересный разговор получился. Фактически автобиографический.

Гиренок Ф. И.: Вышло в ЖЗЛ?

Смирнов С. А.: А в ЖЗЛ вышла биография Бахтина. Мало известный литератор.

Гиренок Ф. И.: Кокошко?

Смирнов С. А.: Да, вроде. Ну, жуткое дело.

Гиренок Ф. И.: Дело в том, что я к Бахтину всегда относился с дистанцией, зная то, что этот человек чрезвычайно одарён, редкого таланта, но совершенно чуждой мне философии. То есть его философия – это холостой выстрел. А почему? Потому что он не знает отношения человека к самому себе. Он знает Другого. И хотя на нём, на Бахтине, лежала и лежит (в России, по крайней мере) так называемая гуманитарная мысль, с моей точки зрения, она улеглась на очень пустой философии. И когда вышла в ЖЗЛ книга филолога с критикой Бахтина, я с симпатией отнесся к этой критике.

Смирнов С. А.: Коровашко. Вспомнил³.

Гиренок Ф. И.: Коровашко. Согласен. Я говорю «филолог». Это значит, тоже специалист. А им я не очень доверяю.

Смирнов С. А.: Да.

Гиренок Ф. И.: Я не люблю вообще всех диалогистов.

Смирнов С. А.: И Бубера заодно?

Гиренок Ф. И.: Ну, это вообще смешные фигуры. Бубер Канта ругает...

Смирнов С. А.: Да. Розенцвейг...

Гиренок Ф. И.: Совершенно верно. Нет, фигуру Другого можно обсуждать. Почему нет? Дело не в этом. Бахтин прекрасно описывает ситуацию, когда ты смотришь на себя в зеркало. В зеркале тебя нет. Ты стоишь перед зеркалом. Заменяем зеркало картиной. Что изменилось? Ты не перед картиной. Ты в ней. Ты совершаешь путешествие в воображаемое. Тебя нет без этого путешествия. Я беру у Бахтина обыкновенную вещь и открываю в ней не диалог, а отношение к себе. У Бахтина же идёт целая серия вещей совершенно замечательных

³ Коровашко А. В. Михаил Бахтин. М.: Молодая гвардия, 2017 (серия «Жизнь замечательных людей»).

для внешних наблюдений. Но он наблюдает с точки зрения фундаментальной фигуры Другого, который меня создаёт без меня. Всё это он описывает в книге... Господи, как эта книжка называется, бахтинская?

Смирнов С. А.: «К философии поступка», «Автор и герой...».

Гиренок Ф. И.: Вот, да, вот эта – «Автор и герой». Совершенно замечательная вещь.

Смирнов С. А.: Есть куски там хорошие. «Человек у зеркала» – это же феномен такой, удивительный, им описанный.

Гиренок Ф. И.: Его описание совершенно удивительное, тонкое. Что такое гуманизм у Бахтина? В нём нет концептуализации человека. У него довольно много вещей написано интересных, много рассыпано гениальных замечаний...

Смирнов С. А.: Как бы походя.

Гиренок Ф. И.: Да. Но я совершенно безразличен к тематике диалога. Это во-первых. Во-вторых, мой мозг настроен каким-то особенным образом. Я могу сказать даже больше. У меня была одна знакомая из Большого театра. Она руководила хором. А я любил, не имея голоса, напевать всякие вещи в её присутствии. И однажды она мне сказала: не надо, не пой в моём присутствии. У меня может испортиться слуховой аппарат. Он очень капризен. Так вот, и я очень капризен.

Смирнов С. А.: Избирателен? Придирчив?

Гиренок Ф. И.: Я скажу так. Видимо, что-то я сделал и мне открылось то, что не открылось тем, кто рядом. Я не могу просто читать чьи-то тексты. Не могу. Например, беру какой-нибудь текст С. А. Смирнова, вот где он рассуждает о чём-то... (смеются), и говорю: Господи Боже мой, ну, проектное действие – это детская болезнь, это детская болезнь тех времён, когда я, будучи студентом третьего курса, тоже увлекался логическими построениями Г. П. Щедровицкого, ходил на семинары, участвовал в баталиях.

Смирнов С. А.: Это у нас отдельная тема. Но это мои более ранние увлечения, методологическая юность, задолго до антропологии...

Гиренок Ф. И.: Потом стал взрослеть. И я тоже. А параллельно я ходил ещё к другим мэтрам философии. Вот я ходил туда, потом ходил сюда, ходил к М. К. Мамардашвили, ходил к Э. В. Ильенкову. Слышал А. А. Зиновьева, А. М. Пятигорского. Не заметил Б. Ф. Поршнева и Ю. М. Бородая. Я был глуп и думал, зачем нам институт философии, если есть Мамардашвили? Единственный, кого я не знал, это М. К. Петров. Петрова я вообще понять не могу, то есть он мне не нравится. Ну, вот. И сегодня о тех, кто увлекается проектно-деятельностными теориями, я думаю: Господи, ну, когда они повзрослеют?

Смирнов С. А.: Когда повзрослеешь, вырастешь?

Гиренок Ф. И.: Да. Вот нужно вовремя выйти из методологии, этого детского возраста. Методология к философии практически не имеет никакого отношения. Как и сам Георгий Петрович Щедровицкий. Человек чрезвычайно одарённый, технолог и социальный инженер. Но, к сожалению, я не знаю, почему, но у него не было чувства философии. Вот Мамардашвили, например, чем он отличается? У него есть чувство философии. Он обладает каким-то особым умением говорить... Он маг... У него есть связь с иным миром. Он другой. У него другой ум. И это нормально. Но я боюсь, что в нашей стране есть лишь единицы тех, которые чувствуют философию. Единицы. Философы – вредные существа. Они идут не в ногу со временем. Масса движется в одну сторону, а они в другую. Они не со всеми. Они маргиналы. На этих чувствующих философию людей давит культура, в том числе академическая, совершенно пустая, бессмысленная. Философия всегда антикультурна. И, к сожалению, в России философия появилась очень поздно, во второй половине XIX века. Когда появились десятки (я не знаю, каким образом, это чудо) совершенно талантливых, одарённых философов: Флоренский, Булгаков, Розанов. Затем все закончилось. А традиция, то есть то, что в нас, но работает вне зависимости от нас, не сложилась. Философия прекратила своё существование. Больше её не было.

Смирнов С. А.: Больше не было?

Гиренок Ф. И.: У нас философ – пустое место, никчёмный человек. Для того чтобы изменить общественное мнение, нужно столько чистить сознание от пустоты, от странных притязаний на философию, от компиляций и так дальше, что легче вычистить авгиевы конюшни. Всё это культура. Но культура, которая выполняет свою антифилософскую функцию. Вот пример. Философские журналы создаются у нас не для того, чтобы у нас была философия, а для того, чтобы её не было. Журнал должен искать авторов, ловить тенденции не только на Западе, но и в России. А что в итоге? Переводы, переделки, комментарии. Сегодня нет спроса на философию. И она за ненадобностью примитивизируется. В моду вошла варваризация мышления. Наука провозглашает, что она сама себе философия. Литература третьего сорта пытается решить научно то, что не смогли решить философски лучшие умы человечества. Бесконечно умножилось количество специалистов, экспертов по проблеме сознания, по проблеме человека.

Смирнов С. А.: Новомодные авторы, которых совершенно невозможно читать. Да.

Гиренок Ф. И.: Да. Но нужно следить за современными тенденциями. И мне приходится это делать, хотя и с отвращением. Я не очень люблю постмодернизм. Но постмодернизм подготовил появление ещё более могущественного монстра под названием постгуманизм. Ж. Делёз увлёк нас идеей множественного существования. Мы пошли за ним и стёрли границы между высоким и низким, человеком и не человеком. Сейчас у науки в мире, да и у нас в стране, не самый лучший момент её развития. Науку убивает простая вещь: её технологическое применение. Надежда на силу знания. Представление о науке как о производительной силе – иллюзия! Неужели это не понятно? Техническое отношение к человеку убивает человека. Наука научилась исследовать вещи. Но сегодня ей пришлось столкнуться с субъективностью, с тем, что она не умеет исследовать. Психологи думают, если они изучают мозг, то они изучают сознание. Вот читаю Анохина. Но он же не различает простых вещей. Мозг – это продукт эволюции. Сознание – взрыв галлюцинаций.

Смирнов С. А.: Это младший, психофизиолог, его отец про функциональные системы писал?

Гиренок Ф. И.: Да. Он пообещал через несколько лет решить проблему сознания. Получил финансирование.

Смирнов С. А.: Ну да. Гранты, программы, всё как полагается, да.

Гиренок Ф. И.: И ты понимаешь, что это всё идёт в пустоту. А они принимают важные решения.

Смирнов С. А.: Какую-то политику якобы, да.

Гиренок Ф. И.: То есть, к науке у меня очень странное отношение. Для меня сейчас наука – это основа чего-то реакционного. Она обещает вечное существование для богатых людей. Но в основе науки лежит не опыт, а воображение.

Но это в сторону. А вот что я теперь скажу по поводу философских автобиографий или вообще этого жанра. Здесь есть одна проблема. Эта проблема звучит следующим образом. В философии, чтобы быть, нужно быть искренним. Как только ты немножечко смалодушничал, всё, ты пропал. Ты выпал за пределы мысли. Я не знаю, в каких коммуникативных формах выражается искренность.

Смирнов С. А.: Но там исповедальные вещи начинаются.

Гиренок Ф. И.: Согласен. Это вещи исповедальные.

Смирнов С. А.: В том-то и дело.

Гиренок Ф. И.: Философия – это не аналитика. Это исповедь. Поэтому ей нужна искренность. Где нет искренности, там образуется место для лжи.

Смирнов С. А.: Ну да.

Гиренок Ф. И.: Кто из нас сегодня может сказать, что он похож на Августина? Никто. Вот Бердяев ещё может говорить что угодно. Но его искренность легко услышать. Он не анализирует. Он пророчествует. Через него говорится глубинный смысл. Ему внимают. И Витгенштейну внимают. Он тоже не ловчит.

Смирнов С. А.: Да. Витгенштейн, вроде, не врёт.

Гиренок Ф. И.: Любой искренний текст – это не просто литература, а философия. Особенно в этом мире двуличности, лжи, симуляций.

Смирнов С. А.: Это всё-таки особый жанр, и он имеет место быть. Но он редок. Тут же как? Начинают сразу врать, выпендриваться, нарциссизм вылезает, ложная показушность.

Гиренок Ф. И.: И всё...

Смирнов С. А.: А вот «Исповедь отщепенца» А. А. Зиновьева – тоже исповедь?

Гиренок Ф. И.: Я думаю, что в ней есть злость, идущая от чувства несправедливости. Я вообще, к советским людям отношусь очень...

Смирнов С. А.: Потому что советский?

Гиренок Ф. И.: Я ведь тоже советский.

Смирнов С. А.: Нет, он?

Гиренок Ф. И.: Да, и я тоже советский. Ну, я ещё отчасти русский. Потому что советский – это не русский.

Смирнов С. А.: Понятно, да.

Гиренок Ф. И.: Советская культура – это европейская культура, должен я заметить. И советская философия – это очень странный феномен. Не русский, а европейский. Русская философия закончилась в 1917 году. Потом она доживала, как пенсионер, до своей смерти. Началась советская. Вот М. М. Бахтин – это советская философия. Лидером советской философии попытался стать А. Ф. Лосев, но у него ничего не получилось. В советском было не русское начало, а европейское. Советское закончилось, и сразу же стало видно, что это лишь политическая кожа, а за ней пряталось зависимость от европейской культуры.

Смирнов С. А.: Какая-то постсоветская, непонятно, какая.

Гиренок Ф. И.: Нет, это не постсоветская, ибо она тоже не русская.

Смирнов С. А.: Также не русская?

Гиренок Ф. И.: Нет. Мы не умеем думать сами. Ведь думать самим – значит думать по-русски. А это и есть русская философия, отсутствие которой нельзя заполнить некоторым количеством образованных людей. Вот есть Институт философии. Его создали в советское время. Институт есть, а русской философии нет. Вот сколько там работает людей? 300 человек?

И что? Я знаю прекрасно образованных людей из этого института, умных, талантливых. Но философия – это не институт. Интеллект – это не сознание.

Смирнов С. А.: Да? Не институт?

Гиренок Ф. И.: А литературы почему нет? А потому же. Что я имею в виду? Ведь мы живём в мире текстов. А тексту не нужна искренность. Это писателю сам Бог велел быть очень искренним. А они исчезли. Теперь все сочинители. Разве можно читать сочинённое? Я не могу. Что, передо мной исповедуется какой-нибудь алгоритм?

Смирнов С. А.: Но для исповедальности тогда нужна духовная вертикаль и общение с Тем, Кто не даст соврать, вообще-то говоря.

Гиренок Ф. И.: Ну, наверное.

Смирнов С. А.: А когда вместо него подсовывают псевдо, квази...

Гиренок Ф. И.: Вот. Тут много условий. Это же не по заказу ты договариваешь кем-то недосказанное и ловишь сверхсказанное. Это судьба, это жизнь. И всё. Пошёл – значит, иди. И не надо ждать аплодисментов.

Смирнов С. А.: Конечно.

Гиренок Ф. И.: Это другая работа. Но вообще философия – рискованное занятие. Она вообще похожа на сознательное сумасшествие.

Смирнов С. А.: Вообще-то, по природе она такая и может быть. Без исповедальности, по идее, она иной и не может быть.

Гиренок Ф. И.: Конечно. Лишь только проходимцы позволяют себе в философии нести нечто не исповедальное. Поскольку мир есть мир без иного, он страшно деградировал. Беда. Сейчас все заняты искусственным интеллектом, естественным интеллектом. А что нужно интеллекту? Последовательность действий, логика. Поэтому я говорю: люди, будьте непоследовательны, бросьте вы эту логику. Иначе всех вас заменит машина. Потому что в мире появился алгоритм.

Смирнов С. А.: Кто появился?

Гиренок Ф. И.: Алгоритм.

Смирнов С. А.: А, алгоритм? Ну, понятно. Да.

Гиренок Ф. И.: Для меня это главное событие. И вот что я теперь должен делать? Я должен обдумать то, что произошло. Кто мне в этом поможет? Кто поможет различить естественный интеллект и искусственный? Естественный интеллект и человеческий? Конечно, классическая философия. Кант, Гуссерль. Классика нам говорит: для того, чтобы отличить один интеллект от другого, нужно удерживать различие между внешним и внутренним. Что значит внутреннее у Канта? Время. Как можно воздействовать на другого? В пространстве, как на вещь. А как можно воздействовать на себя? Во времени. То есть воздействие на себя во времени и есть внутреннее. Но это действие не подлежит анализу в терминах теории деятельности. Почему? Потому что она уже использует понятие цели, которое учреждается в акте самовоздействия. Для самовоздействия нужен не интеллект, а сознание. А когда мы используем интеллект? Для воздействия в пространстве на вещь. А что понимает под внутренним Гуссерль? Представление. Представления могут быть подлинными и неподлинными. Подлинное предполагает непосредственное содержание. Я смотрю на розу. Это подлинное представление. Я вспоминаю розу или я рассказываю о розе. Это неподлинное представление. Почему они не подлинны? Потому что они опосредованы знаками. Искусственный интеллект, как математика, сводится к формальному действию со знаками. Естественный интеллект требует слепой каузальности. Человеческий интеллект создаёт, по словам Канта, фигурные синтезы, а, по словам Гуссерля, суррогатные представления. Кант – антрополог. У него внутреннее немислимо без присутствия человека. А Гуссерль? Он феноменолог, то есть, у него внутреннее начинает мыслиться вне связи с человеком. Когда Гуссерль говорит, вычеркивая сознание, мы вычеркиваем и весь мир, он лукавит. Потому что, вычеркивая сознание, мы вычеркиваем человека, а мир остаётся. Ведь чем отличаются пассивные синтезы от активных в «Картезианских размышлениях»? Тем, что в пассивных синтезах не участвует человек. А что такое самоочевидное? Фундамент науки, такая истина, которая едина для всех.

Смирнов С. А.: Ну, самоочевидность.

Гиренок Ф. И.: Да, это самоочевидно. Но он пытается воздействие на себя мыслить в пространстве, а воздействие на другого – во времени. И это будет называться «алгоритм».

Смирнов С. А.: Да, он искал алгоритм универсальный, делающий философию строгой наукой. Искал универсальный ключ.

Гиренок Ф. И.: Ну, вот. Но он делает несколько не приемлемых для меня заявлений. Например, он, как Гегель, утверждает, что наука освобождается от противопоставления мысли и предмета. Но тем самым он освобождает мысль от сознания.

Смирнов С. А.: Да.

Гиренок Ф. И.: Вся европейская философия сошлась на том, что вопрос о человеке зависит от ответа на вопрос, что есть бытие. Фуко и Хайдеггер это прекрасно формулировали.

Смирнов С. А.: Ну, он, вроде, отстранялся от современной версии понимания техники.

Гиренок Ф. И.: От техники он не отстранялся.

Смирнов С. А.: Он же пытался выявить корни техники, писал о феномене технэ, о корнях.

Гиренок Ф. И.: Это кто?

Смирнов С. А.: Хайдеггер.

Гиренок Ф. И.: Техническое связано с подчинением человека своим грёзам. Это подчинение выводило его из природы, оставляя место для технического отношения к природе. Первое орудие – это прирученное животное. Хайдеггер в интервью журналу «Шпигель» говорил о появлении кибернетики, которая поставила под вопрос существование философии. «Теперь, – говорил он, – никто не знает, что происходит в мире, и я не знаю». У нас нет языка, на котором можно было бы что-то сказать. Был язык, а сейчас закончился. Его спрашивают: так сколько ждать, чтобы он вновь появился? Лет 200–300. Что Хайдеггер зафиксировал? Техническое отношение к человеку. Это настолько радикальное событие, что проясняет всё. В том числе и то, что имел в виду Кант, когда он говорил о последних целях человеческого разума. А я теперь говорю:

началась эпоха человека, сутью которого является техника. Вот и всё. На этом завершилось время человеческого существования.

Смирнов С. А.: Тут-то он и помер, тот самый проект человека.

Гиренок Ф. И.: Да.

Смирнов С. А.: Но Фуко-то поздний пытался потом вспомнить: ребята, а человек-то помер тот, которого мы сконструировали, а теперь надо бы вспомнить римских стоиков.

Гиренок Ф. И.: Стоиков можно вспомнить. Но кто ответит на вопрос «что есть человек»?

Смирнов С. А.: Но он искал, может, не там. Но вопрос про то, что он пытался преодолеть вот это техническое применение, он тоже ставил.

Гиренок Ф. И.: Фуко не может его преодолеть. У него сил нет. У него бытие мыслится вне связи с тем, что бытийствует человек. Начиная с Аристотеля и до Фуко, европейское сознание так и не поняло, о чём они говорят, когда говорят о человеке. Вот Аристотель. Что он сказал? Что человек есть существо политическое. И здесь же добавил, что, такое же политическое, как журавли, осы и прочие. С этим высказыванием можно что-то делать? Нет. Ноль. Это нелюбимый мною автор.

Смирнов С. А.: Не могу понять тоже. Не мой автор.

Гиренок Ф. И.: Читая «Метафизику», «Историю животных», я понял, что большего вредителя не было в истории европейской философии. В «Метафизике», он ставит вопрос «чем занимается философия?» И отвечает – сущим. Что такое сущее? Европейское сознание более 2-х тысяч лет искало ответ на этот вопрос. Пока на него не ответил Ницше. Суть сущего – в воле. Вот этим закончилась европейская философия. Простояла 2,5 тысячи лет и закончилась. Всё. А потом был ещё один человек, звали его Кант. Все думают, что Кант – это «Критика чистого разума». А «Критика чистого разума» – это недоразумение, спрятанное в слове «чистое». Куда нас ведёт это слово: к искусственному интеллекту? К естественному? К человеческому?

Смирнов С. А.: Это, пardon, первая Критика, потом была вторая, потом третья. Третью как раз забывают. А она гораздо сложнее и важнее.

Гиренок Ф. И.: Я бы сказал: начинайте читать Канта с «Антропологии с прагматической точки зрения».

Смирнов С. А.: Да, конечно.

Гиренок Ф. И.: А «Критикой чистого разума» заканчивайте чтение. После «Антропологии» читайте «Введение в Логiku», «Критику практического разума». А заканчивайте чтение «Критикой чистого разума». Философия – это наука о внутреннем. И сводится она к ответу на вопрос о том, что есть человек. А Ницше ответил Канту: человек умер. Нет человека – нет проблем. Есть переход к сверхчеловеку. Его поддержал Фуко, который посоветовал нам помыслить мысль вне связи с тем, что мыслит человек. Всё. Это конец.

Смирнов С. А.: Да.

Гиренок Ф. И.: Постмодернизм открыл дорогу постгуманизму. Как понимают сегодня человека в европейской философии? Как живое разумное существо. Возьмём Декарта, его «Размышления о первой философии». Что говорит Декарт? Что человек – живое, разумное существо. А что значит живое? А что значит разумное? Ну, нет, – говорит Декарт, – я за ответы на эти вопросы не возьмусь. Это очень сложно. У меня на это нет времени. А есть ещё по поводу Декарта дискуссия между Деррида и Фуко. Они спорят о том, что Декарт на самом деле понимал под безумием. И не обращают внимания на исследование Декартом границы между сном и явью. Вот в первом размышлении Декарт говорит, что никто никогда не сможет отличить (и это принципиально важная вещь) видимость от реальности, или сновидение от бодрствования. Никогда. Если никогда, то нужно принять следствие. Какое? Человек есть существо, спящее наяву. А также следует признать, что реальность есть сновидение. И это не может отменить ни объект-объектная онтология, ни спекулятивный материализм. Но вот шестое письмо Декарта в «Размышлениях». В нём Декарт дезавуирует прежнее уверение и призывает нас всё-таки

отличить сон от яви. Иначе не понятно, как мы живём. И приводит смешные аргументы. Мол, понимаете, сновидение – это когда всё спутано, быстро откуда-то появляется и быстро куда-то исчезает. Вот и всё.

А нынешняя европейская философия? Я имею в виду Мейясу⁴. Она, конечно, против корреляций мышления и бытия. Для неё мышление не связано с бытием, а бытие с мышлением. Но если бытие не связано с мышлением, то оно не мыслимо. И вы не имеете к нему доступ. Что значит – корреляция? Я говорю: вот дверь. И у меня есть сознание того, что это дверь. Вот это корреляция. Но мы, говорят спекулятивные реалисты, хотим видеть мир таким, каким он был без человека. Хорошо. Я говорю: Земля больше луны. Какая здесь корреляция? Никакой. Земля больше луны независимо от того, есть человек или его нет. Или вот лягушка, которая сидит на камне. Здесь другая проблема. Может ли термодинамика отличить лягушку от камня? Нет, не может. Но мы знаем, что лягушка – это не камень. Каким образом мы это знаем? Просто мы живём и знаем. Истины науки относительно и непрерывно пересматриваются. Значит, наука нуждается в абсолютной истине. Если вы хотите получить мир без человека, то это значит, что вы хотите получить немыслимый мир. Ибо понимать мы можем тогда, когда для мышления и для бытия есть одно основание. А это корреляция.

Смирнов С. А.: Так. Хорошо, мы в такой ситуации. Но Вы при этом сказали, что есть всё-таки несколько чувствующих философов в России. Значит, ещё не всё умерло?

Гиренок Ф. И.: Да нет. Пока живо ещё что-то.

Смирнов С. А.: Пока жив ещё Федор Иванович Гиренок, носитель этого события.

Гиренок Ф. И.: Да (смеётся).

Смирнов С. А.: Понимаете, речь же идёт не просто о том (когда я начал спрашивать про автобиографию), чтобы рассказывать о людях. Прежде всего мысль автобиографична.

⁴ Квентин Мейясу (род. в 1967 г.), современный французский философ.

В этом смысле автобиография начинается тогда, когда человек всё-таки осуществляет этот самый странный акт мышления от первого лица. Без всякого вранья и без дураков. И в этом смысле возникает вопрос: хорошо, как сделать, чтобы было побольше таких прецедентов авторского мышления?

Гиренок Ф. И.: Как сделать? Ввести философию в школу. Выкинуть обществоведение. Кто может говорить от своего имени? Тот, кто встретился с собой, а не застрял на какой-нибудь социальной роли. Кто думает сам? Тот, у кого есть язык. Кто говорит на языке другого, тот не может думать сам. Кто думает сам, тот должен быть готов жить в атмосфере непонимания. Готов к одиночеству. Я практически не общаюсь. Не разговариваю. Мой круг очень узок. Есть несколько человек, с которыми я иногда обмениваюсь какими-то соображениями. Разве что по необходимости.

Смирнов С. А.: Да, конечно.

Гиренок Ф. И.: Вообще-то, я устаю от людей. Мне иногда не хватает времени, чтобы побыть наедине с собой.

Смирнов С. А.: А какой-нибудь интересный собеседник, с которым...?

Гиренок Ф. И.: Есть. Это я сам. Я встречаюсь с собой или поздней ночью, или ранним утром. А затем пытаюсь восстановить всё то, что было высказано на этой встрече. А какие ещё нужны собеседники?

Смирнов С. А.: Так про это же и речь. Что, собеседников и нет?

Гиренок Ф. И.: Нет. Но философия и есть разговор с самим собой.

Смирнов С. А.: Чтобы с ними обсудить те же вопросы, какие Вас волнуют.

Гиренок Ф. И.: А мои вопросы никого не интересуют. Я не в мейнстриме. Мной не сформирована публика. А нет публики – нет и представления мысли. Нет литературы.

Смирнов С. А.: Нет и авторов.

Гиренок Ф. И.: Нет и авторов. Они что, грибы, что ли? Отвратительный XX век убил дух философии в человеке. Всем всё равно.

Смирнов С. А.: Значит, Достоевский появился потому, что был умный читатель?

Гиренок Ф. И.: Был. Но был и провал «Двойника». И кто против? Белинский. И был ещё агон. Был кураж. У всех по-разному. Например, я не могу сказать, что Мамардашвили был искренен в своём мышлении. А вот Делёз искренен. Хотя Мамардашвили чистый европеец. И мысли те же у него.

Смирнов С. А.: Но, тем не менее, Вы не остались там, с ним. Вы не ощущаете себя последователем, учеником Мераба. Правильно?

Гиренок Ф. И.: Нет, не остался. Я не ученик. Я ему иногда, как обезьяна, подражаю.

Смирнов С. А.: Хотя ходили, общались, слушали. То же самое – Ильенков: ходили, общались, слушали. То же самое – Георгий Петрович?

Гиренок Ф. И.: Да. Я всегда сохранял внутреннюю дистанцию. Я хотел быть самим собой. Вот есть Паша Малиновский. Он был ближе к Щедровицкому, чем к себе.

Смирнов С. А.: Да, есть такой методолог.

Гиренок Ф. И.: Мы с ним ходили на семинары. Он потом надолго ушёл туда к ним, участвовал в кампаниях, они разъезжали, заколачивали какие-то деньги, штурмовали мозги.

Смирнов С. А.: Деньги, да. Ну, Петр (Щедровицкий), он так туда и свалился, в консалтинг, да.

Гиренок Ф. И.: Ну, я тоже старался заработать. Одно время я даже был ректором института. Недолго. А Паша достиг каких-то степеней, ступеней, работал в Обнинске на АЭС, руководителем.

Смирнов С. А.: Да на здоровье, пожалуйста. Но это про другое.

Гиренок Ф. И.: Вообще-то каждый должен быть на своём месте и не занимать чужое.

Смирнов С. А.: Но ведь обычно говорят о том, что какие-то учителя должны быть у учеников. У Вас учителя-то были?

Гиренок Ф. И.: Нет. Я сам учился. Я самоучка.

Смирнов С. А.: Для Вас самый хороший собеседник – это Вы сами?

Гиренок Ф. И.: Да. Из поздних моих знакомств, если говорить об искренности, то предельно откровенным собеседником был Георгий Гачев. Он чувствовал силу слова и подходящих слов не подыскивал. Они к нему сами приходили.

Смирнов С. А.: Да.

Гиренок Ф. И.: У него Ильенков был учителем философии. Себя он считал филологом.

Смирнов С. А.: Ну, такой маргинальный он. И он сознательно жил и мыслил как маргинал. И жил подальше, в своём доме, не в городе.

Гиренок Ф. И.: И относился так, с опаской ко всему. Он никогда не называл себя философом. Я тоже не люблю называть себя философом. Потому что их было немного. И примазываться к ним негоже. Я с недоверием отношусь к тем, кто себя называет философом.

Смирнов С. А.: Вы в одном тексте пишете: «Я кочевник внутренний».

Гиренок Ф. И.: Да. Я не осёдлый. Я легко расстаюсь с тем, что я делаю. Мне нужно опустошиться, чтобы дать место в себе для чего-то иного. Я учусь у того, кого я читаю, беру у того, кого слушаю.

Смирнов С. А.: Да. Но мы-то с Вами зафиксировали проблему, что мы переживаем засилье псевдокультуры, брать всё меньше и меньше приходится.

Гиренок Ф. И.: Да, это правда. Читать некого. Слушать тоже. Но самое противное слушать себя.

Смирнов С. А.: Происходит какое-то опустынивание.

Гиренок Ф. И.: Да, это правда.

Смирнов С. А.: И сделать ничего невозможно? И поэтому Вы в университете? Молодые вокруг, есть надежда на то, что что-то вырастет? Или как? Как же Вы в этой академической среде, в этом огромном университете, внутри монстра, в махине этой, живёте, будучи внутренним кочевником?

Гиренок Ф. И.: Слава Богу, я тихий кочевник. И во мне так много безобразного. Я не хочу изменить мир.

Гиренок Ф. И.: Мне трудно сказать. Мне кажется, что я слишком люблю свою свободу, чтобы отнимать её у других. Я не тиран. Но я не люблю разгильдяев.

Смирнов С. А.: Вы как-то попробовать помыслить даёте.

Гиренок Ф. И.: Это я пытаюсь делать. Я прошу мыслить иначе. У нас есть школа. Мы были в Минске, в Архангельске, в Вятке. Осталось ещё и в Новосибирск съездить.

Смирнов С. А.: Давайте обсудим, договоримся. Можно ли тогда говорить о кружке Федора Ивановича Гиренка?

Гиренок Ф. И.: Это не кружок. Это школа.

Смирнов С. А.: То есть, кружок, отличный от академичной научной школы, такой, более свободный.

Гиренок Ф. И.: Да, под школой имеются в виду просто люди с определённым набором каких-то взглядов.

Смирнов С. А.: Да, кружок, совершенно открытый для входа и выхода. Люди просто встречаются, собираются.

Гиренок Ф. И.: Здесь абсолютно нет проблем никаких.

Смирнов С. А.: И всё. И без всяких академизмов.

Гиренок Ф. И.: Конечно. Мы собрались. Пришёл человек бо. Зачитали Манифест Московской антропологической школы⁵. Тезисы опубликовали в газете «Завтра». Заседание открыли «Последним вальсом Николая Второго» Олега Каравайчука, а закрыли «Танцем рыцарей» из балета «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева.

Каравайчук передал плач Гераклита о несчастной судьбе человечества и мировом пожаре. Мы в унисон с Гераклитом думаем, что «человек – существо, спящее наяву», а бытие, тождественное мысли о бытии, это, вопреки Хайдеггеру, и есть себя раскрывающая галлюцинация. То, чего нет, нам дано. То, что не дано, то существует. Мнимости расширяют реальность.

⁵ Ростова Н. Н. Время манифестов: сингулярное событие в мире современной философии // Философия хозяйства. 2019. № 3. С. 253–259. Полный текст «Философского манифеста Московской Антропологической Школы» опубликован в журнале «Человек.RU», 2019, № 14.

Смирнов С. А.: Да, но виртуальное расширение очень сильно рискованно, оно соблазнительное. Ты начинаешь путать явь и сон. Это соблазн.

Гиренок Ф. И.: Да. Вот это интересно. И можно этим заниматься. Человек – рискованное существо.

Смирнов С. А.: Да, конечно.

Гиренок Ф. И.: Единственное, что мы не сделали – это визуальный ряд к идеям антропологической школы. Это было очень интересное событие. Но университет оно не потрясло. Мир не изменился.

Смирнов С. А.: Так, Федор Иванович, теперь дальше. У Вас есть такое радикальное определение человека: человек – аутист по природе. Вы же к этому как-то пришли или Вы изначально так считали?

Гиренок Ф. И.: Исходная точка человеческого находится в расщеплении на внешнюю и внутреннюю жизнь.

Смирнов С. А.: Да.

Гиренок Ф. И.: В исходной точке можно остановиться. Реактивные реакции на мир блокируются, тормозятся, а подчинения внутреннему нет, может быть за неимением самого внутреннего. Вот это подвешенное состояние и называется мной аутистическим. Аутизм – это первобытное состояние человека, то что нас связывает с нашим началом. Слово аутист придумал Блейлер. Он же придумал слово шизофреник. Расщепление на внешний и внутренний мир началось не с удара молотка по камню, а с наскальной живописи. Наука почти ничего не знает о происхождении человека.

Смирнов С. А.: Это до сих пор тайна. Вы об этом пишете в книге⁶.

Гиренок Ф. И.: Да. Человек не знает самого себя.

Смирнов С. А.: Эти бизоны, быки, удивительные просто.

Гиренок Ф. И.: Конечно. Это интересно. Я две вещи понял в этом странном раздвоении. Первое. Внешнее перестало

⁶ Речь идёт о живописи эпохи верхнего палеолита, обнаруженной в пещерах Ласко, Альтамира и др. местах

изменяться. Всё ушло во внутреннюю жизнь. А что такое внутренняя жизнь? Это жизнь среди призраков и грез. Второе. Изначальный человек не жил внешней жизнью. Сознание было тем изобретением, которое приспособливало нас ко внутренней жизни. А во внешней мы как-то ели и что-то пили. Ничем не отличаясь от животных. Различия возникают под влиянием внутренней жизни. Да, мы, возможно, были каннибалами. Об этом говорят Б. Ф. Поршнев и К. Леви-Стросс. Или падальщиками. Но всё это не имеет значения для воздействия человека на себя.

Смирнов С. А.: Вот этого расщепления не было? Вообще не было проблемы раздвоения на внутреннее и внешнее?

Гиренок Ф. И.: Не было. Была полнота сознания. И естественный интеллект. Они жили только внутренней жизнью. А внешнее управлялось естественным интеллектom. Вот эти разговоры про орудия труда, ещё что-то. Чепуха. Люди – художники. Человек думал рукой. Она была его кистью и органом мысли. В этом смысле человек существо аутистическое. А как сегодня лечат аутистов? Их заставляют жить внешней жизнью.

Смирнов С. А.: И дисциплинируют. Есть внешние нормы, и их начинают строить, вставлять в дисциплинарные структуры.

Гиренок Ф. И.: Естественно. Приспособление к внешним вызовам, выработка навыков поведения в соответствии с ситуативной логикой, коммуникацией делает их дебилами.

Смирнов С. А.: Ну, да. Потому что они теряют то, чем жили. Внешним так и не зажили (и не будут), а внутреннее потеряли.

Гиренок Ф. И.: Я понимаю родителей. Они хотят, чтобы ребёнок был как все, чтобы он разговаривал, бегал, прыгал, надевал носки. Но, к сожалению, мы сегодня приспособлены к внешней жизни, а не к внутренней. У нас развит интеллект и не развито сознание. И поэтому, когда мне говорят: «человек – социальное существо», я смеюсь. Мне смешно. Человек скорее асоциальное существо. И проблема состоит в том, чтобы показать, как асоциальное существо становится социальным. Что мы при этом теряем и что мы приобретаем. Человеку ближе язык сновидений, чем язык реальности. Субъективность

– это когда ты подчиняешь себя некоей грёзе. Что такое ценность? Кант, он же ведь наполовину...

Смирнов С. А.: «Грёзы духовидца» – это его работа. Конечно, да.

Гиренок Ф. И.: Да. Кант пытается убить в себе Сведенборга. И не может. Он предлагает давать духовидцам слабительное и симпатизирует им.

Смирнов С. А.: И на этом фоне у Вас появляются вот эти типы (или как их можно назвать – идеи): человек-кукла, человек-пловец лодки, марионетка и человек-ночь – фактически четыре (у классиков). XX век не получил никакого типа. В XX веке складки пошли какие-то?

Гиренок Ф. И.: Да.

Смирнов С. А.: То есть были эти четыре базовые фигуры, а потом XX век начинает всё перемешивать?

Гиренок Ф. И.: Появилась зловещая фигура постчеловека, искусственного человека, гибридного из смеси техники с органикой.

Смирнов С. А.: Ну, натурализация, которая свойственна, вообще-то, такому ещё не ставшему человеком ребенку, который пытался всегда пальцем ткнуть: это вот это. Пальцевая такая философия.

Гиренок Ф. И.: Указательный жест – это то, в чём сознание впервые показывает себя миру и говорит: я есть.

Смирнов С. А.: Да, он про себя.

Гиренок Ф. И.: Указательный жест – это ведь не описание вещи, а факт присутствия сознания.

Смирнов С. А.: Это акт присутствия, да.

Гиренок Ф. И.: Человек создаётся трением галлюцинирующих тел друг о друга. То есть сознание является тем способом, который связывает эти тела в единое целое. Не в смысле, вот он сидит, созревает и затем, как спелое яблоко сверху падает. Нет. Без трения ничего не будет. А самое главное в этом трении – галлюцинация. Этой особенностью обладает только органическое существо. Что такое эволюция? Она есть только у органики. Зачем? Затем, чтобы заблокировать вот эту стран-

ную способность органических существ к показыванию себе картинок. И только лишь взрыв галлюцинаций освобождает от эволюции. Результат взрыва галлюцинаций – это живопись. Человек не центр мира, а его абсолютная случайность. Что-то невозможное. То есть вообще всё в мире против того, чтобы человек был. А он есть. И точка, в которой он есть, я называю точкой сингулярности. Взрыв галлюцинаций – это сингулярность. Почему? Потому что она одна, и никогда не повторится. Она бывает один раз.

Смирнов С. А.: И так же однажды и исчезнет. Как вспышка.

Гиренок Ф. И.: Вот. Совершенно верно. И Гераклит это понимал. Эволюцией человек не объясняется.

Смирнов С. А.: Ну, конечно. Да.

Гиренок Ф. И.: Протагор – это первый, на мой взгляд, антрополог. Но его не понимали, презрительно называли софистом. Парменид потому и говорил о бытии тождественном с мыслью о бытии, что знал, что человек живёт в мире кажущихся вещей.

Смирнов С. А.: Смотрите, Федор Иванович, если так, то можно ведь относиться к жизни каждого человека как к вспышке. И философия, естественно, случается, как вспышка. И чем больше вспышек, тем лучше, по идее-то.

Гиренок Ф. И.: Да. Пока взрываются галлюцинации, мы живём. Но здесь есть одна проблема. Эволюцию сменила жизнь в обществе. То есть общество – это плата за то, чтобы мы, галлюцинирующие, жили вместе. Согласованная галлюцинация – это мертвая галлюцинация. Либо мы живём в обществе без галлюцинаций, либо не живём. Общество – страшная вещь. Оно заставляет нас свободно делать то, что иным образом сделать нельзя.

Смирнов С. А.: А если происходит, то нужно канализировать для нужных задач.

Гиренок Ф. И.: Поэтому искусство и культура – это два антагониста. Культура не имеет никакого отношения к искусству. Она на нём только паразитирует. Зачем Канту понадобилось вводить понятие фигурного синтеза? Затем, что ему нужен

обман. Для чего? Для того чтобы рассудок обманул чувство. Откуда берётся обман? Из жизни в обществе. Нельзя жить в обществе без обмана чувств. Никто не может воздействовать на чувства. Уму нужно переодеться в одежду воображаемого и обманом воздействовать на чувства. То есть вот эта хитрость, переодевание, и есть интеллектуальная жизнь в обществе. У нас у всех есть свой интеллект. Интеллект, который не имеет никакого отношения к сознанию.

Смирнов С. А.: Это про разное.

Гиренок Ф. И.: Да. Совершенно верно. Как говорит Гуссерль, ещё существуют очевидности. Они доязыковые. Они асоциальные. Их нельзя обмануть. Вернее, нас нельзя обмануть, пока у нас есть с ними связь. Как только человек начинает говорить, он начинает жить в обществе. Язык стирает очевидности. И поэтому нам нужно время от времени возвращаться к доязыковому опыту. Это обременение естественного интеллекта. Но этим он отличается от искусственного интеллекта, у которого есть только формальные операции. Ноль – один. И можно что угодно делать с тем условием, что ноль – это не один.

Смирнов С. А.: Да, конечно.

Гиренок Ф. И.: Интеллект органического существа не в рамках технического отношения к человеку.

Смирнов С. А.: Да.

Гиренок Ф. И.: Творчество – это же целое путешествие в мир воображаемого. Или в какие-то другие миры. Сегодня же всё представимо в цифрах. А цифры опасны тем, что в них схлопывается внутреннее и внешнее.

Смирнов С. А.: Да.

Гиренок Ф. И.: Мы начали с палеолита, с раздвоения, а заканчиваем цифрой, схлопыванием внешнего и внутреннего. При приближении к цифре исчезает человек, исчезает искусство. Появляется постчеловек и так называемое «современное искусство».

Смирнов С. А.: Ну, это не произведение.

Гиренок Ф. И.: Ну да.

Смирнов С. А.: Человек там не творит, не преобразается.

Гиренок Ф. И.: Да, проблем полно.

Смирнов С. А.: Несмотря на обилие новых авторов. Про постчеловека пишет и С. С. Хоружий...

Гиренок Ф. И.: Хоружий делает одну прекрасную вещь. Что он делает? Поскольку европейская философия разрушила свой дискурс, постольку он пытается спасти то, что можно спасти при помощи византийской ветви.

Смирнов С. А. Через обращение к православию.

Гиренок Ф. И.: Да. Вот сюда. И говорит: здесь мы найдём нечто новое. Какое новое, если Бог умер, человек умер? По двору гуляет алгоритм. Чем нам может помочь синергия? Один Достоевский перевешивает всех современных антропологов. Его письмо Е. Ф. Юнге о двойственности является фундаментальным⁷. А «Двойник»?

Смирнов С. А.: «Двойник», да.

Гиренок Ф. И.: Начал с бедной социальной темы.

Смирнов С. А.: Ну, его «человек из подполья» – это вообще открытие.

Гиренок Ф. И.: У него был провал с «Двойником», а потом уже через несколько десятков лет появился «Человек из подполья».

Смирнов С. А.: Да, опять литература.

Гиренок Ф. И.: И это понятно. Потому что фундаментальный принцип антропологии состоит в раздвоенности человека. Даже в своей цельности мы будем раздвоены.

Смирнов С. А.: Но к этому же надо было ему прийти. Вот та самая исповедальность, вспышка. Достоевский сам как вспышка. Но это же произошло почему? Опять же, потому что готов был на предельный разговор с предельным горизонтом. Вспышка возможна же тогда, когда человек предельно открыт.

⁷ Юнге Е.Ф. (1843–1913) – русская художница. Оставила «Воспоминания». Была знакома с Достоевским, Толстым и многими другими деятелями культуры. Сохранилась её интересная переписка. Речь идёт о письме Ф. М. Достоевского – Е. Ф. Юнге 11 апреля 1880 в ответ на её письмо.

Гиренок Ф. И.: Это естественно.

Смирнов С. А.: Потому что иначе не вспыхнешь. Иначе будет у тебя треп неискренний. А если Бога нет – так и...

Гиренок Ф. И.: Тогда будем жить так, как если бы он был.

Смирнов С. А.: Да. Для этого не надо ходить в церковь.

Гиренок Ф. И.: Не надо. Я иногда не понимаю людей вообще, как они живут.

Смирнов С. А.: Ну, как? Двуногие без перьев. Многие так и живут.

Гиренок Ф. И.: Я действительно не понимаю, что произошло с человеком. Ведь не всё можно.

Смирнов С. А.: Ну, да.

Гиренок Ф. И.: Я не всё могу. По моим понятиям, социум, вообще, начинается с пятого человека, с того, кто в угоду чётвёртём отказался чувствовать то, что он чувствует, и повторил (язык для этого есть) то, что говорят они.

Смирнов С. А.: Да.

Гиренок Ф. И.: Вот у этого пятого. Он сказал: каша сладкая, хотя она была у него солёная. У него были чувства, а он их проигнорировал.

Смирнов С. А.: Да. Смотрите, что получается. Получается, что, если сама жизнь человека – это такое уникальное событие, равно как и его мысль, то философская автобиография, как автобиография – невозможна? Это всё придумки задним числом? Как можно сочинить про вспышку или написать про это? Что, играть перформансы? Например, книжки Гиренка. Это же можно как бы показать в живой беседе, предъявить. А когда это воплощается в текст, а за текстом многослойные эти смыслы... Был же исток мысли. Но исток мысли нельзя упаковать в текст – там всегда что-то умирает, исчезает живое: живое дыхание автора. Ну, это известно. Одно дело – он беллетрист, он там будет писать. Другое дело – сохранить исток, чтобы собеседник понял исток, а не просто текст.

Гиренок Ф. И.: А для этого очень важно вот это личное общение, передача.

Смирнов С. А.: Да.

Гиренок Ф. И.: Потому что смыслы рождаются прежде текста. А если их нет, то тексты не нужны.

Смирнов С. А.: Вот. Невозможно.

Гиренок Ф. И.: А идёт всё к этому. Всё заменяется цифрой.

Смирнов С. А.: Да. Цифровой двойник?

Гиренок Ф. И.: Конечно.

Смирнов С. А.: Хорошо. Но тогда ещё более серьезная вещь. Вам не кажется, что на самом деле автобиография начинается после ухода её носителя? Как ни странно, вроде, вспыхивает живёт с ним, как живое событие. А с другой стороны, биография осознаётся уже после смерти. Как Витгенштейн вдруг возрождается после своей смерти. Вдруг узнают: вот он какой был, оказывается.

Гиренок Ф. И.: Да, как свет погасшей звезды.

Смирнов С. А.: А при жизни-то непонятно, что. Да? Какой-то странный экзотичный товарищ. Или посмертная биография Бахтина. Посмертная биография Ницше, Кьеркегора. Он вдруг становится модным европейским интеллектуалом. В XIX веке кто бы его знал, этого датчанина?

Гиренок Ф. И.: Немногие.

Смирнов С. А.: Это так суждено? Такое правило жизни для тех, кто вспыхивал?

Гиренок Ф. И.: Я скажу, что для меня это не очень важно. Как будет, так пусть и будет.

Смирнов С. А.: Как будет.

Гиренок Ф. И.: Совершенно верно.

Смирнов С. А.: Я имею в виду, если вот по факту.

Гиренок Ф. И.: По факту-то получается так. Никто не знает, сколько осталось человечеству лет. 30? 50? Только Бог может нас спасти, как сказал Хайдеггер.

Смирнов С. А.: Он спасет немногих.

Гиренок Ф. И.: Это единственный шанс.

Смирнов С. А.: Да, и нет гарантий.

Гиренок Ф. И.: Я не могу Его вовлекать в какие-то наши дела здесь. Нет, ты уж извини, сделай, прими, всё прими на себя.

Смирнов С. А.: Да. Всё. Всякого. Любого, да. Да, конечно.

Гиренок Ф. И.: А сейчас техническое отношение человека к самому себе – это венец его сингулярного существования. А у нас ещё есть люди, которые это не понимают.

Смирнов С. А.: Да, да, безусловно. Для них фамилия Гиренка одиозная.

Гиренок Ф. И.: То есть я трепет вызываю.

Смирнов С. А.: Да. Нет, ну, Гуревич Павел Семенович, покойный, Вас уважал. Он Вас ценил. Он мне говорил.

Гиренок Ф. И.: Мы с ним дружили.

Смирнов С. А.: И в этой связи я правильно понял, что Вы не разделяете, не разводите: просто жизнь человека как обывателя, его физическое существо (встал, лег, женился, детей родил), и философа.

Гиренок Ф. И.: Как их развести?

Смирнов С. А.: Это невозможно.

Гиренок Ф. И.: Нет.

Смирнов С. А.: Вот Биbihин эти вещи разводил, он говорил: не лезьте в его жизнь, надо постичь тайну мысли.

Гиренок Ф. И.: У меня никакой жизни тайной нет. Она вся вот.

Смирнов С. А.: Вот она, да. В этом смысле как живу, как дышу, так и мыслю.

Гиренок Ф. И.: Я такой и завтра буду таким, какой я есть.

Смирнов С. А.: Смотрите, при этом Вы почему-то как-то относитесь к Бахтину, как к выхлопу пустому. Он же, вообще-то, про поступок, про единство личности, про ответственность, про событие говорил. Вот это всё он проговаривал много раз. Он пытался найти вот эту тайну единства личности живой.

Гиренок Ф. И.: Вот поступок.

Смирнов С. А.: Так.

Гиренок Ф. И.: Так, а как мне поступить, если меня оформляет другой? Тот, который даёт мне форму.

Смирнов С. А.: Жизнь как поступок у него вообще описана. Поступающее бытие. Ну, понятно, что у него были поиски языковые. Он там всё пытался найти адекватное слово. Но говорил иногда темно, бывало, а иногда ясно.

Гиренок Ф. И.: Бытие не может поступать. Я могу.

Смирнов С. А.: Я просто про то, что в Ваших словах много узнаётся того, что сказано было и им. Но Вы при этом (то есть я про это), у Вас даже в Складках его нет⁸. У Вас там Флоренский, который Вам, вроде, ближе.

Гиренок Ф. И.: Бахтин у меня есть. Он у меня советский.

Смирнов С. А.: А-а, понятно. Да, наверное.

Гиренок Ф. И.: Я просто не думал об этом.

Смирнов С. А.: Наверное, да.

Гиренок Ф. И.: У меня есть он.

Смирнов С. А.: Но даже не Мамардашвили, который, вроде, хотел быть европейским мыслителем...

Гиренок Ф. И.: Он и есть европейский.

Смирнов С. А.: В отличие от Щедровицкого, Зиновьева, Ильенкова, которые советские.

Гиренок Ф. И.: Эти философы советские. И они же европейские.

Смирнов С. А.: А он европейский. Он выбивался из этой всей обоймы.

Гиренок Ф. И.: Да, он европейский, такой, немножечко диссидентствующий.

Смирнов С. А.: Да, такой диссидент-интеллектуал.

Гиренок Ф. И.: А о Бахтине мне Гачев рассказывал. Они с Кожинным ездили к Бахтину.

Смирнов С. А.: Да, вновь открыли его в Саранске.

Гиренок Ф. И.: И мне нравилась его философия. Но однажды я понял: от Бахтина – к Другому, от Ясперса – к наркотикам, а от Фуко – к алгоритму. Другой – это социум. А почему к наркотикам? Потому что у Ясперса была теория конечного опыта. Почему к алгоритму? Потому что Фуко мыслил мысль вне связи с человеком. Я рассуждал на манер: «От Канта к Круппу»⁹. Один народ, один фюрер, одна дисциплина на всех.

Смирнов С. А.: У немцев это было. И в итоге пришли к фюреру. А как ошибся Хайдеггер со своим нацизмом? И, говорят, так и не отмылся.

⁸ Гиренок Ф. И. Фигуры и складки. М.: Академический проект, 2013.

⁹ Речь идёт о живописи эпохи верхнего палеолита, обнаруженной в пещерах Ласко, Альтамира и др. местах

Гиренок Ф. И.: Его слишком долго замазывают.

Смирнов С. А.: Вот всё время замазывают.

Гиренок Ф. И.: Да.

Смирнов С. А.: А это разве было сознательно? Может быть, он просто обознался, будучи слишком одарённым? Думал, что это зов бытия.

Гиренок Ф. И.: А как Мамардашвили работал в журнале «Проблемы мира и социализма»? Зов партии.

Смирнов С. А.: Да, он в Праге сидел. Хорошо сидел. Сытно, уютно, с комфортом. Всё замечательно, да.

Гиренок Ф. И.: Прекрасно сидел. Жил как нормальный советский человек.

Смирнов С. А.: А потом вернулся в затхлую Москву, брошенный из Праги сытой. Было, было дело.

Гиренок Ф. И.: Вот Хайдеггер, я его понимаю. Что я понимаю? Я понимаю, что он человек земли. Ведь что такое фашизм? Фашизм – это попытка ответить на какой-то очень важный вопрос для Европы. В чём этот вопрос? Удастся ли сохранить крестьянина, связь человека с землей или нет? Горожанин – это не крестьянин. Тогда, может быть, и решалась судьба Европы. И ответ получился таким, каким он получился. Не удалось.

Смирнов С. А.: Ну, как и у нас человека уничтожали. Человека земли уничтожили, да.

Гиренок Ф. И.: Так это и есть. Распад души в России – это весь XX век. Кто остался?

Смирнов С. А.: Беспочвенники.

Гиренок Ф. И.: А я хотел бы видеть в России русскую церковь, русские лица. Как, впрочем, в другом месте – другие лица.

Смирнов С. А.: И там своё, свои лица.

Гиренок Ф. И.: И это понятно. Я гость. Я прихожу – я соблюдаю правила, которые приняты здесь. И вдруг эти правила уходят.

Смирнов С. А.: Фюрер этим и воспользовался. Этим зовом почвы.

Гиренок Ф. И.: Да. И этот зов подвёл его, Хайдеггера.

Смирнов С. А.: Да.

Гиренок Ф. И.: Но потом американцы уничтожали цвет немецкой нации. Как вот этого дирижера...

Смирнов С. А.: Г. Караян?

Гиренок Ф. И.: Нет, не Караян. Ну, он на дне рождения фюрера дирижировал оркестром.

Смирнов С. А.: Вагнера играл?

Гиренок Ф. И.: Я сейчас вспомню его фамилию¹⁰. Вычистили. Уничтожили. Одного за другим. И Хайдеггер тоже попал. Это что такое?

Смирнов С. А.: Они бандиты по жизни, ковбои. Они-то никогда почвы не имели.

Гиренок Ф. И.: Да. Но, так нельзя. Это не забывается.

Смирнов С. А.: Если не развалится до этого всё. Так, ну что, Федор Иванович, хорошо всё. Поставим многоточие, поскольку действительно ещё много всего. Но в этом плане, если Вы уходите в литературу, представьте себе: Вы уходите в литературу. Первая фраза первого произведения?

Гиренок Ф. И.: Я не знаю.

Смирнов С. А.: Как вспыхнет? Я имею в виду смысл. Это же тоже вопрос такой: найти слово созвучное.

Гиренок Ф. И.: Нужно быть готовым к слову. Я не готов.

Смирнов С. А.: Чистый лист соврать не даст. Кстати, Вы как пишете: на чистом листе или сразу за компьютер?

Гиренок Ф. И.: На чистом.

Смирнов С. А.: Сейчас новомодные писатели черновиков не пишут.

Гиренок Ф. И.: Нет, я работаю как встарь.

Смирнов С. А.: Ручкой на чистом листе.

Гиренок Ф. И.: Да, ручка, бумага, правки, потом ещё одни. Ну, как обычно.

Смирнов С. А.: Конечно. Понятно. Хорошо. Спасибо. Сделаем паузу.

¹⁰ Речь идет, возможно, о дирижёре Курте Фортвенглере (1886–1954). Хотя более активен был Г. фон Караян, который с 1933 года был членом НСДАП.

ПЕТР МИХАЙЛОВИЧ КОЛЫЧЕВ

«МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ ОЧЕНЬ ВРЕДНА...»¹

Аванесов С. С.: Итак, Пётр Михайлович Колычев, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения. Начинаем наше интервью, посвящённое теме взаимной связи или отсутствия взаимной связи между философской биографией и автобиографическим текстом.

Колычев П. М.: Ну, надо только добавить, что сегодня

у нас 4 февраля 2021 года.

Аванесов С. С.: Давайте попробуем поговорить.

Колычев П. М.: Я хотел бы небольшое вступление сделать. И поскольку эта запись в каком-то смысле, насколько я понимаю, будет полуофициальной, в том смысле, что полуофициально какая-то часть записи пойдёт в отчёт по гранту, здесь я хотел бы (вот это принципиальный для меня момент) прокомментировать известное выражение: «Платон мне друг, но истина дороже». Сергей Сергеевич мне друг. Истина здесь ни при чём. В моём понимании я как бы истину ставлю в ничто, то есть она не имеет для меня абсолютно никакого значения. Для меня дружба гораздо важнее. Поэтому что-то в моём интервью, может быть, выйдет за рамки общепринятого. Я постараюсь выражаться на нормальном нормативном языке. Но по содержанию это будет не очень удобоваримо, я думаю, для 95 % философов. Потому что, я надеюсь, в своём интервью я выскажу

¹ Разговор записан 4 февраля 2021 г. Интервью провел профессор С. С. Аванесов.

всё, что я о них думаю. Но я понимаю вот эту часть официальную, нужную. Поэтому я как бы даю Сергею Сергеевичу карт-бланш: он может вырезать любой кусок из моего интервью, вплоть до того, что может вырезать слова, скомпоновать новый текст, и я под ним подпишусь. Я к этому совершенно свободно отношусь. Но я предупреждаю, что я буду говорить откровенно, то есть так, как оно есть.

Аванесов С. С.: Пётр Михайлович, спасибо за примечание к нашему будущему интервью. И тогда, если Вы не против, мы начинаем.

Колычев П. М.: Да, да, начинаем.

Аванесов С. С.: Тогда первый вопрос (личный). Вы уже пишете свою автобиографию? Или вы считаете это лишним делом?

Колычев П. М.: Во-первых, я не считаю это лишним делом. Автобиографию не пишу, за исключением, если помните, в советское время мы заполняли в отделе кадров так называемую «автобиографию». У меня где-то листочек, мой рукописный листочек, сохранился. Нет, я считаю, что это дело действительно серьёзное. Ну, вот мы с моей супругой столкнулись с серьёзностью этого мероприятия ещё в связи с тем, что мне достались дневники моего бывшего руководителя – Аскина Якова Фомича, его дневник, который он вёл. По крайней мере, мне досталась часть с 1957 года и до самых последних его времён (это порядка, наверное, где-то около 40 лет). И была очень большая работа проведена с этими дневниками. В основном она была проведена моей супругой Любовью Ивановной. И мы никак не понимали, как её издать, вообще-то говоря. Но, в конце концов, пришли к убеждению, что нужно не просто издание. Там просто непонятно: один кусок, другой. Она сделала литературную обработку: как бы рассказ о себе. Но по смыслу там нет никаких других мыслей, кроме мыслей самого вот этого философа. Такая книжка потом была ею написана, мы её опубликовали. И Сергею Сергеевичу, если будут у него свободные руки, Любовь Ивановна с удовольствием подпишет и вручит эту книжку. Поэтому я считаю, что дело это нужное. Но приступил ли я? Вообще-то, не приступил. Ну, вот

я сейчас и приступаю, собственно говоря. Вот именно благодаря этому интервью я и приступаю к написанию. Но у меня это будет видеоавтобиография.

Аванесов С. С.: Хорошо. Хорошо то, что, может быть, это интервью послужит поводом для начала новой работы. А вот что касается самой работы философа. Вы согласны с мыслью, что вообще-то жизнь философа заключена в его текстах, в тех, которые он пишет? Тогда надо ли ему писать ещё отдельный текст о самом себе?

Колычев П. М.: Я бы, честно говоря, сделал бы эту фразу, построил бы её наоборот. Ещё раз формулировку, чтобы я не перепутал. Начальная формулировка: жизнь...

Аванесов С. С.: Жизнь философа заключена в его текстах. Ну, имеется в виду, что, читая его тексты, мы понимаем его эволюцию. Нужно ли писать ещё один текст?

Колычев П. М.: Всё, понял. Ну, отвечу на второй вопрос: нет, второго текста писать не надо. Но почему? Потому что у меня как раз всё наоборот: сначала текст философа, а потом его жизнь. Это принципиально разные значения. То есть ты должен прожить жизнь в соответствии с теми идеями, которые ты высказываешь. В этом смысле у тебя должна быть ответственность. Вот пример (хороший или нехороший – неважно) большевиков. Они ведь и жизнь так построили себе. Ну, по крайней мере, истинные большевики. Они так себе и видели. У них сначала был некий как бы образ мысли, или в широком смысле слова – «текст», и тогда они по нему выстраивали собственную жизнь. Поэтому в моём случае это именно так и есть. То есть я стараюсь жизнь прожить так, в соответствии с теми результатами философскими, которые я получил.

Но, правда, во втором же вопросе мы сразу сталкиваемся с очень важным термином, который нужно прояснить: что такое философия? Я постараюсь это кратко сделать: почему нужно прояснить? Потому что я убеждён: то, что я понимаю под философией, я очень редко это встречал, среди философов я это вообще не встречал, а среди других людей – да, было некое согласие. Для меня философия – это знание о том, как устроен мир в целом. Вот это и есть философия.

Как к этому относиться? К этому надо относиться как к определению. Это не означает «хорошо» это, «плохо» и так далее. Нет. Это внутреннее определение для моего вот этого видеофрагмента. Вот сейчас я так это думаю, и на протяжении всего вот этого видео я буду так и использовать вот этот термин. То есть это по определению. Вот в своё время, когда я изучал математику, у нас была замечательная фраза. А ведь математики в отличие от философов (здесь математика и философия на разных полюсах)... с математиками невозможно спорить. Там как бы: вот тебе мел, доска – доказывай. Доказал – прав, не доказал – свободен. У философов всё наоборот. У математиков так, когда они упрутся, тогда математик говорит: «Вот это по определению. Я вот это вот так определил и, исходя из этого определения, получил такой-то результат». Поэтому для меня по определению философия – это (одним словом) мировоззрение, то есть воззрение на мир.

И ещё пару слов. Исходя из этого, для меня философскими дисциплинами не являются ни логика, ни гносеология, ни эстетика. Это специальные разделы. Они очень хорошие, замечательные. Но они самостоятельные. Никакого отношения к моей философии вообще не имеют, просто не имеют никакого отношения. Я занимаюсь только вот этой частью. Ну, в каком-то смысле она у меня совпадает на 95 % с онтологией. Почему с онтологией? Потому что та философская концепция, которая у меня сложилась, она развивается из онтологического решения проблемы бытия. И если у нас будут какие-то содержательные вопросы по философии, я буду говорить только о той философии, в каком-то смысле автором которой я являюсь. Никакой другой философии. Некоторые из других философий я знаю, но для меня самая уважаемая (я снимаю шляпу), единственная философия – это Гегель. Для меня Гегель был отчасти последним философом, который достоин носить это высокое звание.

При этом надо различать ещё две вещи: есть философ, а есть преподаватель философии. Это совершенно чётко надо понимать. Потому что преподаватель философии – человек

на государственной службе. Он получает государственные деньги. У него есть заказ, он должен что-то делать вот так-то и так-то. К философии это может не иметь никакого отношения. У некоторых это совпадает. Вот у многих советских философов это совпадало. Они как думали... Но, я думаю, там их, наоборот, отобрали так думающих и им платили зарплату. Поэтому по второму вопросу: вначале – философия, то есть как бы текст, а потом – жизнь в соответствии с этим текстом. Это я ответил на первую часть вопроса.

А вторая часть вопроса о том, что нет, не надо второго текста... Отсюда и понятно, кстати, что второго текста писать не надо. Вообще говоря, у меня в своё время (кстати, Сергей Сергеевич, у меня такое подозрение, был на нашей этой конференции, он был почти на всех наших конференциях «Современная онтология») был доклад, даже пленарный доклад, там что-то под названием «Авторская философия». Вообще, свою философскую концепцию я должен закончить своей автобиографией. Для меня это был бы высший пилотаж. Ну, чуть попозже, я думаю, ещё что-то, может быть, две главы могу написать, не больше.

Аванесов С. С.: Отсюда следует, что всё-таки Вы считаете, что философ, если это философ в Вашем понимании, так выстраивает свою биографию, так разворачивает свою философию, что вершиной этого разворачивания должна всё-таки явиться автобиография?

Колычев П. М.: Да.

Аванесов С. С.: Хорошо. Кроме того, мы и чисто эмпирически знаем, что существуют и существовали философы, которые писали или пишут автобиографии.

Колычев П. М.: Да.

Аванесов С. С.: И в этом смысле такой вопрос, исходя из того определения философии, которое Вы сейчас представили. Если философ берётся описывать свою жизнь, это описание чем-то должно отличаться, как-то должно быть маркировано в отличие от жизнеописаний нефилософов? Мы можем видеть что-то, какие-то знаки, которые нам подскажут, что это

описана жизнь философа? То есть, в конце концов, чем жизнь философа отличается от жизни нефилософа?

Колычев П. М.: Я думаю, да. Вот эти как бы маркеры или знаки, они должны существовать, поскольку они... Как бы если в моём случае это будет всё вытекать из философской концепции, это просто будет видно. Но без этого – я не понимаю, как это может без этого. Поэтому в этом смысле автономный жанр биографии философа для меня немыслим. То есть он должен быть связан. Нет, маркеры есть. Но когда вот я отвечаю на вопрос, я с чем-то соглашаюсь. Я, конечно, понимаю, следующий вопрос. Меня сейчас могут спросить: а в чём они? Я надеюсь, этот вопрос не прозвучит, а может быть, и прозвучит.

Аванесов С. С.: Нет, ну, если Вы не готовы сказать...

Колычев П. М.: Нет, надо просто как бы экспромтом: в чём они? Да. Ну, хорошо. В чём? Во-первых, в фундаментальной продуманности. То есть если ты в своей биографии, допустим, что-то обосновываешь, то это должно быть связано. То есть это очень связано всё. Хотя, с другой стороны, если сама теория рваная, то и биография может быть рваная. Вот в моём случае она очень связанная. Вот, например, очень хороший пример, очень часто меня спрашивают, когда о себе рассказываешь: как получилось, что ты же был как бы нормальным человеком, ты закончил физический факультет, специальность «Теоретическая ядерная физика». Полтора года в студенчестве были стажировки в Объединённом институте ядерных исследований в Дубне. Как тебя угораздило? Карьера складывалась. Моя руководительница Татьяна Дмитриевна Блохинцева была просто дочкой академика Блохинцева, который построил этот институт, вообще-то говоря. И работал я в Лаборатории ядерных проблем, которую возглавлял (его по-русски называли) Бруно Максимович Понтекорво. А для меня, как это ни удивительно, исходя из моей концепции, в этом нет ничего удивительного. Потому что я такую задачу изначально, ещё школьником поставил. А задача очень простая: узнать, как устроен этот мир. Вначале, я когда был 10-классником, я-то думал, что он устроен по физическим законам. Поэтому я, конечно, пошёл на фи-

зический факультет. И меня не взяли на мою специальность, связанную с квантовой физикой, меня взяли на теплофизику. Я тут же написал заявление, что я не хочу быть на теплофизике, я хочу перевестись вот именно на теоретическую ядерную физику. И через две недели меня всё-таки перевели. Почему? Потому что я считал, что именно квантовая физика и позволит ответить на вопросы: как устроен этот мир? И вот в Дубне я начинаю понимать, что физика на этот вопрос ответа не даёт. Ну, тогда у меня ещё мягкое решение было. Я думаю, что всё-таки этот вопрос... Меня спрашивают: «Ты в аспирантуру собираешься поступать?» Я говорю: «Нет». Моя руководительница: «Ты чего? А почему?» Я говорю: «Татьяна Дмитриевна, я сначала должен разобраться с философскими вопросами, а потом вернуться в физику».

Аванесов С. С.: И так до сих пор? *(Смеётся)*

Колычев П. М.: Ну, отчасти не вернулся, но в область информатики я всё-таки вернулся. А я, кстати говоря, и диплом писал на языке Fortran (это программирование), потом программистом работал. И последняя моя книга, она так и называется – «Теория информации». Вот в область информатики я вернулся. В квантовую механику я точно не вернулся. Но я получил тот результат в философии, который мне говорит о том, что там делать нечего. Всё.

Поэтому я думаю: маркеры, какие маркеры? Это должна быть по связанности биография такая же, как твоя теория. То есть если у тебя всё очень связано, то и в жизни у тебя всё как-то должно быть вот так вот логично. Не должно быть каких-то спонтанных решений. Если у тебя концепция философская какая-то рваная, спонтанная, сейчас одно, потом другое – ну, вполне возможно, что ты и будешь походить на эту концепцию. Но хотя вот эти маркеры, они я не знаю насколько... Тут надо, конечно, подумать, какие из них ещё. Может быть, продуманность, но это как бы продуманность следующих шагов. То есть в каком смысле? Вот предстоит некое событие. Я должен сделать выбор. Как я могу сделать выбор? Ну, я могу сделать исходя из житейских обстоятельств, но я могу сделать выбор,

исходя из того, как я вижу этот мир и как я вижу себя в этом мире. И тогда я как бы знаю, что вот это мне не надо, это мне не надо, это не надо. Примерно в том направлении я и буду двигаться.

Аванесов С. С.: То есть можно сказать, что когда философ описывает свою биографию, всё равно в этом тексте мы видим его отношение к миру в целом?

Колычев П. М.: Ко мне – это 100 %. В моём отношении – это просто 100 %. Но это связано со вторым вопросом.

Аванесов С. С.: Но всё равно ведь, наверное, любой философ, так или иначе, отвечает на этот вопрос о мире в целом: устроен он так или не так или никак не устроен.

Колычев П. М.: Нет.

Аванесов С. С.: Может быть, те события, которые он описывает, он, так или иначе, соотносит с этим своим базовым принципом.

Колычев П. М.: Нет. Я-то соотношу, конечно. Нет, я, конечно, соотношу. Но я очень редко видел примеры такого соотношения. То есть я, например, очень многих философов... Вот, я не знаю, я уже, наверное, всех достал своим вот этим вопросом на нашей конференции «Современная онтология», если мне удаётся где-то побывать ведущим. Это не прикол. Можете видеть в разных видео. Я всегда задаю вопрос. Если действительно доклад по онтологии, я говорю: «Скажите, пожалуйста, что значит быть? Вот ответьте на совсем дурацкий вопрос». И, вы знаете, я внятный ответ, что значит «быть», вообще очень редко получал. Особенно я никогда не мог получить этого ответа от феноменологов. У меня к ним как бы особая любовь. У них никогда этого ответа не мог добиться. Поэтому, я думаю, это должно быть, но я особых таких примеров в своей жизни не встречал.

Кстати говоря, даже в теоретическом плане это серьёзная трудность. Вот смотрите, а если мы рассмотрим историка философии. Для меня это вообще загадка: а как он должен жизнь прожить, если он историк, допустим, по античной философии? Он что, должен жить, как античные философы?

Ну, это просто невозможно, вообще говоря. Мы живём совершенно в другой ситуации. Или если ты средневековой занимаешься, у тебя любимая тема – это средневековая философия. И что? Это мой любимый пример, когда я говорю студентам перед экзаменом: «Слушайте, вот мы свободные люди, слава Богу, живём в свободной стране. У вас есть выбор (а последние годы у меня культурология): как будем сдавать культурологию? Есть какой вариант? Средневековый вариант, вариант Возрождения, Просвещения, допустим. Или вариант, допустим, советский, первых годов советской власти, помните, когда экзамен сдавали пять человек. Им задавался вопрос. Если хотя бы один из них ответил – всё, прошёл. И я говорю: «Какой же?» Ну, и у них ум в раскорячку. Иногда они у меня спрашивают: «А у вас любимый вариант?» Я говорю: «Мой любимый – это средневековый». Мне говорят: «А почему?» Я говорю: «Так очень просто. Как шёл экзамен в средние века? Начинается экзамен. Заносится кровать для профессора». Все сразу начинают хихикать. Я говорю: «Там становится ширма, чтобы вы не видели. Кровать нужна для профессора. Потому что вас он будет мучить до конца. Он может, имеет право отдохнуть. А вы на отдых не пойдёте до тех пор, пока вы ему не сдадите. А в другом углу стоит такой небольшой чан, там вода. И там замечательная лоза, она такая гибкая. Есть у него помощники. Зато знания вбивали так – мало не покажется».

Поэтому я не представляю, как может прожить жизнь историк философии. Кстати говоря, моё мировоззрение мне очень помогло освоить, вообще говоря, всё, что вот сейчас в мире происходит. А сейчас происходят, ну, нешуточные, вообще-то говоря, вещи. Просто нешуточные. И понятно, что я как-то немножко предсказываю. И некоторые из предсказаний, они действительно сбываются, причём долговременно.

Как-то, лет пять или шесть назад, мы сидели у Игоря Ивановича Евлампиева, там был его коллега, по-моему, из Швейцарии. Сидели вечером, и речь зашла о политике, я говорю: «Слушайте, давайте поиграем в игру. Давайте каждый из вас ответит, что будет через пять лет». Всех удивил мой ответ.

Я им сказал, что через пять лет Америки не будет. Вот просто не будет и всё. В принципе, я как бы поторопился. Но всё идет к тому, что той Америки, которая была даже пять лет назад, уж её точно, наверное, не будет. Ну, это я так думаю, что точно, а там это не известно, как оно пойдёт. Но я полагаю, что её уже сейчас нет вот в том качестве. И многие вещи так, даже по мелочам. Я думаю: ну, вот это, наверное, так будет. Так оно и получается. Я был абсолютно уверен, что Навального посадят. Был абсолютно уверен. Абсолютно уверен. И мне было приятно, что я прочитал, что он всё-таки сядет. Дорогие товарищи. (Смеётся)

Аванесов С. С.: То есть это о том же. То есть философ – это тот, кто имеет доступ к принципам, ну, условно говоря, порядку бытия. Он может читать не только прошлое, в том числе, и своё прошлое, читать и интерпретировать, но он выходит и в такую плоскость, когда ему ясны перспективы.

Колычев П. М.: Нет, я думаю, из нас каждый выстраивает перспективы. Ну, естественно, если у тебя есть некая теория и ты знаешь, как этот мир устроен, ты примерно понимаешь, как он будет дальше развиваться. Ну, например, ещё до того, что с нами случилось в этом году, года за два, решался вопрос: всё-таки нам оставить за собой домик в деревне или не оставить? Я тогда понимал, что с развитием информационных технологий мы придём к тому, что мы будем сидеть по этим домикам. И вот, к счастью, большое преимущество России – огромная территория. Мы просто разбредёмся по Сибири, по этим домикам. Нам места хватит. И при хорошей связи (интернет-связи) у нас будет как бы нормальный... Ну, будем, может быть, ходить на лыжах в гости. Хотя можем так разбрестись по Сибири, так нас разбросает – будешь неделю до соседнего домика идти. (Смеётся) Поэтому я полагал, что очень много изменится в этом интернет-общении. Ещё тогда, где-то года два назад, у меня была задумка вести курсы культурологии из своего домика. Почему? Потому что у меня там в курсе культурологии есть такое вот автономное хозяйство. Я бы просто реально показал, как копается земля, как сажается картошка, как ра-

стут помидоры, которые ты выращиваешь и употребляешь не на продажу, а для себя. Ну, сельскохозяйственные культуры я мог бы там все показать. И вот посмотрите. Ну, уже об этом начинают писать. Когда-никогда вот эта чёрная полоса у нас закончится. Но к тому состоянию мы уже не вернёмся. У нас будет очень развита удалёнка. Она и так уже была как бы достаточно сильно развита. Теперь она будет ещё сильнее развита, вот эта удалёнка. На добровольной основе. Ну, то есть люди поймут, что, вообще говоря, так просто эффективнее работать: особо много помещений не надо и так далее, и на переезды меньше времени.

Аванесов С. С.: Это уже происходит.

Колычев П. М.: Да. Я думаю, через год всё уляжется. Но мы по инерции, слава Богу, будем развивать это направление.

Аванесов С. С.: Просто некоторые компании уже не возвращают сотрудников, оставляют их на удалёнке. Потому что это эффективнее.

Колычев П. М.: Конечно, конечно. Не надо за аренду платить. А сейчас же огромное количество... Ну, у нас не огромное количество труда занято в информационных технологиях, мы не такая продвинутая страна. Но вот эта сфера полностью уйдёт, вся сфера IT уйдёт на удалёнку.

Аванесов С. С.: Хорошо. Вернёмся к философской автобиографии. Несколько раз разговор уже выходил на то, как философ должен или может писать автобиографию. Вам известны автобиографии конкретных философов? Вы их читали? Какие-то вам понравились? И если да, то почему именно эти?

Колычев П. М.: Да. Единственную биографию, которую я читал, – немножко отчасти платоновскую, о Платоне я немного читал.

Аванесов С. С.: Я имею в виду именно автобиографию.

Колычев П. М.: А-а, автобиографию. Слушайте, кроме автобиографии Якова Фомича Аскина, вообще-то говоря, не читал. Раньше, кстати говоря, у меня была вот эта мысль, что если мне биография человека, ну, не автобиография, а биография человека не понравится, философа, то я не дол-

жен им интересоваться. И у меня был диссонанс. Потому что Гегель был плохой человек. Ну, вот то, что я о нём прочитал (это не автобиография), – это плохой человек. Человек, который не признал своего сына. Ну, нехороший человек. Ну, слушайте, но вот гениальную картину философскую построил. Тут ничего не отнять. Не то, что гениальную – красивую. У него всё было очень красиво.

Аванесов С. С.: Хорошо. Тогда такой вопрос. Есть ли разница между философской автобиографией и автобиографией философа? То есть я поясню. Может ли, скажем, нефилософ написать философскую автобиографию, то есть не просто перечислять даты своей жизни, не дневник вести, а попытаться как-то осмысливать это всё? А может ли философ написать не-философскую автобиографию, как раз такого анкетного типа?

Колычев П. М.: Ну, ответить на вопросы, если философу говорят структуру вопросов, да, он на них может просто ответить, но это не будет как бы автобиографией, поскольку ему всё-таки навязали и порядок вопросов, и сами вопросы, и формулировки вопросов. Вот, кстати, в нашем случае я понимаю, что у нас есть вопросник. Но Вы начинаете понимать, что я очень много как бы ухожу от текста, от точной формулировки вопроса и даю ответ в таком широком понимании. Поэтому философ это, конечно, может сделать, на этот опросник ответить. А вот может ли нефилософ написать философскую биографию? Если он не чувствует себя философом, то, конечно, нет. Ну, здесь просто, опять же, по определению. Если он не чувствует себя философом. Разумеется, речь не идёт о том, что у него должно быть или не должно быть философское образование. Это неважно.

Мне любопытную историю рассказал Борис Васильевич Марков. Они, говорит, как-то с Сухачёвым где-то здесь недалеко, на Петроградке в какой-то рюмочной в перестроечные времена выпивали. Ну, вы Бориса Васильевича знаете. Он может, конечно, немножко приврать. Но он так элегантно это делает – ну, хочется верить. Но это неважно. Вот такая байка. Мы, значит, выпиваем и что-то говорим про Лакана. И вдруг...

Аванесов С. С.: Заходит Лакан.

Колычев П. М.: За соседним столиком человек буквально... Вот этот эпизод вошел в фильм «Окно в Париж», когда он заходит немножко выпить после неудачного ограбления... Там на столе голова поникла, и вот кто-то отрывает голову от стола и говорит: «А в третьем семинаре Лакана (полупьяным языком) – то-то, то-то, то-то». Всё. Сцена. Конец абзаца. *(Смеётся)*

Поэтому это не важно. Ты должен чувствовать, быть философом. Например, у меня был (ну, я надеюсь, ещё есть, просто давно не виделись) приятель Юра Стекланников. Он сам геолог, по-моему, по образованию, но у человека настолько всё было продумано, как бы вот всё мировоззрение продумано. И в моём понимании он, конечно же, был философом. То есть он меня иногда просто убивал. А почему убивал? Потому что я ему давал работу, которую он должен выполнить, а я ему должен был заплатить. Не очень простые отношения. Я ему говорю: «Надо то-то и то-то делать». А он сидит и думает. Я говорю: «Юра, трясти надо». Он говорит: «Нет, я должен продумать все операции, вот что я должен сделать, и только после этого я двинусь». Я говорю: «Трясти надо». Ну, это известный анекдот: «Что думать-то? Трясти надо».

Аванесов С. С.: То есть может оказаться так, что человек, который, допустим, не считался философом, пишет свою автобиографию, и мы из неё вычитываем, что это философ? Потому что он не просто описывает факты, а постоянно отсылаем к каким-то общим принципам.

Колычев П. М.: Да, конечно. Потому что это будет сразу видно, но исходя, конечно, из того, что мы будем понимать под философией. В моём понимании философия – это мировоззрение, целостный взгляд на мир. Это не означает, что каждая пьянь может об этом рассуждать. Нет, ничего подобного. Философа отличает системное, очень продуманное отношение и к себе, и к тому, что происходит. Это не просто задать какой-то философский вопрос. Это может любая пьянь тебе задавать. Как Ленин говорил: «Задаст 100 вопросов – 100 мудрецов их

не разрешат». Помните фильм: «Если, если, если...» Нет, это не философия. Философия – когда ты фактически на любой вопрос отвечаешь, что называется, «от печки». Что значит «от печки»? У тебя как бы продумана теория. Тебе говорят: «А вот это как?» И ты вот отсюда начинаешь-начинаешь-начинаешь-начинаешь: «А поэтому мы должны это сделать вот так-то». Да, тогда это философский подход к жизни. И это и есть философ.

Аванесов с. С.: Если обратиться к Вашей биографии, попросить посмотреть на себя. Ну, мы начинаем писать автобиографию сейчас. Да?

Колычев П. М.: Да.

Аванесов С. С.: Вот можно ли найти в истории Вашей жизни какой-то такой момент, который можно сейчас определить как поворотный к философии, решающий какой-то момент, событие какое-то, мысль, может быть?

Колычев П. М.: Нет, ну, тут дата известна. Это 11 сентября 1973 года. Дата очень известная. Ну, для нас, по крайней мере. Это переворот в Чили. Это дата, когда Пиночет затевает военный переворот, и хунта приходит к власти. Почему? Вот казалось бы. Нет, это просто связь с датой. В этот период я, будучи мальчишкой, только закончил 8 класс, поступил в 9 класс, я очень активный образ жизни вёл. Потому что вырос в провинциальном городе, на земле. И не просто в провинциальном городе. Это как бы не очень понятно. Наш дом стоял второй с краю. Дальше – степь. Это означает, что я фактически в деревне вырос.

Аванесов С. С.: Что это за населённый пункт?

Колычев П. М.: Это город Балашов. Саратовская область, город Балашов. Адрес: ул. Марии Расковой, 16. Следующий дом был 18. Дальше – степь. Всё. Дальше там поле аэродрома, степь, куда мы уходили. А поскольку простора-то у нас было – ого-го, это не то, что вот вышел во дворик, погулял тут: мы в путешествие отправлялись на 3–4 километра. Возвращались только под вечер уже. Очень активный был образ жизни. И я неудачно в своих боях на шпагах, тогда у меня такой период

был мушкетёрский, я порвал мениск и лёг в больницу. Прямо накануне, чтобы уже идти в школу. Мне сделали операцию, и лежу я в больнице. И 11 сентября ко мне приходит одноклассница. А я до 11 сентября был такой хулиганистый мальчишка, у меня были «двойки», очень много «троек». «Пятёрку» я за свою жизнь помню только одну, вот на тот период только одну. «Четвёрки» – иногда были. Ну, как бы с «двойки» на «тройку», устойчивый как бы троечник, но иногда получающий «двойки». Я лежу в больнице. И ко мне приходит отличница. Причем не просто отличница, а вот в буквальном смысле слова девушка моей мечты. То есть я до этого – в 7-м классе, в 5-м – делал ей предложение. Я, вообще, как бы нахалёнок по жизни. Мы-то понимаем, кто такой двоечник, а кто такая отличница, вообще говоря, в советской школе. Это как бы люди разных кланов, вообще-то говоря. Они никак не пересекаются. И тут ко мне навестить... А отличницы, они же... Как это сказать? Они же такие идейные. Им сказали: «Надо товарища навестить». – «Да, сейчас мы сделаем». Под козырёк: «Да». Вот, отличница нашего класса Любовь Ивановна.

Аванесов С. С.: То есть её отправили.

Колычев П. М.: Не знаю. То ли её отправили, то ли она сама вызвалась: «Надо навестить». А это 11 сентября – 11-й день меня нет. Надо выяснить. Она приходит ко мне в больницу. И с этого момента у нас начинаются отношения. В третий раз они... Ну, вот до сих пор они начинаются, и до сих пор как бы продолжают. Но какое это отношение к философии имеет? Очень прямое. Она отличница. Она сказала: «Либо ты хорошо учишься, либо мы расстаёмся». Поэтому в отношении меня как бы началом всему вначале была любовь. Причём любовь в обоих смыслах: и любовь как чувство, и любовь как имя. Потому что её звали Люба. (Смеются) И почему я считаю, что именно этот поворотный пункт? Потому что с этого момента я начинаю активно учиться. И первая область для меня – физика. Физика – это мироустройство. Потом оно перерастает, вообще-то говоря, в философию. Причём настолько медленно... Вот это был действительно крутой поворот. Вот это очень

крутой поворот. Всё остальное – медленные повороты. Я заканчиваю школу. Кстати, школу заканчиваю с двумя «тройками» только. Остальные – «четвёрки», «пятёрки». В основном – «пятёрки».

Аванесов С. С.: Вот мотивация что значит.

Колычев П. М.: Любовь – это страшная сила. Сделать из хулигана, троечника, полудвоечника... Вывести в люди... Поэтому вот всё, что я здесь представляю... Она является соавтором всего того, о чём я говорю.

Аванесов С. С.: Ну, ведь любовь же движет солнце и светила. Да?

Колычев П. М.: Да. Ну, в моём случае так оно и получается. Поэтому я начинаю активно учиться, потому что сразу у меня начинается: а куда поступать? Я должен учиться хорошо. Не освоил только два предмета: это русский язык и литература. Эта преподавательница, её звали Лидия Ивановна (до сих пор помню), она мне не могла простить перерождение. Она не могла поверить в это. Вот остальные более-менее скрепя сердце поверили в перерождение. А она так и не могла поверить в это. Поэтому у меня, по-моему, только две «тройки» в аттестате и есть. В университет – понятно, что нужно поступать. Она же отличница, она же будет поступать. Я тоже должен тянуться. Здесь никакого следующего такого скачка не было. Дальше, следующий момент – поступление в университет.

Поступил в университет. И на втором курсе каким-то образом я сразу попадаю в философский кружок. Это на втором курсе физического факультета. Там я встречаю людей, которые оказали на меня колоссальное влияние. Кстати, вот сегодня я смотрел. Ирония судьбы. У меня в школе был преподаватель физики – Степанищев Анатолий Фёдорович. Царствие ему Небесное. Вот сейчас наводил справки: оказывается, уже полтора года как его нет. Это мой учитель в школе. Он потом стал кандидатом философских наук. Закончил Московский педагогический. У него руководитель был тот же самый, что у Раисы Максимовны. Грот, по-моему, или какая-то такая известная фамилия. Потом он защитил диссертацию, уехал в Брянск,

и вот в Брянском университете он до недавнего времени, оказывается, работал. Он понимал, что он будет философией заниматься. Я даже помню споры наши с ним. Он тогда меня убеждал, что физика всё не объясняет. Я до сих пор помню его пример: «Вот у меня палец обрезан. Что твоя физика сделает?» Я говорю: «Как что, Анатолий Фёдорович? А спектральный анализ?» – «Спектральный анализ чего? Как вот без этого?» Ну, и так далее.

А потом я попадаю в университет и почему-то на втором курсе каким-то образом, ну, через своих друзей, я не был здесь инициатором... Я вообще как бы провинциальный парнишка из деревни, приехал в Саратов. Это губернский, а тогда областной город. При этом я же попал, вообще-то говоря, на свою голову в самую выдающуюся группу на всём факультете. Я не знал этого. Оказывается, туда поступали только выпускники 13-ой школы (это специальная школа физико-математическая, там все преподаватели, которые у нас были, они у них уже там преподавали) и из 19-ой школы. Это элитная школа, там дети все этих самых партийных «шишек» учились. Вот они часть оттуда, часть оттуда. И я среди них. И для меня это был, конечно, просто какой-то кошмар. И там ещё парень был с Волгограда, участник олимпиад: Витя Третьяк. Кажется, это он... Или на него как-то вышли – вот этот философский кружок.

Вела кружок Валентина Николаевна Ярская, назывался «ТФС» (теоретический философский семинар). Там я познакомился с Владимиром Николаевичем Гасилиным. Недавно его, к сожалению, не стало. И каково же было потом моё удивление, что Владимир Николаевич закончил ту же самую кафедру – теоретическая ядерная физика. А работал я потом у Игоря Дмитриевича Невважы. Теоретическая ядерная физика. Причём именно эта кафедра, на которой я был сам. Вот.

Ну, у нас, наверное, ещё образование было такое. Ведь, смотрите, у нас в группе было 15 человек. Из них, из 15 человек-физиков – два доктора философских наук, одна точно кандидат философских наук и один кандидат педагогических наук. Это вот как минимум вышли трое: два доктора и один кандидат –

это точно на какой-то момент. Нас преподаватели так ориентировали. Я помню, преподаватель Шефтер, когда он на первом курсе нам такие вещи рассказывал, я просто вот так вот сидел – у меня было такое ощущение, что я попал в передачу «Очевидное невероятное». Кстати, любимая моя передача. Вот она меня как бы и сделала, вообще-то говоря. Я Сергею Петровичу Капице обязан, вообще-то говоря.

И потом, после университета... Здесь не было никакого перерыва. Понятно, я со второго курса посещаю теоретический философский семинар. Кстати говоря, к своему греху, я не слушал ни одной лекции по философии. Потому что мы тогда уехали уже в Дубну. А философия была уже на четвёртом курсе. Мы её экспромтом сдали. Просто взяли учебник, прочитали и сдали. Я не слушал лекции по философии.

Аванесов С. С.: Может, оно и к лучшему.

Колычев П. М.: Ну, может быть.

Аванесов С. С.: В то время какая философия была?

Колычев П. М.: Ну, марксистско-ленинская. Кстати говоря, потом стали готовиться к кандидатским, мне Владимир Николаевич Гасилин говорит: «Ну, ты к кандидатским готов?» Я говорю: «Владимир Николаевич, как бы всё нормально. Вот диамат – без проблем. Это диалектика Гегеля. Что там? Она на 80 % сделана. А вот такую вещь, как истмат, я, хоть убей, не могу понять. Ну, как это можно?» Хотя сейчас стою на марксистских позициях. Вот как это ни удивительно, какие-то марксистские позиции у меня остались. В том смысле, что первично для культуры – это бытие, а не сознание. Это отдельный разговор. Я готов дать обширное интервью на эту тему. (Смеётся) Поэтому здесь никакого разрыва нет. И уже в конце университета я просто начинаю читать философские книги. Потому что я понимаю... Я тогда занимался проблемами пространства и времени. Ну, как без этой проблемы? Теория относительности и так далее. Эйнштейн – вообще полубог был. А потом я начинаю понимать, что, вообще-то говоря, я здесь ничего нового не скажу до того момента, пока я не разберусь с одной простой категорией: что такое соотношение? И всё.

И я иду в библиотеку, выписываю книгу Авенира Ивановича Уёмова «Вещи, свойства и отношения». Такая тоненькая книжечка. Я её переписал всю. Потом она у меня, кстати, издана в моей книге. Потом даже смеялись. Я, когда был в аспирантуре, приходил без пяти девять в библиотеку, стою около двери. Я представляю, как я раздражал библиотекарей. Они приходят: вот, это чудо опять стоит. (Смеётся) Заходил в зал, мне говорили, знаете, как в баре: «Вам как всегда?» Я говорю: «Да». (Смеётся) Вот я две страницы прочитал, написал три на них страницы. Следующие. Ну, и так далее. Мы, кстати, потом познакомился с Авениром Ивановичем Уёмовым, когда он приехал.

Меня, кстати, именно эта тема и выручила. Почему меня взяли в аспирантуру? Потому что, как потом оказалось, Яков Фомич и Авенир Иванович были близкие друзья. Они учились на одном курсе с Ильенковым. Они учились с Зиновьевым Александром Александровичем. В 2005 году, когда был конгресс в Москве, и Александр Александрович там выступал, слушайте, ну, это гениальный человек. Да, вот для меня образец философа, вот в полном смысле слова, – это Зиновьев Александр Александрович. Вот этот человек выстроил всю свою жизнь в соответствии со своими идеями. Я его просто бесконечно уважаю. Ничего не помню про этот конгресс. Только помню его вот это выступление. Вечером я был, ну, просто счастлив. Потом я подошёл к нему. Я, вообще, как бы нахалёнок в этом плане. Я студентом академикам не гнушался вопросы задавать. И даже мне Гинзбург один раз... Если хотите, я расскажу, когда Гинзбург был ведущим, будущий Нобелевский лауреат. Я говорю: «Александр Александрович, Вы помните Якова Фомича Аскина?» А Аскин поменял фамилию. Он говорит: «Яшу Аскинадзе? Да, конечно же, помню. Как же так? Зачем он фамилию сменил?» У него она была «Аскинадзе», а потом он её поменял на «Аскин». Вот для меня это – да (мы говорили, по-моему, кто). Я не знаю, писал он автобиографию или нет, Зиновьев. Может быть, и писал.

Аванесов С. С.: Пётр Михайлович, как Вы думаете, является ли написание автобиографии фактом биографии автора?

И, следовательно, входил ли написание автобиографии в содержание этой автобиографии? Может ли таким образом написание автобиографии стать фактом биографии и её изменить?

Колычев П. М.: Слушайте, тут порядка пяти вопросов, вообще-то говоря. Ну, понятно, что они достаточно близки, разные варианты одной и той же темы. В моём случае в соответствии с тем, что я ранее сказал (что хорошая философская система и должна закончиться автобиографией), я отвечаю положительно на этот вопрос. Кстати говоря, хорошее философское мировоззрение чем-то заканчивается, и в конце открываются новые возможности. И если в моём случае это всё должно закончиться автобиографией, тогда акт написания автобиографии становится не только концом, но и началом новых направлений мысли.

В моём случае это в буквальном смысле именно так. Поскольку, надеюсь, я в этом году реализую один свой очень важный проект, который является следствием всей этой концепции. У этого проекта есть название. Я сейчас даже делаю сайт (название – «Ливели»), в котором я всё это стараюсь прописать. Но «Ливели» – это уже не столько какая-то теоретическая концепция, а это описание образа жизни. Фактически это некие правила (если хотите, правила жизни). Но они не замкнуты в том смысле, что поступайте только так и получите результат. Нет, это правила начала. А как там потом пойдёт, вообще-то говоря... Потому что, ну, в двух словах скажу, что это связано с искусством. Это связано именно с искусством. Если в двух словах, это связано с совместным занятием искусством. То есть с коллективным. Вот откуда у меня, кстати, интересно к кино? Потому что кино – это один из тех редких случаев. Это коллективное творчество. Это не просто художник вот пишет. Если речь идёт не о строгом режиссёре-диктаторе (как правило, так и бывает). А я имею в виду сотворчество. Вот этим у меня всё должно закончиться.

Но это ещё не является актом моей биографии. То есть я пишу проект, который должен реализоваться, и он должен

потом войти в мою биографию. Вот в этом смысле – да. Поэтому у меня очень особое отношение к теоретической философии, которая уже как бы пройдена, она мне не интересна. И поэтому я очень редко выступаю на конференциях. Мне просто уже теоретизирование не интересно.

Мы вот с моим другом Надеждой Хаджимерзановной Орловой как-то обсуждали эту тему, и я сказал, что у меня нет интереса. Она ещё, тем более, математик, она очень хорошо в этом смысле меня понимает. Я говорю: «Представим себе, что математику дали решить задачу. Он её решил. Возникает вопрос: а что делать дальше?» Причём это такая задачка, такая красивая задачка, но ты нашёл её решение. Что теперь, писать её каким-то красивым почерком и так далее? Ну, для математика же интересно решить эту задачку. Я её решил. Всё. После решения надо двигаться дальше. Вот у меня сейчас такое отношение к современной философии. Я решил эту задачу. Но теперь я хочу это решение плавно воплотить, наверное, в какой-то проект. Вот тот проект, которым я занимаюсь – это проект «Ливели». У меня и в последних публикациях этот термин встречается. Этот термин придуманный. Я его просто сконструировал сам из-за его красоты, обтекаемости и так далее. Ну, и кое-что пробовали мы, и со студентами я пробовал, в этом направлении проводили они какие-то эксперименты. И так далее.

Аванесов С. С.: Если автобиография – это очередной шаг философской биографии, то, как и всякий предыдущий шаг, может ли автобиография, когда ею занимается философ, как-то повлиять на трансформацию, эволюцию или изменение его философских представлений? Сначала он занимается собой как человеком, потом всплывает проблема времени. Может ли он изменить, например, отношение к проблеме времени?

Колычев П. М.: Конечно. Сергей Сергеевич, не надо меня спрашивать про время. Потому что у меня даже пленки не хватит тогда.

Аванесов С. С.: У нас нет времени, чтобы говорить о времени?

Колычев П. М.: Да, у нас нет времени, чтобы говорить о времени. Я, кстати, до сих пор помню: одно из лучших выступлений, которое я слышал в отношении времени, – это именно Ваше выступление на нашей конференции. Это было в ИТМО на Биржевой линии или на Менделеевской (не помню, где у них там корпус). Менделеевская. Нет, Биржевая линия. И когда Вам в прениях задали вопрос: «Что такое время?» Гениальный ответ. Просто человек достаёт часы и показывает: «Вот». Я даже опешил. Я не ожидал простоты и точности ответа. Ну, может быть, потому, что я был согласен с этим. Я просто до этого не додумывался. На меня это произвело очень сильное впечатление. Когда человеку говорят: «Что такое время?» Он достаёт часы и говорит: «Вот». Остенсивное определение: «Вот это есть время». Нет, конечно, это связано с моим предыдущим высказыванием. Конечно, вот этот акт написания автобиографии, он является одним из этапов философствования. Конечно. Поскольку предполагается некое движение дальше.

Аванесов С. С.: А видите ли Вы разницу в жанровом отношении, в содержательном отношении между автобиографией и, скажем, мемуарами или дневниками?

Колычев П. М.: Ну, насчёт дневников – точно вижу. А по поводу автобиографии и мемуаров – думаю, нет. Думаю, автобиография – это как бы вольное изложение. Ну, вот как я сейчас говорю. А если мемуары, тогда я, когда некоторые фамилии упоминаю, должен посмотреть, когда они родились. Как бы дополнение материала с внешней стороны. Но это моё такое мнение. Здесь мемуары как бы более точные по изложению. А автобиография – это всё-таки жанр экспромта. А вот с дневниками – абсолютно точно различное. Потому что вот этот опыт мой с Любой по дневникам Якова Фомича показал, что самая главная проблема – как их издавать. Потому что он, допустим, одну тему обсуждает здесь; потом он через 10 лет её обсуждает, потом через 15 лет её обсуждает. И непонятно, как вообще это издать. Вот это – да. Дневник – это поток. Причём это как бы сиюминутная автобиография. То есть это мои переживания в данный момент времени. Всё. Вот когда я говорю как

бы в одном потоке, то это же событие уже по-другому переживается. А оно в дневнике было зафиксировано как некое сиюминутное. И там, кстати, могли быть зафиксированы одни ощущения, а вот когда я в потоке, это может всё поменяться.

Аванесов С. С.: И в этом смысле вопрос: как Вы думаете, автобиографию нужно писать синхронно тому, что происходит, как бы в дневниковой манере, или всё-таки нужно отступить на какое-то временное расстояние?

Колычев П. М.: Вот сейчас это и происходит. То есть в определённый момент тебя как бы хватают, ты садишься перед камерой или садишься перед листом бумаги, и единым взором ты всё это вспоминаешь. Мне кажется, это более правильно. Потому что, если ты будешь потом перечитывать, переделывать, менять оценки, потом что-то вспоминать, вот это, наверное, уже будут мемуары. Нет, я думаю, автобиография в полном смысле слова (мы вначале об этом говорили) – это как в советском периоде мы писали автобиографию. Ты пришёл в отдел кадров, тебе дали листок – всё, заполняй. Заполнил – свободен. Вот твоя автобиография. Что вспомнилось тебе в данный момент. Зафиксировал – всё.

Аванесов С. С.: А философская автобиография, она должна быть построена так же, как анкета, то есть по хронологическому принципу? Или можно автобиографию написать иначе: тематически как-то её делить, может быть, географически, ещё как-то?

Колычев П. М.: Это, вообще говоря, хороший вопрос. Он связан с тем, как устроено наше сознание. Вот недавно у Игоря Ивановича Евлампиева вышла книга по Бергсону. Он мне её подарил, и я там вычитал... Я Бергсона очень мало читал, только небольшой фрагмент у меня в диссертацию входил, а «Материю и память» я точно не читал. И вот у Бергсона я вычитал, в пересказе Игоря Ивановича, о странном явлении сознания – о том, что в нашем сознании, вообще говоря, нет прошлого. То есть оно в нас присутствует всегда. И в этом смысле сказать, что в сознании вот это было тогда, вот это сейчас и так далее – нет. Это вот ты сейчас говоришь, и это в тебе

присутствует сразу. И что самое любопытное – и будущее тоже. Когда ты говоришь о будущем, что вот «я хотел бы сделать то-то, то-то, то-то»... В этом смысле три вот этих времени – они сливаются в некий целостный континуум.

Аванесов С. С.: То есть они в настоящем присутствуют, но помечены нами как прошлое или будущее.

Колычев П. М.: Вот слово «помеченные» – это, как мне кажется, неудачный термин. Как же здесь сказать?

Аванесов С. С.: Мы же так их переживаем – как то, что уже было...

Колычев П. М.: Ну, если мы очень долго будем говорить, мы же понимаем, что ведь могут и чувства те вернуться. То есть мы сейчас можем настолько углубиться, что могут даже ощущения те вернуться. Допустим, у меня есть какие-то по утрам правила медитации и специальная система такая: я должен вспомнить какие-то счастливые моменты детства. А я их переживаю. И вот ты вспоминаешь, и не просто картинки вспоминаешь, а ты вспоминаешь, что ты чувствовал тогда.

Аванесов С. С.: Ну, или ты падал откуда-нибудь, ты можешь вспомнить и пережить ощущение падения. Да?

Колычев П. М.: Да. Вот это удивительно. В автобиографии – да, это присутствует. Но это как бы модель работы с сознанием.

Аванесов С. С.: Ещё вопрос вот такой (в продолжение): когда человек пишет автобиографию, должен ли он строго воспроизводить все факты, которые с ним произошли и которые он точно помнит? Или он должен (или имеет право) проводить некую селекцию этих фактов: выделять главные, умалчивать в чём-то таком, о чём он посчитает нужным не говорить? Или он должен просто всё воспроизводить, что он помнит?

Колычев П. М.: Понимаю, да. Мне кажется, на каждый момент жизни мы имеем некий самообраз, то есть мы имеем некое представление о самом себе. Допустим, я, например, совершенно чётко понимаю, что 20 лет назад у меня был о самом себе другой образ. И когда я был физиком, у меня был другой образ, вообще-то говоря. И в этом смысле я же рассказы-

ваю с точки зрения вот этого сегодняшнего образа. И понятно, что какие-то фрагменты, которые я мог бы упомянуть 40 лет назад, я сейчас не упоминаю. Или, наоборот, я сейчас понимаю, что на меня... Вот я сегодня вспомнил. Вообще, откуда у меня пошла, от кого я первый раз услышал слово «философия». А вот оказалось: от Степанищева Анатолия Федоровича. Это учитель по физике. Может быть, я не знаю, 20 лет назад я об этом даже и не вспомнил бы. Поэтому, конечно, каждый раз всё по-новому. Ну, это как бы такие паззлы, из которых мы можем слепить разные картинки. Вообще-то говоря, мы здесь можем вот эти убрать, какую-то часть, из них что-то сконструировать вот это. А вот это и вот это нам уже не нужно. Что будет через 80 лет? Было бы хорошо это всё записать через 20 лет.

Я вот общался с Валерием Николаевичем Сагатовским, моим учителем. Он всё-таки старше меня примерно на 20 лет, и я понял, какая у нас разница, это просто другое поколение. Вот это первый раз, когда я почувствовал реально другое поколение. И я тогда стал понимать, что в 40 лет я был другим. И в 20 лет я был совсем другим. Нет, ну, какой-то стержень всё-таки остался. Но мировоззрение изменилось, и по отношению к событиям... Например, я такое вытворял, когда работал комсомольским вожаком. Был такой период в моей жизни. Я был освобождённым секретарем ОКБ на заводе. Я сейчас просто со страхом вспоминаю. Там сложилась ситуация: куда-то нас послали, как всегда, комсомольцев, я должен был организовать. Куда-то работать. А там просто выкопали ямки такие, и надо было туда опору поместить. Опора не помещалась. Что-то там уронили, надо было подкопать. И вот кран держит эту опору. Я понимаю, что я ответственный человек, я не могу никого из комсомольцев в яму эту послать, и я, дурак, туда лезу, чтобы подкопать. Надо мной висит несколько тонн. Вдруг что-то – и меня раздавит просто в лепёшку. Сейчас я этого бы не сделал. Я бы никому это и не разрешил. И я бы сам никогда бы этого не сделал. Это очень яркий пример, его я запомнил в своей жизни. Вот тогда я это мог сделать.

Или события с Лениным. Ну, правда, мне за них не стыдно. Когда землетрясение было, я был так впечатлён. Это как раз разгар «перестройки». И я пришёл в комитет комсомола: «Хочу поехать помогать братьям-армянам». А супруга в ужасе была. Она говорит: «Ты куда едешь-то? А ты не помнишь, что у тебя двое детей». А я дурак был. Вот у меня двое маленьких детей – я еду куда-то. Неизвестно: а может быть, там ещё будут эти толчки? Откуда мы знаем-то? Они, кстати, и были там потом. Правда, не страшные, но были. Поэтому много из того, что я делал раньше, я сейчас себя за это ругаю. Я бы сейчас этого не сделал. Это означает, что я другой. Это означает, что в автобиографии я что-то буду упускать. И, наоборот, что-то упоминать.

Аванесов С. С.: Насколько объективной должна быть автобиография, а насколько субъективной? Имеет ли право автор автобиографии не только на умолчание, но и, например, на мистификацию, на игру с читателем?

Колычев П. М.: Ну, вот на игру с читателем – конечно, может быть. Потому что это сам жанр такой. Я думаю, что даже сейчас я смотрю в камеру – и я всё равно играю. Я всё равно чувствую себя на лекции, во мне что-то просыпается, я кому-то рассказываю, сейчас мне будут аплодировать. Это присутствует. Ну, вы понимаете, что в каждом профессиональном преподавателе вот это актёрство, оно изначально в нас присутствует. Я думаю, вот это – да.

Вот насчет мистификации – я против мистификации. Просто вот мы с супругой много сейчас... Хотел сказать: «Мы читаем». Это неправда. Это она читает. Она мне просто пересказывает потом всё. Много она прочитала про Малевича. Вот это был мистификатор. Вот это был мистификатор, причём не очень хорошего плана. Для меня вот есть Кандинский и есть Малевич. Кандинский ничего не мистифицировал, совершенно откровенно говорил: «Да, хочу изобразить нечто внутреннее». Он так и не сказал, что это такое. А Малевич в моём представлении – это позёр и мистификатор. Я думаю, нет. Мистификация – это всё-таки обман. Это обман и себя, и...

Ну, в лучшем случае, это обман себя, а в худшем случае это обман того, кому я всё это рассказываю. То есть я хочу выглядеть так, вот так и так. Нет, это не честно, это не интересно. Это не честно.

Да, насчет субъективности. Поскольку это автобиография, она стопроцентно субъективна. Вот в этом смысле слова. Но если имеется в виду, насколько объективно я должен использовать внешние данные? Ну, например, я закончил школу в 1974 году. Ой, в 1975 году. Я не должен говорить, что я её закончил в 1980 году, допустим. Кстати, слушайте, небольшая мистификация была. Я сейчас поймал себя на мысли. Когда я говорил, что я в Дубне был на стажировке в ляпе (в Лаборатории ядерных проблем), которую возглавлял Бруно Максимович Понтекорво... Я его никогда не видел. Создалось впечатление, что я чуть ли не за руку с ним... Ничего подобного. Лаборатория ядерных проблем – это огромное здание. По-моему, 9-этажное. Это просто гигантский такой корпус. В размере как бы целого института. Я работал в отделе. И Понтекорво я никогда в жизни не видел. Это правда. Но то, что у нас небольшие такие пререкания с Гинзбургом были, – это правда. И с академиком Марковым. Это – да. Было 100-летие Эйнштейна. В Академии наук было специальное заседание, в Москве. Я из Дубны приехал специально. Захожу в зал, смотрю, думаю: «Что это на первый-второй ряд никто не садится?» Ну, студент. Я думаю: «Ну, сяду я на первом». На первый не стал садиться, ума хватило – на второй сел, сажу. Значит, выступает академик Марков – доклад по элементарным частицам, по гравитации. Меня заинтересовал этот доклад. Гинзбург ведёт заседание и говорит: «Есть у кого вопросы?» Я вижу, вопросы никто не задаёт, и говорю: «Есть». Я, значит, встаю, задаю. Марков мне отвечает. Гинзбург говорит: «Ещё есть вопросы?» Я говорю: «Есть». Гинзбург говорит: «Так, слушайте, два раза одному и тому же человеку позволять вопросы задавать не будем. Подойдите после». Так я наглец: я дождался окончания доклада, я подошёл к нему, я задал свой вопрос, получил ответ и удовлетворённый тогда ушёл. Но в этом рассказе пример –

это не мистификация. А вот я немножко передёрнул, когда говорил о Понтекорво. Вот там было. Но это была игра. Я это сделал несознательно. Это была игра. Да, это была игра, верно.

Аванесов С. С.: В этой связи тогда для кого пишется автобиография? И какие у автора цели?

Колычев П. М.: Для себя.

Аванесов С. С.: Для себя?

Колычев П. М.: Да.

Аванесов С. С.: То есть у неё нет никаких педагогических, нравоучительных целей?

Колычев П. М.: Абсолютно. Нет. Более того, я считаю, что моя автобиография очень вредна. Она должна быть отрицательным примером. Люди должны прочитать или услышать и сказать: «Вот видите, так он делать не должен». Кстати говоря, я даже здесь отчасти играю, но, на самом деле, может быть, я как-нибудь познакомлю со своим проектом «Ливели», Вы поймёте, что одна из главных задач «Ливели» – это вообще не контактировать с обществом. Вообще это как бы замкнутое существование внутри общества, а лучше всего – внутри города. Вот чем меня и заинтересовала тема Вашей конференции. Лучше внутри города, потому что легче прожить. Но минимально сократить контакты с обществом. Но это может быть полезно внутри некоего сообщества. А когда я вот так говорю и передо мной только камера и почти никого нет, за исключением двух человек передо мной, и всё... Меня всегда смущало, когда говорят люди: «Можно я у вас возьму интервью?» Я думаю: «Хорошо. Я буду это говорить кому? Те люди, которые будут слышать, я их не знаю». И это было мне очень неприятно. Я всегда не очень понимал вот эту популярность: тобой интересуются люди, которых ты не знаешь. Меня это бесило всегда. Зачем ты мне нужен? Почему я тебе должен всё рассказывать? Ты кто, вообще? Я с тобой не знаком. И вот это не очень приятно. Поэтому, если говорить о широкой аудитории, это, конечно, саморефлексия. То есть это способ подумать о себе самом и высказаться вслух. Потому что то, что мы думаем, – это одно, а высказанное вслух – это немножко другое, а иногда совсем

другое. Или внутри небольшого сообщества. Вот, например, в качестве нашего сейчас сообщества. Нас здесь присутствует три человека, которые великолепно меня знают. Вот для них я готов, для них я это и рассказываю. Сергей Сергеевич, я это рассказываю для Вас, прежде всего.

Аванесов С. С.: Хорошо.

Колычев П. М.: А там – как получится.

Аванесов С. С.: Ну, в общем смысле, не является ли это, условно говоря (такой немного провокационный вопрос), некоторой, может быть, нескромностью, когда философ пишет автобиографию и ещё и публикует её? Тут нет какого-то такого налёта некоторой нескромности, то есть выставления себя на показ, саморекламы и так далее? Нет такого?

Колычев П. М.: Я понял. Недавно мы с Любой посмотрели какие-то документальные фильмы. А-а, очень хороший актёр Маковецкий. И четыре передачи было записано, где он о себе рассказывал. Он очень подробно о себе рассказывал. И создалось неприятное впечатление: зачем он это сделал для всех? Он говорил о каких-то интимных вещах, и мне это было неприятно. Такое ощущение, что я как бы подсмотрел.

Но в своём рассказе я ничего такого не рассказал интимного. Был любопытный разговор у меня с Володиёй Соколенко. Это мой коллега из Саратова, у Игоря Дмитриевича Невважая мы работали на одной кафедре. Очень любопытный человек. Я как-то ему говорю: «Володя, может быть, сделаем какой-нибудь семинар?» Он говорит: «А что будем делать?» Я говорю: «Поделимся своим мировоззрением». Он меня шокировал. Он говорит: «Ты знаешь, вот если бы ты сказал, что мы соберемся и поговорим о деталях своих сексуальных практик, – это бы у меня не вызвало никаких сомнений. Это запросто. Но говорить о глубоком внутреннем моём интимном мировоззрении, слушай, я не готов». Я очень сильно тогда этому удивился.

В моём случае это связано именно с самой философской концепцией. Поэтому у меня здесь нет никакого напряжения. Ну, Вы знаете, я искал решение, и вдруг оно неожиданно вот такое получилось. Но я же не виноват, что оно такое получилось.

Ну, вот оно такое получилось. Я должен с этим теперь жить. Ну, вот у меня так получилось. Ну, ты же делал. Ты сделал всё правильно? Правильно. Ты ответ получил? Получил. Согласно этому ответу у тебя всё должно закончиться автобиографией. Получите. Всё.

Аванесов С. С.: Возникает некоторый парадокс: и логический, и философский парадокс. Человек, считающий себя философом, решает, что он находится на таком этапе развития, когда пора писать автобиографию. Нет ли здесь какой-то парадоксальности? Ведь автобиография какой-то результат должна представлять, а жизнь-то ведь ещё не закончилась? И после автобиографии (написания её) может ещё 15 лет философского роста быть. Нет?

Колычев П. М.: Я понял. Я отчасти это сказал в предыдущем своём выступлении – о том, что это, конечно, некоторый этап. В моём случае это точно этап. Потому что я наметил будущие перспективы, как должна эта моя биография, в общем-то, продолжиться. В этом смысле у меня здесь всё нормально. В своё время и до сих пор я не очень понимаю (я уже говорил немного о Гегеле), я никак не мог понять, думаю: «Ну, вот он достаточно рано разработал науку логики. Почему он её потом не переписал?» Ведь прошло много времени, вообще-то говоря. Наука изменилась. А он, кстати, основывался на тех научных данных, которые потом оказались неправильными (астрономические и так далее). Почему он потом, спустя большое количество времени, не переписал всё это, не передумал, вообще-то говоря. Вот передо мной этот вопрос стоит. Основная моя книжка «Релятивная онтология» была написана в 2006 году. Но уже 14 лет прошло. У меня уже накопилось огромное количество новых, ну, не новых, а всё же решений, как бы ответов. И, по большому счёту, надо сесть и её переписать ещё один раз. И в этом смысле надо каждый раз её переписывать. Я тут вспомнил великолепные слова Горина из фильма «Тот самый Мюнхгаузен». Если помните, в самом начале фильма, когда они сидят на охоте, барон Мюнхгаузен говорит: «Да, я считаю, что человек должен время от времени вытаски-

вать себя за волосы». Гениальная фраза. Ну, просто гениальная фраза. Просто лучше и красивее не скажешь. И автобиография – это вот именно этот акт, когда себя вытаскиваешь, показываешь. Ну, а потом уже это, конечно, твои варианты: либо ты опять туда же себя... Или ты кладёшь себя на следующую ступень и пошёл вперед. И дальше через какое-то время ты опять должен эту процедуру совершить.

Аванесов С. С.: То есть она тогда переписываться должна регулярно.

Колычев П. М.: Да, конечно. Ну, я и говорил: я в 20 лет, я в 40 лет и я в 60 лет – это, вообще говоря, три разных человека.

Аванесов С. С.: Кстати, интересно было бы написать такую автобиографию, в которой первая часть написана от лица 20-летнего человека, вторая часть – 40-летнего...

Колычев П. М.: Ну, вот это дают дневники. Это дают дневники. Вот тот дневник, которым моя супруга Любовь Ивановна занималась, там же он с 1957 года, по-моему, а может быть, даже и раньше, начинается. Вот там – да, там видно вот этот прогресс его. И там видно, как он меняет своё мнение по одному и тому же вопросу. Она даже в одну главу там собрала какую-то тему и показала, как он меняется.

Аванесов С. С.: Петр Михайлович, тогда от меня последний вопрос, а потом можете ещё что-то добавить. Вопрос такой. Существует достаточно устойчивое мнение, расхожее такое мнение, что, в общем-то, биография философов продолжается, а иногда даже и начинается, только после их физического ухода. То есть если их биография продолжается, то каким образом можно описать биографию, которая ещё не состоялась? Может быть, вообще тогда философская автобиография невозможна?

Колычев П. М.: Нет, ну, мы уже третий раз возвращаемся к этому вопросу. Нет, это многоэтапный акт. Вот на сегодняшнее число (у нас сегодня 4 февраля 2021 года) я такой. Моя автобиография вот такая-то. Семь часов вечера. Вот на семь часов вечера я такой. Завтра я могу уже начать быть другим.

Аванесов С. С.: Но мы можем назвать это автобиографией?

Колычев П. М.: Автобиографией – конечно. Мне было бы любопытно всё это сделать через 20 лет. Я предлагаю через 20 лет опять подать на грант и по этим же следам...

Аванесов С. С.: Через 20 лет, я думаю, даже если гранта не будет, мы сделаем это бесплатно.

Колычев П. М.: О! Отлично!

Аванесов С. С.: Только ради удовольствия. Пётр Михайлович, я Вас благодарю. Если хотите что-то сказать ещё такое заключительное, прошу.

Колычев П. М.: Я рад, что иногда есть какие-то вещи, которые ты сам всё откладываешь, у тебя что-то там не получается и так далее. А тут ты поставлен в какие-то рамки, тебя выдернули и сказали: «Делай». И иногда это доставляет удовольствие. Ну, в моём случае даже не иногда. Поскольку я подписываюсь под все вещи сейчас, которые мне принесут какую-то пользу и удовольствие. Совершенно неожиданно вот эта конференция по городу. Ни думал, ни гадал, бах – а тут как бы многое, что я хотел сказать. И я это хотел, но я бы этого не сделал. А вот некоторый акт насилия всё-таки нужен, к сожалению. Некоторый акт насилия как толчок, он нужен. И я благодарен организаторам, вот Сергею Сергеевичу за этот начальный толчок. Спасибо Вам. До встречи.

Аванесов С. С.: Спасибо, Пётр Михайлович.

НАДЕЖДА ХАДЖИМЕРЗАНОВНА ОРЛОВА

«ДАВАЙТЕ УСПЕВАТЬ ПИСАТЬ АВТОБИОГРАФИИ...»¹

Аванесов С. С.: Начинаем наше интервью. Орлова Надежда Хаджимерзановна, доктор философских наук, профессор, сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета, а также университета Зеленой Гуры (Польша). Здравствуйте!

Орлова Н. Х.: Здравствуйте!

Аванесов С. С.: Мы поговорим о том, какую роль жанр автобиографии играет в становлении философа, философствующего субъекта, насколько это важно для его саморефлексии,

насколько это важно для организации его жизненного пути, насколько сам автобиографический взгляд помогает человеку состояться и как личности, и как профессиональному философу. Насколько такая деятельность является в определённой степени поворотным моментом, насколько этот жанр позволяет узнать самого себя и выразить самого себя? Первый вопрос будет такой (немного провокационный): Вы уже пишете автобиографию? Или Вы считаете это делом лишним, поскольку главное в жизни философа – это его сочинения, то есть выражение себя?

Орлова Н. Х.: Можно говорить о том, что я её пишу, и пишу с детских лет – в виде дневников, которые веду всю свою сознательную жизнь. А сознательная – это с того момента, когда я научилась писать и читать; у меня появились тетради, в которых я записываю всё, что происходит со мной, о чём я ду-

¹ Разговор записан 25 декабря 2019 г. Интервью провел профессор С. С. Аванесов.

маю, что я переживаю. В какие-то периоды жизни мои дневники сводятся только к ежедневникам. Но даже в ежедневниках я всё равно пытаюсь пометить какие-то особенности событий. Хотя это, в общем-то, на уровне перечислений. Да, конечно, пишу, всё время пишу.

Аванесов С. С.: Вы считаете, что это важное дело для философа, или всё зависит от индивидуальных особенностей, темперамента, склонностей, способностей к письму и так далее?

Орлова Н. Х.: Я не думаю, что это предельно важно именно для философа. Мне кажется, у философа есть возможность выражать себя и свои переживания, в первую очередь, в тех текстах, над которыми он размышляет, в которых он высказывает какой-то свой взгляд на мир, ещё на что-то. Я думаю, что это важно любому человеку, если ему кажется, что только так он может запомнить самого себя. Это может быть, скажем, регулярный дневник или просто спонтанные записи о самом себе. Они по смыслу ведь что имеют в виду? Что это его собеседник. Это есть некое зеркало, в котором он себя видит. Он различает морщинки, неумытость или, наоборот, оказывается, я сегодня хорошо выгляжу. Ну, это в метафорическом смысле. Вот таким образом.

Аванесов С. С.: А важно ли для философа то, как он выглядит в зеркале? Или его жизнь как бы размещена не в этих его телесных формах и параметрах, а в его сочинениях?

Орлова Н. Х.: Ну, я «как выглядит» имела в виду именно в метафорическом смысле. Это здесь не чистая физика. И зеркало – тоже как метафора. Но, в любом случае, философу, как и всякому человеку, важно своё отражение в «зеркале». Важно узнавать себя там – в этом зеркале. И мне кажется, истинный философ (в метафизическом смысле), он, скорее, скажем, мыслитель сам в себе. И даже если он заблуждается, даже если он пошёл на какой-то такой виток, который может быть абсолютно не принят философским цехом, он всё равно верит в себя, в свое «отражение в зеркале» (пусть будет такая метафора). Для философа, мне кажется, предельно важно верить в самого себя. Тогда он может состояться. Хотя, конечно, может

и заблуждаться. Что касается именно автобиографии, то мне не кажется, что это определяющее в его философской деятельности – непременно писать свою биографию. Мне не кажется, что это одно из определяющих условий.

Аванесов С. С.: Всё-таки по общему понятию биография и автобиография – это описание жизненного пути. Но жизненный путь для обычного человека понимается в таком простом, часто физическом смысле: родился, вырос, учился, получал образование, создал семью и так далее, и так далее. Разве жизнь философа не отличается от жизни такого обычного человека? Разве для жизни философа важны вот эти видимые, физические, внешние детали? Или же философ – это нечто другое? И если другое, то зачем ему описывать свою физическую жизнь?

Орлова Н. Х.: Ну, вот с самого начала мне не хватило того, что мы не определили: а что мы понимаем под «философом». Это, во-первых. Во-вторых, как мы определяем автобиографию? Потому что мы, в общем-то, дети нашего времени, и «автобиографией», как правило, принято называть жанр CV (*curriculum vitae*) или портфолио. Можно ещё говорить об административных автобиографических текстах (это когда тебя приглашают в отдел кадров, и ты пишешь там автобиографию). Тогда она сводится к тому, что родился, женился и так далее. И какие-то этапы профессионального развития (учеба, работа, статусы).

Когда я работаю в архивах, такие автобиографии – философов в том числе – мне встречаются в архивных документах автобиографические тексты, скажем, Александра Ивановича Введенского, Евгения Александровича Боброва или Ксении Михайловны Милорадович, которые помещаются на нескольких страничках. И там – да, там эти «внешние детали» перечисляются.

Если мы говорим в этом смысле, то никакого определяющего значения это не имеет, уверена. Кроме формально-административного, ну и исторического: мы потом можем восстановить жизненный путь этой персоны. Или мы под авто-

биографией понимаем некий личный текст, который автор, мыслитель (вот слово «философ» меня немножко напрягает), всякий человек мыслящий, размышляющий, рассуждающий из себя, и пишущий о себе в автобиографическом ключе. Но он же может писать о себе в самом разном жанре, в том числе в таком, который мы с вами подтянем под жанр автобиографического. Потому что если мы (читатели) там найдём какие-то переклички с его окружением, эпохой или с какими-то событиями из философского бытования, – то да, мы это назовём автобиографией. Я думаю, что будут ещё, наверное, вопросы. И мы будем уточнять.

Аванесов С. С.: На Ваш взгляд, в каком случае автобиография является философской автобиографией, а не просто описанием жизненного пути?

Орлова Н. Х.: Ну, где описание события, встречи, допустим, с книгой, с человеком, с каким-нибудь другим событием продолжается в некие выходы на философические размышления об этом, – как это встраивается в некую мировоззренческую позицию, мировоззренческие взгляды, как это соотносится с самим философом. Тогда мы, наверное, можем говорить о его философской автобиографии. Она превращается в философский текст.

Аванесов С. С.: Не просто описание фактической последовательности происшествий, а когда это оценивается с точки зрения отражения в личной судьбе, связанной с переменами мировоззрения, скажем, и состояния души?

Орлова Н. Х.: Ну, не обязательно с переменами, а с развитием.

Аванесов С. С.: С развитием, да.

Орлова Н. Х.: Да. С уточнением каких-то своих взглядов на это.

Аванесов С. С.: Но Вы согласны, что такие философские автобиографии существуют в реальности? Вы их читали?

Орлова Н. Х.: Я не большой любитель автобиографических жанров. Может быть, потому что у меня просто до них как-то не доходят руки. Хотя по жизни – да, какие-то попадались.

И, наверное, я бы отметила автобиографическую работу Николая Онуфриевича Лосского. Но, опять же, я очень прагматично отнеслась к этой работе, потому что использовала этот для работы над другими текстами. Там я получала сведения о философских событиях, о событиях в этом цехе, о встречах с какими-то людьми. И Николай Онуфриевич этих людей упоминает, он их как-то описывает, он как-то рефлексировал по поводу событий, в том числе, и таких ярких, важных событий, которые мы сегодня пытаемся реконструировать. В этом смысле этот жанр, он, конечно, цеховой. Он позволяет нам более корректно реконструировать внутрицеховые коммуникации философского академического сообщества. Он позволяет нам более достоверно увидеть вклад наших героев в те или иные дискуссии, в развитие идей, авторство которых мы сегодня – на расстоянии времени – приписываем, порой, совсем не тем людям.

Аванесов С. С.: Это, скорее, тогда исторический интерес. Да? Вы находите какие-то подтверждения каким-то историческим событиям.

Орлова Н. Х.: Скорее, исторический. Да.

Аванесов С. С.: А есть ли, скажем, в автобиографии Лосского какое-то чисто философское содержание? Демонстрирует ли там автор собственное философское развитие? Есть ли там рефлексия по поводу движения собственной мысли?

Орлова Н. Х.: Если бы я поставила перед собой задачу именно в этом ракурсе отследить, наверное, нашла бы это. Но я на этом не концентрировалась. И потом, опять же, Николай Онуфриевич писал свою биографию в режиме воспоминаний. Он её надиктовывал, а потом уже это превращал в тексты. И это было уже в таком отсроченном варианте, когда он уже был очень зрелым и состоявшимся философом. Думаю, что скорее этот текст можно рассматривать как историко-философский... Но это не проверенная версия. Хотя, я думаю, что он там продолжал развиваться именно как философ. Скорее, ему интересно было оглянуться на эти события. И, может быть, он переоценивал или пересматривал своё отношение к этим событиям – к тому, что происходило в его жизни как философа.

Аванесов С. С.: А такой оценочный взгляд в ретроспективу – это философская же позиция? То есть человек не просто описывает то, что когда-то произошло. Он записывает и фиксирует это таким образом, что демонстрирует важность для себя вот этой ретроспективы. И в этом смысле мы это можем полагать в качестве философского подхода к собственной жизни?

Орлова Н. Х.: Сергей Сергеевич, Вы так и норовите меня подтянуть к тезису, что автобиография философа непременно должна быть наполнена некими философскими содержаниями. Да?

Аванесов С. С.: Я просто хочу провести различие между философской автобиографией и автобиографией философа. Ведь чисто теоретически человек, будучи философом, может так описать свою жизнь, что он выступит при этом просто историком, фиксируя некоторые события. Без всякой аналитики, без всякого соотношения с развитием собственного мышления.

Орлова Н. Х.: Теоретически – да. Чаше всего люди, в том числе философы, так и делают.

Аванесов С. С.: И тогда мы можем различить автобиографию философа и философскую автобиографию?

Орлова Н. Х.: Наверное. У Августина Блаженного автобиография, его философская исповедь, наверное, имеет какой-то автобиографический смысл. Но она остаётся для нас философским текстом. Да?

Аванесов С. С.: Да.

Орлова Н. Х.: И когда он её писал, вероятно, он, в общем-то, и выражал себя, в том числе как теолог, как философ – в этом смысле. Так получилось у Августина.

Аванесов С. С.: Тогда мы подходим к следующему вопросу. Может быть, мы можем сказать, что именно не автобиография философа, а философская автобиография – это уже не историческое сочинение, не исторический жанр, а, скорее, это один из жанров философских? То есть можно ли свою философию выражать не через трактат, не через диалог, а через автобиографию?

Орлова Н. Х.: Можно попробовать, наверное. Но я думаю, что серьёзный системный философ вряд ли ограничится только этим жанром.

Аванесов С. С.: Нет, а если не «ограничится», он может допустить такой жанр как один из возможных дискурсивных способов фиксации собственного мировоззрения?

Орлова Н. Х.: Может. Философ (и человек) всё может. Наверное, даже существуют такие. Мне даже кажется, что я когда-то и встречалась с такими текстами. Но уверена, что это очень редкий вариант. Так мне кажется. Очень редкий вариант, и, скорее, случайный. Связано это с тем, что, в общем-то, философу важно быть диалогичным. Ему важно, как слово его отзовётся. И автобиографический жанр для этого мало подходит. Не думаю, что можно предложить широкому философскому сообществу свои сочинения в виде автобиографии. Есть же некая цеховая традиция. Так или иначе, с ней надо считаться. И есть традиция письма, представления текста сообществу, когда сообщество на этот текст выдаст какую-то обратную связь через дискуссию, ещё как-то.

Аванесов С. С.: Вот смотрите, философское сообщество (если это философское сообщество), оно же, видимо, не ограничено местом и временем. Философское сообщество, к которому принадлежит, скажем, Платон, оно же до сих пор существует и будет продолжаться. Поэтому, может быть, исходя из того, что философское сообщество бесконечно во времени, может быть, тогда философскую автобиографию можно воспринимать как высказывание философа, ответ на который будет сформирован, может быть, позже, не прямо сейчас, в будущем философском сообществе. Это, во-первых. А во-вторых, если философ делает предметом размышления всё, то он же может сделать предметом размышления себя самого. И тогда через жанр автобиографии он, возможно, будет способен осуществить этот взгляд.

Орлова Н. Х.: Конечно. Он может захотеть специально предложить, в том числе и будущему, размышления о самом себе. Но исключительно «может».

Аванесов С. С.: Да. Но не обязан.

Орлова Н. Х.: Но может и не захотеть этого делать. Мне кажется, почему автор может обратиться к автобиографическому жанру? Если исходить из того, что он хочет, чтобы это ушло как некий посыл в будущее (то есть, скорее, прагматическая цель), то автобиографический жанр даёт возможность, что тебя прочитают не только твои коллеги по цеху, не только философы. Твой текст прочитают историки. Твой текст прочитают архивисты. Твой текст прочитают литературоведы. Тогда получится посыл в междисциплинарное, скажем, сообщество.

И в этом смысле автобиографический жанр... Мы сегодня просто это видим, на самом деле. Сегодня автобиографии и вообще архивные рукописи от первого лица – они предельно востребованы. Потому что в них есть информация. В них много-много информации, которую сегодня может любой учёный каким-то образом использовать для своих исследований в самых разных отраслях, а не только философ. И философский цех может, конечно, обратиться к этим текстам, но не как к основным документам.

Может быть, это Вас разочаровывает, но такова моя точка зрения. Я наблюдаю, как сегодня используются тексты философов, которые приближены, скажем к мемуарному, автобиографическому, дневниковому, эпистолярному жанрам, где личности автора больше, чем неких его абстрактных построений. Самое большее, в историко-философском ключе. Может быть, потому, что мы сегодня в принципе не читаем личные тексты и сами мало говорим личной речью.

Аванесов С. С.: Но в данном случае тогда виноват не автор...

Орлова Н. Х.: А эпоха...

Аванесов С. С.: А виновато сообщество, которое не готово воспринимать философа...

Орлова Н. Х.: Да. Но, кажется, так было всегда...

Аванесов С. С.: ... а готово воспринимать его отвлечённые тексты и анализировать их с точки зрения доказательности, аргументированности и так далее.

Орлова Н. Х.: Да.

Аванесов С. С.: А сам автор сообщество не интересуется. Это, конечно, странная позиция. Потому что философия должна с вниманием относиться к личности, к самому высказывающемуся.

Орлова Н. Х.: Да. Я согласна. Но, опять же, это моё наблюдение. И вполне возможно, что оно спорное, и можно об этом дискутировать. Но мне кажется, что мы и себе-то, и друг другу сейчас не очень интересны в сообществе, только на уровне цитирования. И коммуникации, хотя и не хочется сводить это к торговой фразе «ты мне – я тебе», строятся приблизительно таким образом. Завязываются некие сотрудничества. Но я про общие тенденции говорю. Мы и на публикационные площадки подтягиваемся по этим признакам, и цитируем друг друга, исходя из этого. Сегодня же не секрет, что мы договариваемся: я тебя цитирую – ты меня цитируешь. Потому что мы встроены в конъюнктуру сегодняшнего дня. Можно ли нас назвать сегодня «философским сообществом»? Это большая натяжка. Но коль скоро мы оперируем этими понятиями, как «философский цех», «философское сообщество», «философская автобиография», «автор-философ», то да, конечно.

А кому автор-философ предлагает свой текст? Он предлагает философскому сообществу, в первую очередь. Во всяком случае, есть такая у него иллюзия, что именно философскому сообществу он может быть интересен. Мне сложно сегодня быть уверенной, что этот (автобиографический) текст не обречён на забвение. Скорее, им заинтересуются историки, которые будут выискивать там события и приметы эпохи. Историки философии – да, может быть.

Приведу пример из своей работы. Сейчас реконструирую жизнь Евлалии Павловны Казанович, которая поступила на Бестужевские курсы, мечтая стать философом². О ней вышла недавно первая книга, в стиле дневниковой автобиографии.

² Казанович Евлалия Павловна (1882–1942), литературовед, критик, библиограф, одна из создателей Пушкинского дома. В 1929 г. арестована по Академическому делу. После освобождения в 1934 г. работала библиографом Цен-

Один из своих дневников она назвала «Дневник одного живого существа». В архиве есть её письмо к императору с предложением, где она рассказывает о своих мечтах создать философский институт (институт философии). В её рукописях хранятся даже чертежи, детализованный проект здания, Устав заведения. Но главное, там не должно было быть раздельного обучения: институт и для мужчин, и для женщин. Через её дневник проходит тема возможности женщины в философии... Это практически автобиографичный жанр. Она описывает там, конечно, и бытовые детали, например, что уже месяц голодает (дворянка, мечтающая о независимости). И в этот же день описываются её размышления о месте человека в этом мире, какие-то идеи. Она описывает свою встречу с Александром Ивановичем Введенским, свои переживания по поводу того, насколько она способна соответствовать высокому уровню философии, философствования. Но кому сегодня это интересно?

Аванесов С. С.: Если это интересно хотя бы Вам – значит, этот текст написан не зря. А в общем мы можем сказать, что, таким образом, автобиография – это такой жанр, который предоставляет возможность высказаться о самом себе в философском смысле?

Орлова Н. Х.: Да. Мне кажется, это главный смысл. Я сейчас и про себя смеюсь, когда шучу и говорю, кому я пишу. Я понимаю, что я своим коллегам интересна только в том смысле, чтобы выдернуть фразу и на неё сослаться и так далее. Но я приблизительно точно так же, наверное, плачу той же монетой своим коллегам. Тут мы все в равных позициях. Я не говорю о себе в превосходной степени, а о них в уничижительной. Нет-нет. Я здесь действую по тем же самым правилам в условиях жёсткого прессинга, в который сегодня поставлен практически каждый учёный. Но когда я работаю над своими книгами и, скажем, беру наш журнал «Парадигма» и стараюсь, чтобы он был очень

умным, чтобы там не было ни одного дежурного текста, а был бы текст, который всё-таки будет прочитан, я добавляю к этому «через 100 лет». Я очень хочу, чтобы журнал сохранялся на бумаге. Мне предлагают: уходи в электронную версию, это проще, это дешевле и так далее. Но я верю в библиотеки, верю в архивы. И мне кажется, что если даже через 100 лет кто-то захочет взять в руки эту книгу – значит, я не зря сегодня в неё верила, в эту книгу, и в то, что моё слово когда-то будет нужным. Может быть, это даже послужит таким комплементарным высказыванием через 100 лет, что мой текст опережал своё время. *(Улыбаюсь)*. Это же сегодня комплимент?

Аванесов С. С.: Это и есть нормальный философский подход. Когда я работаю не потому, что я должен дать некий рейтинговый показатель прямо сейчас.

Орлова Н. Х.: Да.

Аванесов С. С.: Это может выглядеть как работа в стол. Но, с точки зрения большого времени культуры, это как раз и есть главное оправдание для всякого труда: ты работаешь не на сиюминутные рейтинговые показатели, а на культурные ценности, которые всегда выше, чем эти сиюминутные моды, обязанности, правила, инструкции и так далее. И в этом смысле, Надежда Хаджимерзановна, Вы всё больше и больше присутствуете в Ваших высказываниях: я хотел бы перевести речь немного поближе к Вам. Если Вы ведёте дневники, так или иначе осмысливаете свою биографию, если там отражён Ваш внутренний рост – значит, это философские тексты или подготовительные материалы к философским текстам. Если смотреть на Вашу жизнь, то Вы для себя могли бы назвать момент в жизни, который стал ключевым (или несколько таких моментов) с точки зрения формирования Вашего внутреннего мира, философских убеждений, представлений, мировоззрения? То есть ключевой момент (или ключевые моменты) Вашей биографии как философа – в философском смысле.

Орлова Н. Х.: Пожалуй, мне ближе окончание этого вопроса. Понимаю и допускаю, что это спорно, но мне кажется, что философ формируется не какими-то моментами уже в зре-

лом возрасте, а с детства. Потребность размышлять, потребность каким-то образом объяснять для себя окружающий мир и своё место в этом мире – это должно где-то там начинаться. И в этом смысле у меня есть несколько событий, которые можно считать «ключевыми» в моей философской биографии. Но не уверена, что они отражены в моих дневниках. Моя встреча с Достоевским, когда мне было 11 лет. Я росла в достаточно бедной семье, и у нас не было библиотеки, вообще не было и книг, кроме школьных учебников. А я была очень читающим человеком. И библиотекари в моём городке хорошо знали меня, Надю Мамий, потому что я читала полками, стеллажами. Была просто такая физиологическая потребность читать, и годилось всё: и публицистика, и биографические книги, научно-популярные, фантастика и так далее. То есть всё это прошло через моё чтение.

Но Встреча с Достоевским состоялась как раз не в библиотеке... Такой сюжет. Мама приходит поздно вечером с работы и приносит книгу, довольно потёртую. Это «Преступление и наказание» Достоевского. Она шла и, проходя мимо скамейки, уже в темноте, она увидела, что там лежит книга. Она её взяла и мне принесла. Я не могу сказать, что моя мама сама – читающий человек. Мне кажется, она вообще никогда не прочитала ни одной книги. Она была малообразованным человеком. И в принципе не испытывала пиетета к тому, что я вот такая читающая. Но почему-то она принесла мне эту книгу. Это было один раз в жизни. Она никогда не приносила книг – ни до, ни после. Почему-то тем поздним вечером она принесла эту книгу Достоевского «Преступление и наказание»...

Я прочитала её запоем. Я это называю «запойно прочитать». Это когда ты не отрываешься, ну, и так далее. Бывали случаи, когда мама не разрешала мне читать. Чаще всего не разрешала читать по ночам. Тогда я дожидалась, когда все уснут. И если была лунная ночь, я садилась к окну и читала при луне, дочитывала до изнеможения, насколько хватало физических сил. Вот приблизительно так запойно я прочитала «Преступление и наказание». Вот это была моя встреча. Я храню

эту книгу. Она со мной ездит по миру. Она и сейчас на моей книжной полке. Это из детства.

Второй сюжет (из детства, опять же) – это в день, когда мне исполнилось 16 лет. Я помню, как провела этот день. Причём это был день рождения вполне себе праздничный. Нет, не было никакого застолья. Этой традиции у нас в семье не было, опять же, по бедности. Но почему-то в тот мой день рожденья моя учительница подарила мне какой-то цветок. Другая учительница подарила мне портрет Ленина. Да, представьте себе, портрет Ленина. С очень хорошей надписью.

Аванесов С. С.: С автографом?

Орлова Н. Х.: Нет-нет. С пожеланием. Были ещё какие-то подарки, совершенно неожиданные для меня. Но я этот день прожила (я хорошо помню) в каком-то ужасе. Ужасе ощущения, что времени осталось мало... Физически, буквально физически я чувствовала всем телом, как быстротечно время. И у меня просто мурашки пошли по коже. Это был такой день тотальной тревоги – внутренней паники: время, время, время, оно быстротечно, что я могу успеть? А что я могу успеть? Вот эту тоску я запомнила. Но это из детства.

А если уже из взрослой жизни, то это когда я уже в профессиональную философию пришла. Это тоже событие. Это встреча с Михаилом Семёновичем Уваровым. Перед этим я защищала свой диплом по психологии (мой второй диплом о высшем образовании). И на защите в Санкт-Петербургском университете кто-то из членов комиссии сказал: «Да у Вас готовая диссертация». И ещё: «Вам, вообще, хорошо бы защитить эту работу». Я подумала: ну, раз «хорошо бы», почему бы и нет. На психфак я не поступила в аспирантуру. Как-то общаюсь в одной компании друзей, а там оказалась коллега-психолог, которая работала в Военмехе на кафедре психологии. Она говорит мне: «Надя, а приходи к нам в Военмех, у нас есть кафедра философии. И, знаешь, у нас есть очень интересный философ – Миша Уваров. Он очень интересно аспирантские семинары ведёт. Ты приезжай, к нему на семинары можно приходить, они по вторникам бывают. Ты приезжай, может быть, тебе и понравится, и, может быть, ты к нам придёшь». И я приехала.

Идёт Миша Уваров по коридору, вот так наклонив голову слегка. И моя знакомая приятельница Ольга говорит: «Михаил Семёнович, а у Вас во сколько будет семинар?» Он так, не поднимая головы, буркнул нам о времени. А она спрашивает: «А можно ли к Вам моей приятельнице?». Он ответил: «Ну, конечно же, можно. Да, всячески приветствуется». И я пошла к нему на семинар. Целый год я ездила на эти семинары. Нас было всего лишь двое: один аспирант Дима из нового набора, и я – вольнослушательница. (Смеётся). Начали мы с Канта. И я слушаю про тот самый категорический императив, о котором рассказывал Михаил Семёнович Уваров. А он так рассказывал, как будто это он написал про это. Это не Кант – это он! (Смеётся) И было ощущение, что передо мной прекрасный человек, который знает, как правильно размышлять о себе, узнавать себя, мыслить и верить в звёздное небо над головой. Вот это была такая чудесная встреча. Voilà. Наверное, с этого я началась как профессиональный философ.

Аванесов С. С.: То есть книга, самоощущение критическое?

Орлова Н. Х.: Ощущение времени.

Аванесов С. С.: И встреча с человеком, через которого произошла встреча уже со всем философским миром?

Орлова Н. Х.: Да.

Аванесов С. С.: Если бы Вы писали автобиографию, то, видимо, эти сюжеты были бы там ключевыми моментами?

Орлова Н. Х.: Ну, да. Мне кажется, что так.

Аванесов С. С.: Через которые можно было бы оценить и выстроить всё остальное течение жизни?

Орлова Н. Х.: Ну, в письменном тексте эти события где-то отражены. Потому что, когда Михаил Семёнович ушёл из жизни... Впрочем, нет. Ещё когда он был. Поступила просьба от Мосоловой Любви Михайловны, заведующей кафедрой культурологии Герцена, написать творческую биографию Михаила Семёновича Уварова для «Культурологического вестника». Михаил Семёнович ещё был жив. И я что-то написала в эссеистическом жанре. Но он, правда, всё отредактировал. (Смеётся). Ну, такой он перфекционист, к слову на письме

паталогически чувствительный. Однако про ту встречу с ним не вымарал. И в этом смысле это получилось автобиографично, в том числе. В его биографию вписалась вот эта автобиографическая зарисовка о встрече с ним как с философом, как с мыслителем, как с учителем, как с другом.

Аванесов С. С.: Хорошо. Спасибо. А как можно ответить на такой вопрос: когда философ пишет свою биографию, именно описывая своё философское становление и рост, он же должен учитывать сам этот факт написания автобиографии? И тогда само писание автобиографии входит ли в его биографию как философа? Должен ли он рефлексировать не только над той жизнью, которую он описывал и которая случилась до писания автобиографии, или само писание автобиографии он тоже должен включать в процесс собственного становления?

Орлова Н. Х.: Собственное становление меня немножко напрягает. Потому что мне кажется, что он может это включать. И мне даже кажется, что он по необходимости это включает. Он саморефлексирует.

Аванесов С. С.: То есть прямо или косвенно, так или иначе, это отражается?

Орлова Н. Х.: Да. Он саморефлексирует. Хотя бы в таких словосочетаниях, как «ну, вот опять я пишу, может быть, сумбурно». Человек пишет о себе. «Опять я пишу сумбурно...».

Аванесов С. С.: Или «прошу простить читателя мой корявый стиль...».

Орлова Н. Х.: Нет, это уже обращение к читателю. А вот когда он саморефлексирует о самом себе пишущем (если я правильно понимаю вопрос, это об этом) ...

Аванесов С. С.: Об этом.

Орлова Н. Х.: ... то тогда он, конечно же, каким-то образом рефлексирует на некую неудовлетворённость или он констатирует, что он сегодня так одержим вот этим событием, или он так скован, допустим, или ему никак не оторваться от своих переживаний. То есть о себе пишущем он может таким образом... Он может отослать к записям самого себя, послать к прошлой записи о самом себе. «Ну, что я там пылил по этому поводу?

А всё-то оказывается по-другому». Значит, он обращается к самому себе в этом смысле.

Аванесов С. С.: И тогда сам процесс написания автобиографии, может ли он быть связан с творческим ростом, с саморазвитием, с пониманием того о себе, что не было понятно до начала написания этого текста? Может ли в процессе написания автобиографии меняться взгляд пишущего и на себя самого, и на собственные взгляды?

Орлова Н. Х.: Мне немножко мешает отвечать на эти вопросы то, что я психолог. (*Смеётся*). Потому что я понимаю, вернее, убеждена в том, что о чём бы мы ни говорили наедине с самим собой, в письме, в письменном тексте или с кем-то, или вот как мы с Вами сейчас говорим (Вы – задавая вопрос, я – отвечая на него), – мы говорим, всё время вытаскивая что-то из себя, рефлексирюя на самих себя и в этом смысле – да, совершенствуясь. То есть что-то в себе уточняем.

Аванесов С. С.: Что-то понимаем, может быть?

Орлова Н. Х.: Что-то в себе, да, и понимаем, в том числе, вытаскиваем из бессознательного в каком-то смысле, из закрытого нам, из того, над чем мы не размышляли. То есть осознать.

Аванесов С. С.: Понятно. Потому что если философ рассуждает о мироздании, то ракурс его внимания как бы направлен вовне. А здесь, когда он пишет автобиографию, он по необходимости смотрит на самого себя.

Орлова Н. Х.: Начинает с себя.

Аванесов С. С.: Да. И, может быть, видит то, чего он раньше не видел, смотря вовне?

Орлова Н. Х.: Он, может быть, и видел.

Аванесов С. С.: Теперь-то он полностью на себе сосредоточен.

Орлова Н. Х.: Он фокусирует на этом взгляд.

Аванесов С. С.: Да, фокусирует.

Орлова Н. Х.: Потому что это же как фигура и фон. Известен замечательный пример, когда мы видим либо вазу, либо два профиля. Но это не означает, что мы одновременно

не видим того и другого. Картинку-то мы видим целиком, но фокусируем мы внимание либо на вазе, либо на профилях. Так же и в самом себе: мы видим это в себе, но фокус внимания у нас сосредоточен на чём-то особенно актуальном в данный конкретный момент. И тут Ваш вопрос заставляет (или, допустим, моя потребность записать) сфокусировать внимание на каком-то своём переживании по этому поводу.

Аванесов С. С.: Но я же могу спросить, у меня появляется повод, для того чтобы спросить: а почему я в своё время записал вот это событие? Когда мы делаем запись в дневнике о каком-то событии, мы как бы формально пишем о нём. А теперь я могу спросить: а почему я сделал эту запись об этом событии?

Орлова Н. Х.: Это интересный вопрос: почему мы пишем о самих себе? Ведь на самом деле очень часто мы фиксируем в записях такие вещи, которые не хотели бы, чтобы их кто-то прочитал, но всё равно мы их записываем. Пожалуй, я возвращаюсь к началу нашей беседы... Это, конечно, наше одиночество. Нам нужно всё-таки с кем-то обсудить нечто – то, что мы сегодня, сейчас, в данный момент времени не готовы ни с кем обсудить, но только с самим собой. И тогда получается, что тут решается довольно прагматичная задача. Я говорю об авторе, который ведёт дневник или пишет в жанре автобиографии... Если, конечно, записи ведутся в режиме реального времени, а не по воспоминаниям. Воспоминания – это нечто иное. У меня особое к этому отношение. А если именно в режиме реального времени, то, на мой взгляд, решаются две прагматичные задачи.

Первая – сопережить событию (мысль, эмоцию) на бумаге. Потому что важно проговорить, пережить, снять напряжение, связанное с этим событием, с этой встречей, с этой мыслью, которая тебя держит в руках. Мысль ведь тоже может держать. Мы погрязаем в этих внутренних монологах и диалогах. Они нас держат цепко, и мы тратим на это энергию. Мы не можем функционировать по другим направлениям. Это первая задача. Дневник, автобиография эту терапевтическую задачу решают блестяще. В условиях, когда мы не готовы говорить об этом ни с кем, нет у нас сейчас партнёра под рукой, с которым

мы можем довериться и которому мы, вообще, верим, что он может услышать то, что мы хотим сказать. Даже самый чуткий человек, которому мы верим... Мы знаем пределы возможностей даже очень близкого человека.

И вторая, тоже прагматичная, не менее важная задача: мы хотим себя запомнить. Мы хотим запомнить даты и события, хронологию. Мы надеемся, что в перспективе мы вернёмся и из этого напишем о себе развёрнутый текст. Но нам нужно этот скелет сохранить. И сейчас не о каждом событии мы готовы писать трактат в своём дневнике. Я завидую своим героиням, потому что у них было время писать эти дневниковые трактаты. Каждый день они могли описать так, что там помещались характеры, переживания, события, идеи – это такое богатство! Сейчас мы лишены такой возможности. Мы не можем так много писать о самих себе. И мы пытаемся записывать автобиографический скелетик, строить его в надежде на то, что мы туда вернёмся.

Мои ежедневники – это приблизительно то же самое. Я написала «у Нади концерт» или «я еду к Аванесову в Новгород», – и я там же помечу: «я собой довольна». Я довольна. А был такой доклад! И я собой довольна. Я боялась, что я не соберу себя в кучу, что из меня всё... Но я всё равно довольна. Да, есть то, что я сказала бы иначе, но, в принципе, я событие зафиксировала. Вернусь ли я к описанию детальному – это вопрос. Но я его зафиксировала. Как это послужит в будущем? И, конечно, здесь присутствуют мои амбиции: они мотивируют и осмысливают само желание фиксировать событие. Я надеюсь, что когда-то кто-то захочет туда заглянуть. И, может быть, он будет писать про Сергея Аванесова. Но он у меня там прочитает и обнаружит, что он проводил интересные семинары, и была дискуссия.

Аванесов С. С.: Приглашал интересных людей.

Орлова Н. Х.: Приглашал интересных людей, да. Ну, конечно, я не опишу этот день, как я встретила с Борисом Васильевичем Марковым, и что сказал Борис Васильевич Марков. А хотя есть про что написать. И мы успели проговорить и про мечту Саши Говорунова, и как мы вообще изменяем

своим мечтам в погоне за «скопусами». И наша мечта в виде самой лёгкой лодки в мире всё время откладывается. Вот он, философский текст. Но я его не записала. Не хватило на это времени. Я его продумала, зафиксировала в памяти сердца. Чем ближе я по времени к событию, тем больше иллюзий, что ещё вернусь в эту точку памяти. Но потом дистанция времени растёт, и вернуться всё труднее.

Аванесов С. С.: Вы согласны тогда, что жанр дневников и мемуаров и жанр автобиографии – это немножко разные жанры? То есть автобиография пишется уже в состоянии такого наличия досуга, когда есть возможность осмыслить то, что было раньше зафиксировано, может быть, конспективно, в жанре дневника. Автобиография всё-таки – некоторый законченный текст. Там, может быть, даже какой-то сюжет есть. Так?

Орлова Н. Х.: Я бы, пожалуй, автобиографию рассматривала как более ёмкий текст, более структурированный, такой больше тянет на скелет. А вот дневник – это всё-таки мясо, мышцы, кровеносная система, психика. Но, опять же, можно спорить на эту тему. Это мои ощущения, потому что эти жанры... они в моей жизни присутствуют.

Аванесов С. С.: Как Вы думаете, когда надо начинать садиться и писать автобиографию? По горячим следам событий, и таким образом писать её всю жизнь, параллельно этой жизни, когда ещё свежа память о каждом событии, или писать уже ближе к финалу жизни, когда мы уже заняли позицию, с которой (из будущего) ясна значимость, ценность, смысл всех тех событий, которые произошли раньше, когда мы их можем расположить в некоторой связи? Когда нам писать автобиографию: всю жизнь или в конце жизни, оглядываясь на неё?

Орлова Н. Х.: Когда пишется.

Аванесов С. С.: Ага. То есть это должно само произойти.

Орлова Н. Х.: Когда пишется. Автобиографию надо писать тогда, когда пишется. Когда мотивация на её написание достигла критической точки – надо садиться за письменный стол. И надо отложить немедленно какую-нибудь кондовую дежурную статью и сделать запись. Но для этого должна быть очень

мощная мотивация. Надо верить в то, что это что-то архиважное. Но вот вопрос: а кому это важно? Сейчас порой кажется, что, может быть наши архивы даже нашим детям не будут важны... Другие скорости, иное отношение к памяти.

Аванесов С. С.: А внукам?

Орлова Н. Х.: И внукам, может быть, не будет важно. Потому что сейчас культура переходит на такие способы передачи и фиксирования информации, мемуаризации информации, что иногда кажется, что все становится космической пылью... Никто никогда не докопается до этого текста. Никто и никогда. Разве что какой-то учёный, какой-то исследователь, пытливейший историк, для которого работа в архиве, в библиотеке – это смысл жизни. И всё...

Аванесов С. С.: Причём он, скорее всего, и опубликует потом результаты этих исследований.

Орлова Н. Х.: Да. Есть надежда.

Аванесов С. С.: И тогда, может быть, этот текст станет доступным.

Орлова Н. Х.: И тогда есть надежда. Да. Так что записывать себя нужно не потому, что это кому-то немедленно будет интересно... Самая надежная мотивация: если тебя прёт и рука тянется к письму о себе – пиши.

Аванесов С. С.: То есть если тебе это надо.

Орлова Н. Х.: Если именно тебе это надо. И записывать надо тогда, когда пишется, а не вымучивать из себя. Либо решать прагматичную задачу – писать хронологию, фиксироваться в ней, а потом уже надеяться на то, что появится время, возможность и некое такое ощущение, что к этому можно вернуться. Тогда возникает этот счастливый момент возвращения к тексту и его насыщения уже с иных позиций. Но не в режиме «или – или», а в режиме «сейчас я фиксирую как могу, а потом я к этому вернусь и насыщу это уже с позиции себя, взрослого, уже переосмысляющего и по-другому расставляющего акценты».

Аванесов С. С.: Может быть, тогда и не нужны уже будут дневниковые записи, и человеку удобнее будет опираться на память? На то, как он помнит это, а не то, как он в своё вре-

меня записал. Может быть, даже и не точно записал, не на то обратив внимание. А теперь, может быть, он знает, на что нужно было обратить внимание. Может быть, тогда его дневники, наоборот, будут смущать и мешать ему?

Орлова Н. Х.: Дневники точно будут смущать. Но смущать по другой причине.

Аванесов С. С.: По какой?

Орлова Н. Х.: Они будут смущать тем, что человек будет видеть себя трагически страдающего или глупо восхищенного. А прошло много лет, он читает про это и думает: «Боже мой, неужели я такой был? Неужели я из-за такой ерунды так переживал?» Потому что дневник – это, чаще всего, всё-таки эмоции.

Аванесов С. С.: И в дневнике ведь не зафиксировано, что это ерунда. Это он сейчас видит, что это была ерунда.

Орлова Н. Х.: Ну, конечно, там можно бравадно написать: «Ну, какая это всё-таки ерунда. И что же я так в это вцепился? И что же я по этому поводу так плачу?». И вообще, можно поразмышлять по поводу того, что время коротко, дни лукавы, и завтра я про это забуду. Но сегодня-то я забыть не могу. Скажем, я веду дневники, и обратила внимание: когда перечитываю свои старые тетради, я понимаю, что самая мощная мотивация сделать запись – это когда мне очень плохо. Когда я настолько захвачена переживаниями трагическими. Причём они, собственно говоря (я, как психолог, понимаю) легко проживаются. *(Смеётся)*. Я скоро-скоро от них уйду. И это, как правило, какие-то любовные истории. Что мы в последнюю очередь доверим другому человеку? Это некую свою неудовлетворённость самим собой. Когда ты просто про себя думаешь в самом-самом уничижительном тоне. А кому ты это можешь доверить? Конечно, ты не доверишь это никому. Да, ты можешь сыграть и сказать: «О-о, я сегодня такой вот...». В надежде на то, что человек тебе скажет: «Да нет, ты что, всё было неплохо. *(Смеётся)* Да забей ты на это», и так далее. Но есть такие переживания, когда уже так не сыграешь ни с кем. А пережить надо. Я думаю, везёт тем людям, у которых есть эта привычка – записать себя в дневнике.

Открою маленький секрет. Здесь уже про мою маму звучало. Этот человек сыграл и продолжает играть в моей жизни колоссальную роль. И на волне протестного к ней отношения я, вообще-то, и уехала когда-то в славный город Ленинград с чемоданом, забитым книгами. Этот чемодан сегодня у меня тоже хранится. В нём хранятся мои дневники и письма. Но вот почему я вспомнила про маму?

Аванесов С. С.: Речь шла о том, чтобы записывать переживания.

Орлова Н. Х.: Вот, вот, мои дневники. И мама... Я начала их писать очень рано. Для этого выбирала, если было возможно, красивую тетрадь. Записи тогда велись перьевыми ручками. И вообще, мне это доставляло удовольствие, это было связано с эстетическим каким-то наслаждением. У меня всегда был очень красивый почерк. Мне очень жаль, что они не сохранились, те несколько ранних дневников. Я была тогда очень маленькой девочкой, наверное. Мне было лет семь-восемь. Что я там записывала – я не помню. Скорее всего, как говорят у нас, «как чукча». Пусть простят меня представители этого народа.

Аванесов С. С.: Эти прекрасные люди.

Орлова Н. Х.: Да, эти прекрасные люди. Вероятно, я писала всё, что видела, всё, что переживала. Вполне возможно, там что-то было не комплементарное по отношению к тем событиям, которые происходили у меня дома. И вот однажды я пришла домой... а мои дневники горят в печке. Мама их сожгла.

Аванесов С. С.: Рукописи все-таки сгорели?

Орлова Н. Х.: Да. Она их нашла и сожгла. Я помню, как я плакала, как отчаивалась и кричала на неё: «За что? За что ты это сделала?» Но тут же я завела новые, и появились новые «рукописи». И другой сюжет. Но уже не мама была тому виной. Как-то старшеклассницей я была в лагере вожатой. И со мной, как всегда, была тетрадошка дневника, в которой я что-то записывала. И однажды она пропала. Вожатые жили в отдельной комнате. Открываю свой чемодан, чтобы сделать очередную запись, а там нет моей тетради. И это была для меня трагедия. Но через несколько дней тетрадь вернулась. Вероятно, кто-то её

взял из моих сокамерниц. (Смеётся). Боюсь сейчас перечитывать эти школьные дневники. Боюсь, потому что я понимаю, что это просто что-то ужасное – та я, которая девочка Надя Мамий...

Аванесов С. С.: Тогда у Вас появились первые читатели.

Орлова Н. Х.: Да-да-да. И я очень благодарна. Я не знаю, кто её взял. Но я и сегодня благодарна этому человеку, этой девочке или мальчику (не знаю, кто взял этот дневник тогда) за то, что вернули. И никогда нигде не было разговоров об этом. Но вернули. Эта тетрадоочка хранится в моем архивном чемодане. (Смеётся) И я всё время думаю: может быть, мне взять и про эту девочку написать?

Аванесов С. С.: Про девочку – это в смысле про себя?

Орлова Н. Х.: Про себя, да – про девочку эту, которая когда-то размышляла в своих тетрадях.

Аванесов С. С.: У Набокова автобиография начинается с предельно раннего детства. Ведь не зря он с этого начинает?

Орлова Н. Х.: Ему можно было. (Смеётся)

Аванесов С. С.: То есть он уверен, что он нынешний растёт оттуда?

Орлова Н. Х.: Но он из какой семьи-то вырос?!

Аванесов С. С.: Да. Но это не имеет никакого значения.

Орлова Н. Х.: Имеет, наверное.

Аванесов С. С.: Нет. Это имеет отношение к разнице обстоятельств. Но рост происходит всё-таки оттуда. Мы оттуда растём. По-разному. У нас разные обстоятельства.

Орлова Н. Х.: Тогда получается, что во мне героизма больше, самостоятельного труда больше. Потому что с какой платформы я начинала?

Аванесов С. С.: В этом смысле вопрос: как Вам кажется, сам принцип построения автобиографии должен быть каким? Это должен быть чисто хронологический принцип – одно за другим, как оно было в жизни; либо это должен быть принцип какой-то иной, более художественный. Скажем, какие-то акценты могут быть расставлены: сначала описаны главные события, а потом все второстепенные, которые приобретают смысл как бы с точки зрения этих главных событий.

То есть это аксиологический принцип. Или это должен быть какой-то принцип спонтанный. Допустим, если у человека нет датированных дневников, он просто вспоминает, и тогда он записывает эти воспоминания в том порядке, в каком они к нему приходят (в спонтанном порядке). Итак, хронологический, аксиологический, спонтанный или какой-то ещё. Или нет никакого строгого порядка?

Орлова Н. Х.: Канона?

Аванесов С. С.: Да, канона.

Орлова Н. Х.: Я полагаю, что всё может там присутствовать, но автобиографичность должна присутствовать однозначно. Иначе какая же это автобиография? По определению здесь всё-таки предполагается некоторая хронология, некая этапность жизни. А всё остальное там может быть в зависимости от мотивации, талантов, способностей. Какой-то период жизни, вполне возможно, будет чисто хронологический. Какой-то период жизни, когда был подъём. Например, влюбился человек.

Аванесов С. С.: В философию.

Орлова Н. Х.: (*Смеётся*). Ну, что так упрощать человека до философии? В самого себя влюбился. И прямо прёт из него, и писучий он донельзя именно про такого себя. У него этот период жизни становится цветным. И там много всего напитано.

Аванесов С. С.: То есть, неравномерность вполне может присутствовать.

Орлова Н. Х.: Она вполне может быть. Собственно говоря, это и есть биография. Потому что мы не можем, вспоминая свою жизнь, сказать, что она у нас вообще такая ровненькая. Бывает, когда у нас так всё плотно-плотно набито, напичкано – и событиями, и людьми, и встречами, и творчеством. А есть период, когда мы, в общем-то...

Аванесов С. С.: Жиденский такой.

Орлова Н. Х.: Ну, он не жиденский. Но когда мы себе позволяем, скажем так, никуда не спешить. И, в общем-то, в согласии с самим собой, некая пауза. Вы знаете, я как-то работала год назад в одном московском архиве с письмами С. Н. Булгакова к Маргарите Морозовой, на средства которой издавался

журнал «Путь». Сергей Николаевич был не только одним из редакторов этого журнала, но и близким другом Морозовой.

Так вот, я ему позавидовала. В каком смысле? Конечно, можно такой судьбе в принципе позавидовать. Хотя, конечно, там и драма очень непростая, и потеря сына, и эмиграция, и тяжёлая болезнь. Но ему удалось, в общем-то, прожить эту свою жизнь в гармонии с некоей универсальной константой, которую он когда-то, вероятно, неосознанно для себя построил. Устремиться к самому себе. Вот это устремление – это как образ и подобие – подобие тому идеалу, который он когда-то видел. Но я не об этом. Так вот, может быть, если бы он не имел возможности или не позволял себе того, про что я вычитала в письме к его другу Маргарите...

Он пишет из Крыма, где, как я понимаю, жил подолгу. Там было имение его жены, по-моему. И вот в одном из писем к Морозовой читаем: «За полгода не написал ни одной строчки. Всё размышляю и размышляю». Понимаете?! Можно ли сказать о том, что в его жизни в это время было жиденько с событиями? Да нет же. Вот это наше «размышляю» – может быть самое плодотворное; мы в это время может ничего и не пишем на бумаге, а пишем у себя внутри, пишем самих себя. А потом воплощаемся на бумаге. Могут и книги сложиться...

Аванесов С. С.: Когда мы пишем автобиографию, как Вы думаете, мы должны придерживаться некоторой строгости в описании событий, то есть писать всё так, как оно было, – как бы следовать за фактами; либо мы всё-таки с какой-то аксиологической позиции пишем, мы как-то это оцениваем? Может быть, мы не слепо следуем за фактом в его описании, а сразу же даём какую-то оценку его с позиции настоящего. То есть мы не делаем вид, что мы не знаем, к чему привело то или иное событие. Мы должны ведь это учитывать – то, что автор пишет из будущего всё-таки?

Орлова Н. Х.: Это если он из будущего пишет. Он пишет читателю из будущего или он пишет сегодня о себе?

Аванесов С. С.: Когда он пишет, он пишет уже из будущего о том, что произошло. И поэтому он имеет право на то, чтобы

как-то к этому отнестись. Или он должен просто фиксировать, фиксировать, фиксировать? Или так не бывает?

Орлова Н. Х.: Да дело всё в том, что сам выбор событий, подлежащих фиксации, это уже их оценивание. Оценивание их значимости. Решив для себя, что вот это событие следует зафиксировать, человек подчеркнул его значимость.

Аванесов С. С.: Он действует не как хроникёр, он действует как...

Орлова Н. Х.: Как летописец, но летописец в таком символическом смысле, наверное. Фиксация важности события. Потому что как хроникёр, наверное, он по-другому бы собирал хроники...

Аванесов С. С.: Он бы селекцию никакую не производил? А так он производит некую селекцию.

Орлова Н. Х.: Да. «Сходил в магазин, купил, ценник вырос и так далее...». Я встречала и такие записи. Они, кстати, замечательную службу служат историкам, которые возвращаются к этой эпохе и описывают её повседневность. Сегодня, на самом деле, очень модный жанр «нон-фикшн», который в принципе строится на этих архивных сочинениях или фиксациях.

Аванесов С. С.: Как Вам кажется, на каком основании автор может так отбирать события, что, допустим, он запрещает себе описывать какие-то события, он их отвергает и не помещает в автобиографию? Чем может быть вызван такой принцип? Тем, что он считает их неважными или он считает, что это настолько приватно, что об этом не стоит писать, или он хочет понравиться читателю? Может быть так, что он какие-то события просто убирает?

Орлова Н. Х.: Он может их убрать, во-первых, в тот момент это может казаться неважно, или даже небезопасно... Если он всё-таки запись делает, то он точно запишет самое важное для него и с его точки зрения. И селекция по степени важности/неважности делается только исключительно субъективно на момент записи. Если событие с точки зрения будущего историка в дневнике отсутствует, это означает только одно: что автору дневника это событие не казалось предельно важным.

Да, оно важное, но оно не казалось важным для него! Потому дневники и письма называют нынче «эго-документами».

А что касается «понравиться / не понравиться будущему читателю», я бы здесь ещё добавила «самому себе будущему». Потому что мы же можем вернуться к этим записям и самих себя постесняться. И я встречала дневники, в которых автор... Вот у той же Евлалии Казанович кое-что вырезано или густо-густо замарано, это прочитать никак нельзя. Ну, да, эксперт-криминалист, наверное, прочитает. Мы, конечно, хотим нравиться, в первую очередь, самим себе. Как бы мы сами себе ни говорили или как бы нам ни казалось, что мы спонтанны, – нет, конечно. Мы стараемся даже запись делать, чтобы нравиться. И себе, и случайному будущему читателю, если, даст Бог, такой появится в нашей судьбе, в запоминании культуры о нас. Конечно, мы стараемся. Что тут обманывать самих себя? Мы, собственно, для этого и пишем, чтобы себе нравиться. И даже когда мы пишем о себе некрасивом, плохом, мы всё равно, так или иначе, даже в этот миг стараемся себе понравиться и понравиться читателю. Ну, и пусть он увидит, что вот мы такие. И всё тут. (*Смеётся*). Во всём своём добре и зле.

Аванесов С. С.: Тогда получается, что автор, когда пишет автобиографию, он своеобразным образом вмешивается в прошлое, в реальность, он его приукрашивает или где-то утаивает, или что-то скрывает. А может он пойти дальше? Если он относится к этому как к литературному тексту, может ли он допускать мистификацию, лёгкий обман читателя, какие-то игры с читателем?

Орлова Н. Х.: На самом деле, историкам хорошо известно, что большинство мемуарных текстов, написанных в том числе и в жанре автобиографии (потому что граница здесь очень размытая), они вполне дают нам, скажем, примеры таких мистификаций, когда присутствуют домысливания или дописывание образа человека, который участвует в описываемом событии. Но чаще всего это бывает тогда, когда автор текста пишет в отсроченной перспективе. То есть не в режиме онлайн, а когда он потом уже возвращается к этому.

Вот, допустим, интересные воспоминания Шавельского. Это последний протопресвитер Белой армии (армии Деникина). Когда с юга России армия уплывала в Константинополь и рассеивалась потом по зарубежью, он оставил замечательные воспоминания. Вот там, на мой взгляд, вполне себе присутствуют персоны, целая галерея, на которую он не скупился, не ленился. Возможно, просто у него был к этому талант. Кроме того, что он ещё и психолог по профессии. Всё-таки, согласитесь, священники – это люди, которые работают с душами людей, и они многое умеют анализировать, рефлексировать, описывать и так далее. Шавельский здесь проявил себя как замечательный, талантливый писатель. Но портретные воспоминания, это всегда предельная субъективность, и я нашла несколько нестыковок.

Аванесов С. С.: Но тогда, читая автобиографию, мы уже априорно можем предполагать, что в каком-то смысле автор, который там присутствует, отчасти и лирический герой. Да? В некотором смысле. Потому что если это художественный текст, в той или иной мере, то автор склонен превращаться в лирического героя. И в этом смысле мы, наверное, не должны относиться к автобиографии как к строгой записи всех реальных событий – внешних и внутренних. Всё-таки это запись событий, пропущенная сквозь какую-то авторефлексию.

Орлова Н. Х.: Конечно. Вот свежий пример. В книгу избранных работ Ксении Михайловны Милорадович³ вошли пять её очерков автобиографического характера, которые мне

³ Милорадович Ксения Михайловна (1882 – после 1937 (?)) – писатель, философ, выпускница историко-филологического отделения Высших женских курсов (1906 г.), автор статей и переводов по философии. Под ее редакцией в 1915 г. вышел сборник «Современные течения религиозно-философской мысли во Франции». Помощница библиотекаря в библиотеке ВЖК с 1910 по 1918 гг. С 1919 по 1926 г. заведовала Первым Филиальным отделением библиотеки Петроградского университета (бывшая библиотека Бестужевских курсов). В 1927 году была арестована, провела в заключении почти три месяца и была освобождена. Предположительно была репрессирована по делу кружка А. А. Мейера «Воскресение». Была освобождена и выслана в Саратов. Вновь арестована в 1935 г. за «подпольную педагогическую деятельность». В 1937 приговорена к 6 годам ИТЛ. Дальнейшая ее судьба неизвестна, как и дата смерти.

прислали из архива УФСБ по Самарской области из её уголовного дела. Об этих работах она именно так упоминала в письме к Пешковой (это первая жена Горького, которая многие годы в «Красном Кресте» помогала политзаключённым и как-то облегчала их судьбу). Символично, что мы с Вами сегодня об этом здесь говорим, в городе Великом Новгороде. Потому что один из рассказов начинается с описания поездки в Новгород, которую профессор Шляпкин Илья Александрович и директор Бестужевских курсов Раев организовали для курсисток. И плыли они сюда по Волхову на корабле, специально арендованном для этих 50 или 60 курсисток.

Есть что-то от чеховского стиля в этих рассказах Милорадович. Плотная насыщенность персонажами, событиями, объёмностью.

Аванесов С. С.: Какой это год был?

Орлова Н. Х.: Это был 1904 год, сентябрь. Но у нее датируется 1903-м. Зная, что автобиографичный и мемуарный жанр всё-таки допускают искажения, в том числе, хронологические, я провела маленькое расследование и нашла газетную заметку об этой поездке.

Аванесов С. С.: В общем, начало XX века. Да?

Орлова Н. Х.: Да, это было начало XX века. Очерк, кстати, называется «Пир во время чумы». Замечательный пример автобиографического письма. И там невероятная плотность эпохи на страницу. Автор присутствует и как описатель, и как действующий герой. Милорадович так фиксирует расстановку фигур и хронологию событий, что можно пьесу ставить. Это предельно насыщенная драматургия. Конечно, пришлось расшифровывать имена персонажей, которые упоминались лишь заглавной буквой с точкой, реконструировать динамику событий и реплик героев. Видимо, Ксения Михайловна делала записи в надежде в будущем их доработать и опубликовать. Но не успела... Я думаю, что вот это и есть автобиографическое письмо.

Аванесов С. С.: А для кого такое письмо? Кому предназначены такие тексты? Ведь не для себя только, раз это публикуется.

Орлова Н. Х.: Да, она собиралась опубликовать их.

Аванесов С. С.: На кого это рассчитано? То есть кому: собственным потомкам, всему миру? Каковы цели такого общения? Поделиться своим опытом или передать какую-то информацию, или, может быть, с какими-то назидательными, педагогическими целями пишутся такие тексты? Для кого и для чего это делается, как Вы думаете?

Орлова Н. Х.: Если говорить, имея в виду этот, на мой взгляд, идеальный образец письма Ксении Милорадович, то я думаю, что она ставила главную цель – зафиксировать события и людей, драму их отношений, переживаний, эпоху. И да – оставить некое свидетельство об этом. Потому что то, как она построила этот сюжет, как она его описала, – это действительно бесценный документ именно как свидетельство времени, эпохи в такой полноте персонажей. Но она ведь уже очень зрелым человеком была – ей шел шестой десяток лет в это время. Для того времени это был очень зрелый возраст, в 1930-е годы. К тому же она писала, когда за её плечами было уже два или три ареста и трагический список утрат друзей и учителей. Мне даже кажется, что она буквально миссию на себя взяла, зафиксировать не просто эпоху, а именно портреты людей: там ведь ни одной банальной фигуры нет в этих драматических пьесах «нон-фикшн». Комментируя её очерки, я нашла в них немало огрехов, когда отсроченная память искажала хронологию и даже имена.

Аванесов С. С.: Может быть, это неважно? Именно в жанре автобиографии? Может быть, это неважно – строгое соответствие датировки, последовательности и так далее. Если человек, скорее, хочет передать не столько содержание событий, сколько их смысл, их значение, их важность.

Орлова Н. Х.: Если возвращаться к этому очерку, то по содержанию было понятно, что ей самой это было важно. Важно, чтобы была соблюдена ещё и хронология событий. Там интрига-то в чём заключается, почему такое название? «Пьеса» заканчивается похоронами Шляпкина в 1918 году. Когда Милорадович вернулась с фронта, где служила в «Красном

кресте» сестрой милосердия, она вернулась в послереволюционный Петербург и написала Шляпкину письмо, ещё не зная, что он смертельно болен, и что остались считанные дни.

Затем описание дежурств у постели: ее – его бывшей ученицы, и двух других его бывших учеников. Пафос в теме пира в голодном Петрограде, где корочка хлеба как лакомство. Милорадович приезжает на похороны, а там из кладовых Шляпкина накрыт роскошный стол, и съехалось университетское голодающее общество: и Радлов, и другие имена, о которых мы сегодня пишем. И все смотрели на этот стол с недоумением. Потому что он просто ломился от яств: и от вина, и от колбас, и от всего прочего. Это был пир во время чумы...

Так что линия времени (хронологии) здесь соблюдена. Милорадович поместила сюда всё и все почти 15 лет, пролетевшие после поездки в Новгород, с которой завязалась дружба Милорадович с учителем. В хронологию вместились всё очень плотно: и манифесты революционно настроенных курсисток а là 1904 год, и прохладный туманный день, и одеяла от губернаторши, чтобы они не замерзли в пути, и растерянные университетские коллеги Шляпкина на его похоронах в голодном Петрограде 1918 года... Мне кажется, что если писать автобиографию, то писать нужно именно так.

Аванесов С. С.: Но при этом это автобиография, а не просто воспоминания.

Орлова Н. Х.: Автобиография, да.

Аванесов С. С.: То есть там автор присутствует во всём этом. Это его взгляд.

Орлова Н. Х.: Да, фиксация.

Аванесов С. С.: Через эти описания других.

Орлова Н. Х.: Там нет оценочного суждения.

Аванесов С. С.: Нет оценочного суждения. Всё-таки это просто описание?

Орлова Н. Х.: Там такая гениальная фиксация, что ты понимаешь, какими глазами на это всё смотрел автор.

Аванесов С. С.: Тогда в каком соотношении, в какой пропорции в автобиографии должен присутствовать сам автор?

Когда его присутствие становится нескромным уже? С точки зрения философии ведь скромность – это добродетель.

Орлова Н. Х.: Да?

Аванесов С. С.: Как удержать?

Орлова Н. Х.: С моей точки зрения, скромность – это нечто близкое к сюжету, когда нечего сказать. (*Смеются*) Здесь я не совпадаю с мейнстримом. Есть же шуточная поговорка: «Скромность украшает того, кого уже больше ничто не украшает». Но это из традиции наших административных характеристик.

Аванесов С. С.: Но мы же к мейнстриму отношения не имеем, мы как бы судим с точки зрения сути.

Орлова Н. Х.: А что такое скромность тогда, я хотела бы уточнить? Как мы это понимаем?

Аванесов С. С.: В крайнем случае, это Плотин, всем известный, который вообще ничего о себе не сообщал, и мы о нём знаем крайне мало. И запрещал себя изображать. То есть главное – это мысль, а не я сам.

Орлова Н. Х.: Так это и есть скромность? А в современном понимании что такое скромность?

Аванесов С. С.: Я не знаю, что такое современное понимание.

Орлова Н. Х.: Хорошо. Как мы это понимаем, вот философы как это договорились понимать – скромность? Скоромность?

Аванесов С. С.: Скоромность?

Орлова Н. Х.: Нет. Скромность – что же это за слово?

Аванесов С. С.: Ну, чтобы автобиография не превратилась...

Орлова Н. Х.: Схрон, спрятался?

Аванесов С. С.: ...в выпячивание себя.

Орлова Н. Х.: Нет, а как понять? А если мы пишем наши философские тексты, мы себя не выпячиваем?

Аванесов С. С.: Если я заставляю читателя получать информацию не о событиях, а только о себе любимом. Есть какая-то грань скромности или нет? Или в автобиографии никакой скромности быть не может?

Орлова Н. Х.: Я подчеркиваю, что к слову «скромность» отношусь отрицательно.

Аванесов С. С.: Отлично.

Орлова Н. Х.: Если же говорить о том, в каком объёме автор может позволить себе присутствовать...

Аванесов С. С.: В любом?

Орлова Н. Х.: Да. На мой взгляд, в любом абсолютно.

Аванесов С. С.: Тогда никакой скромности быть не может.

Орлова Н. Х.: В таких смыслах – да, я так думаю. Опять же, если исходить из того, о чём мы договорились – о нашей надежде, что читатель когда-нибудь будет. Но даже если читателю это может в силу каких-то его особенностей не нравиться то, что автора слишком много...

Аванесов С. С.: Вот выскочка!

Орлова Н. Х.: Да. То это проблемы читателя. Мне кажется, высказывание не может быть ограниченным. Оно не может дисциплинироваться вот этим конфликтом, комплексом балансирования: скромно/нескромно и так далее. Какое же это высказывание? Это некая игра в высказывание.

Аванесов С. С.: Но в любом случае ведь автор думает о читателе и о том, как он его воспримет. И автор может думать о том, что читателю может показаться, что автора слишком много в тексте и не прочесть этот текст.

Орлова Н. Х.: Я согласна, что автор всегда думает о том, что будет читатель. А вот как он покажется читателю – автор думать не должен. Вот если автор начинает думать, как он покажется читателю...

Аванесов С. С.: И подстраиваться тем самым под ожидания. Да?

Орлова Н. Х.: Да. Тогда он начнёт мимикрировать и всё. И это уже будет не автор.

Аванесов С. С.: Это будет не его высказывание уже.

Орлова Н. Х.: Нет. Конечно. Конечно. Автор думает о том, что читатель возможен. Он мотивирован именно тем, что читатель возможен.

Аванесов С. С.: И это он ведущая сторона в этой паре, а не читатель.

Орлова Н. Х.: Конечно.

Аванесов С. С.: То есть не что вам угодно, а будь добр, если хочешь.

Орлова Н. Х.: И даже не так директивно, но он просто верит в то, что будет тот читатель, который захочет читать этот текст, а играть с читателем: «Давай я тебе сейчас понравлюсь». Это такая ловушка. Но философ-то точно не должен этого делать. И вообще никакой автор не должен этого делать.

Аванесов С. С.: Но отсюда возникают разные размышления по поводу современной популярной литературы и так далее. Но мы от этого воздержимся. Мы говорим о философской.

Орлова Н. Х.: А, мы тогда говорим уже о коммерции.

Аванесов С. С.: Да, это другой разговор.

Орлова Н. Х.: Конечно.

Аванесов С. С.: Это другая тема.

Орлова Н. Х.: Тогда – да. Тогда мы уже решаем, кому мы сможем это продать. Это уже другое. Мы с вами сегодня не об этом говорим.

Аванесов С. С.: Хорошо. Ещё вопрос такой, уже ближе к заключению. Как Вам кажется, может ли автобиография быть исчерпывающей? Может ли философ издать автобиографию, если он ещё жив? Ведь биография его продолжается.

Орлова Н. Х.: В истории нет сослагательного наклонения: «если бы». Мне кажется, это и сюда относится тоже. Он может издать. Но если бы он мог издать, то он это делает. Он может издать, но без всякого «если бы». Либо он пишет её до последнего и надеется, что это кто-то издаст без всякого «если бы», либо он издаёт сейчас и понимает, даёт себе отчёт в том, что этот кусочек летописи своего жизненного пути он уже не переписшет.

Аванесов С. С.: И это фрагмент, с которым он как бы расстаётся, выражая его в тексте.

Орлова Н. Х.: Да. И он дальше может принять для себя решение: продолжение не следует, я самое главное сказал. Я встречала такие сюжеты, когда человек принимал решение вообще не писать. Неважно, что. Просто останавливал себя,

потому что это такая высокая степень ответственности перед самим собой – когда мы исписаны уже, когда человек отдаёт себе отчёт, что он, в принципе, уже ничего нового от себя сказать не может, а занимается проститутированием на потребу дня и так далее. Но если он обязан это делать по требованию профессии и отчётности, то да, тут всё понятно.

Но мы можем возвращаться к нашим прошлым текстам, как это бывает. Вот я сегодня рассказывала, как я к тексту Достоевского вернулась. Мы можем возвращаться. Потому что уходили. Но возвращаемся мы уже другие, изменившиеся и с измененной мотивацией. Оказывается, сегодня, занимаясь Достоевским, я вообще работаю на каком-то другом витке. К тексту автобиографии можно возвращаться, но переписать уже не получится. То есть, не вернуться, чтобы «редактировать» текст, а вернуться, чтобы редактировать себя: текст может мне служить, он может во мне работать. Да, так можно, я думаю.

Аванесов С. С.: Хорошо. И последний вопрос: есть такое расхожее представление о том, что биография настоящего философа начинается после его смерти.

Орлова Н. Х.: Это если повезёт.

Аванесов С. С.: Да, если случается, то случается после смерти. И в этом смысле, если стоять на этой позиции, возможна ли вообще философская автобиография? Ты ещё не начал жить как философ, ты должен сначала умереть. Но когда ты умрёшь, ты не можешь писать. И тогда не ставится ли под сомнение вообще автобиография как философский жанр?

Орлова Н. Х.: Мне кажется, вот это «если бы».

Аванесов С. С.: Нет, если мы допускаем, что... то тогда...

Орлова Н. Х.: Нет, я сейчас в начало вопроса возвращаюсь. По-моему, тезис, что биография философа начинается после его смерти, – он спорный.

Аванесов С. С.: Да. И даже мы не можем решить, что мы философы. Это другие должны решать. И поэтому философская биография человека начинается тогда, когда он умер и его посмертно признали через, может быть, несколько поколений философом. Вот тогда, если мы так считаем, пока я жив и имею

философскую степень, звание и должность, всё-таки я не философ. Вот в этом смысле.

Орлова Н. Х.: Но история философии нам этот тезис не подтверждает. Большинство философов были признаны как философы философским цехом при жизни. Разве не так?

Аванесов С. С.: Этого достаточно, чтобы считаться философом?

Орлова Н. Х.: На самом деле, чтобы считаться философом... Кем считаться? Тогда давайте уточнять, кем считаться?

Аванесов С. С.: Не преподавателем философии, не писателем на философские темы, не историком философии.

Орлова Н. Х.: А кем считаться?

Аванесов С. С.: Философом.

Орлова Н. Х.: А что такое «считаться» тогда?

Аванесов С. С.: Быть признанным.

Орлова Н. Х.: Быть признанным кем, если не философским сообществом, которое только что Вы взяли и исключили.

Аванесов С. С.: Не только философским.

Орлова Н. Х.: Тогда быть признанным кем?

Аванесов С. С.: Потому что профессиональное философское сообщество – это узкая корпорация.

Орлова Н. Х.: А кем тогда? Кем?

Аванесов С. С.: Обществом в широком смысле. Если ты вошёл в культуру как философ.

Орлова Н. Х.: А есть примеры такие, что философ только после смерти был принят широким обществом?

Аванесов С. С.: Бахтин (последний пример). Аверинцев.

Орлова Н. Х.: Насколько мне известно, Аверинцев был вполне себе признан и при жизни.

Аванесов С. С.: Но не философом.

Орлова Н. Х.: А, в этом смысле? Ну, это такие причуды судьбы. Это не есть некая общая практика. Если мы говорим о философе, мысль которого работает, включается в некие дискурсы ещё при его жизни, то это обычная практика.

Аванесов С. С.: То есть это, скорее, правило?

Орлова Н. Х.: Конечно. Ну, да, я философа Ксению Милорадович пытаюсь вернуть в память философского сообще-

ства. Но именно современного. Она при жизни была включена в философское сообщество, активно публиковалась. И это она написала энциклопедическую статью о Бердяеве, который так и не получил (извините меня) университетского образования. И никаких степеней у него никогда и не было. Ей была заказана энциклопедическая статья о нём, где о нём сказано так: «молодой начинающий философ, который был изгнан из Владимирского университета и у которого возможно некое философское развитие». А Ксения Милорадович в это время уже писатель-философ. И её знали в цехе. И член философского общества, которое, кстати, – это не нынешнее наше собрание, а это очень серьёзная организация по тому времени, которую Советская власть уже своим решением о закрытии промаркировала, как весьма серьёзную. И кто знает? Может быть, если бы не революция, то иначе сложились бы маршруты цитирования у них у всех... Имена многих из них в том числе, Бердяева, Лосского, Франка и др. вошли в наши учебники по философии только на волне постперестроечных процессов. А имена моих героинь ещё предстоит восстанавливать в культурной памяти.

Аванесов С. С.: Вы входите в состав философского общества?

Орлова Н. Х.: Ну, у меня членский билет есть, но это было тогда, когда руководил им Юрий Никифорович Солонин. Это было именно философское общество. Тогда я считала за честь быть его членом и взносы платить. Но не стало Юрия Никифоровича, не стало «Дней Петербургской философии». А сегодня философское общество и вовсе к университету не имеет никакого отношения.

Аванесов С. С.: А к философии?

Орлова Н. Х.: Возможно, там что-то и делается хорошее. Я не могу сказать категорично, потому что я с ними не имею никакой связи. И поэтому я буду некорректна по отношению к ним, если позволю себе негативное высказывание. Мне кажется, что всё-таки философ имеет и всегда имел шанс быть признанным как философ, состояться в истории философии при жизни. Или, по крайней мере, читаемым. Или, по крайней мере, опротестованным. Но это означает, что всё равно...

Аванесов С. С.: Замечен был. Да?

Орлова Н. Х.: Замечен был. Сообщество на него отреагировало, с ним не согласилось, осмеяло и так далее. Но это означает, что он в истории философской мысли остался, так или иначе. Правильно ведь? Мы сегодня у Платона, на самом деле, кучу всего можем опротестовать. Просто это не принято. И не только у него. И у того же Августина. Правильно?

Аванесов С. С.: Конечно.

Орлова Н. Х.: Но мы сегодня берём из их текстов то, что сохраняет свою актуальность и возможность для формирования мировоззрения и так далее.

Аванесов С. С.: Вот это и есть признак, наверное, философского текста. Он актуален во все времена. Может быть, разными своими аспектами.

Орлова Н. Х.: Согласна.

Аванесов С. С.: Так или иначе, для тех или других людей он всегда актуален.

Орлова Н. Х.: Согласна.

Аванесов С. С.: И поэтому в данном смысле их биография продолжается.

Орлова Н. Х.: Согласна. Но я бы даже, наверное, усилила свою протестную реакцию на этот вопрос. Мне кажется, что шансы у философа, не признанного при жизни и быть признанным после – практически нулевые. Разве что культура утратила при его жизни какой-то его текст, а потом он открылся. Но это я не знаю, что должно произойти. Не знаю примеров в истории философии. Мы же не стоим на месте. Даже те тексты, на которые мы с пиететом ссылаемся, многие изрядно устарели. Мы их перечитываем, упоминаем, но... По-моему, так. Поэтому надо спешить, надо успевать сегодня, сейчас.

Аванесов С. С.: Хорошо. На этом пожелании к нам ко всем...

Орлова Н. Х.: Да, давайте успевать писать автобиографии: спонтанно, в хронологическом ключе, литературно – как угодно, и надеяться, верить в то, что наш читатель когда-то захочет нас прочитать, и наше слово когда-то в ком-то отзовётся.

Аванесов С. С.: Спасибо большое, Надежда Хаджимерзановна, за приятный разговор.

Орлова Н. Х.: Спасибо.

ВАДИМ МАРКОВИЧ РОЗИН

«Я ЛИЧНО ВЫСТРАИВАЮ СВОЮ ЖИЗНЬ СОЗНАТЕЛЬНО...»¹

Смирнов С. А.: Итак, Вадим Маркович, начнём. Отношение философов к жанру философской автобиографии сложное. Кого я ни спрашиваю – либо меня посылают, либо говорят: «Что тут рыться в грязном белье? Я тут начну оценивать всех. Кому это надо? И вообще, это так – на десерт. Главное – мысли, а они – в сочинениях. Зачем?». Это один вариант.

Другой вариант, другая крайность: «Да нет. Вообще-то говоря, это настолько актуально и важно. Потому что на самом деле наш брат писать-то их и не умеет, эти философские автобиографии. Поэтому их крайне мало». Например, когда Мамардашвили прочитал «Самопознание» Бердяева, он сказал: «Ну, какое это самопознание? Самохарактеристика». Человек ведь всегда испытывает искушение: когда про себя рассказывает, он начинает, разумеется, себя маленько подправлять (причём в лучшую сторону). Итак, как Вы относитесь к жанру философских автобиографий? И начали ли Вы писать свою?

Розин В. М.: Я бы, во-первых, не согласился с Мамардашвили насчёт Бердяева. Я в своё время с большим интересом прочёл её.

Смирнов С. А.: Всё-таки откровенный текст? Он впечатляет?

Розин В. М.: Да. На меня он определенно оказал влияние.

Смирнов С. А.: Причём оно было опубликовано в начале 1990-х, когда всё только открывалось.

¹ Разговор состоялся 19 июля 2019 г. в Институте философии РАН. Интервью провел С. А. Смирнов.

Розин В. М.: У меня другое ощущение. Конечно, это дело непростое – философская автобиография. И тут надо различать, мне кажется, два плана, по меньшей мере. Первый – когда такую философскую автобиографию пишет сам автор про себя. Это одно дело. И другое дело – когда, после того, как он ушёл из жизни, начинается исследование его жизни, обстоятельств, влияний и так далее. И я бы эти вещи разделил.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Теперь по поводу себя. На самом деле, вариант такой философской биографии у меня есть, но в форме романа.

Смирнов С. А.: Как роман?

Розин В. М.: Да. Это две вещи. Они опубликованы в издательстве URSS, потом были переизданы. И там какими-то штрихами линии автобиографии намечены, безусловно. Но это написано в форме всё-таки не автобиографии. Это надо иметь в виду.

Смирнов С. А.: Всё-таки это художественный роман.

Розин В. М.: Не совсем. Это новый жанр. Как «Маятник Фуко».

Смирнов С. А.: Интеллектуальный роман?

Розин В. М.: Да. Там есть соединение серьезных задач и художественной формы.

Смирнов С. А.: Но это было сделано специально, потому что впрямую, в лоб не хотелось?

Розин В. М.: Да, это было сделано специально. Плюс ещё, например, уже во второй части, которая называется «Проникновение в мышление», я уже там частично решал педагогические задачи. Потому что оказалось, что этот материал очень хорошо ложится в план философского образования. У меня студенты писали по этому роману творческие тексты.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Да. Поэтому прямо назвать это философской автобиографией трудно. И, в то же время, какой-то материал там есть. Ещё я хочу сказать, что сейчас, вообще, видно, есть интерес к таким темам. Наш замдиректора ИФ РАН по науке Синеокая Юлия Вадимовна предложила целому ряду лиц

(в том числе и мне) написать тексты. Она будет делать сборник по поводу того, как мы приходили к философии и что мы понимаем под философией.

Смирнов С. А.: А-а. Это она уже предложила?

Розин В. М.: Да-да-да. Я так понимаю, она будет собирать материал осенью, к концу года. И это очень интересно.

Смирнов С. А.: Конечно.

Розин В. М.: Симптоматично.

Смирнов С. А.: Надо с ней пообщаться по этому поводу.

Розин В. М.: Да-да-да, ты с ней пообщайся. Тем более, она человек...

Смирнов С. А.: Контактный, хороший, да.

Розин В. М.: Да, контактный. Поэтому мне показалось очень симптоматично, когда ты предложил эту тему. Потому что это будет работать и на эту задачу.

Смирнов С. А.: Конечно, конечно. Да, очень хорошо. Это радует.

Розин В. М.: Вот мой ответ такой.

Смирнов С. А.: Так. А с другой стороны, у Вас же была уже целая серия текстов по истории ММК.

Розин В. М.: Это точно.

Смирнов С. А.: Это, так сказать, отдельная линия жизни. Может быть, даже магистральная, не знаю. И в этой связи всё-таки вопрос – с какого момента (теперь вернёмся к теме совсем конкретно), с какого ключевого эпизода Вы бы выбрали в Вашей биографии своё начало? С какого эпизода Вы ощущаете себя, если не философом, то начинающим какой-то опыт философствования?

Розин В. М.: Надо сказать, что здесь тоже ответ непростой. Почему? Потому что, конечно, было судьбоносное событие – это встреча с Георгием Петровичем.

Смирнов С. А.: А когда это произошло?

Розин В. М.: Это произошло в самом конце 1959 года.

Смирнов С. А.: 1959-й.

Розин В. М.: Да. 1959-й, начало 1960-го. Это произошло в этот период. Но я хочу уточнить, что я себя сам осознавал

философом не сразу. У меня были здесь периоды. Первоначальное самосознание у меня было, конечно, сформировано под влиянием Щедровицкого, и не как философа, а как методолога.

Смирнов С. А.: Вот. И это отдельная проблема. Кто Вы больше: методолог или философ?

Розин В. М.: Подожди. Это потом.

Смирнов С. А.: Это потом, да.

Розин В. М.: Но вначале, если говорить о первой половине 1960-х, когда шло моё становление, то это, конечно, самосознание себя как методолога, прежде всего. Потому что в рамках ММК дискутировалось отношение методологии к философии, отчасти третировалась традиционная философия, и Георгий Петрович и его сотоварищи считали, что методология – это более развитая форма мышления, и она приведёт к кардинальной трансформации не только философии, но и науки.

Смирнов С. А.: Да, и вообще наука для него умирала.

Розин В. М.: Да. Но когда я уже в первой половине 1970-х годов решил идти собственным путём, я разошелся с ним...

Смирнов С. А.: Уже в 1960-х?

Розин В. М.: Нет, в первой половине 1970-х.

Смирнов С. А.: 1970-х. То есть 1960-е были под его крылом. Было такое становление.

Розин В. М.: Становление моё происходило первую половину 1960-х: примерно 1963–1965 годы. До этого, можно сказать, было такое ученичество. А уже в середине 1960-х я работал достаточно самостоятельно.

Смирнов С. А.: Это же Вы уже закончили институт, защитились?

Розин В. М.: Нет, ещё не защитился.

Смирнов С. А.: Вы были аспирант?

Розин В. М.: Да, аспирант уже был.

Смирнов С. А.: А как произошло, как случилась встреча? Он куда-то пришёл, Вы куда-то пришли, семинар какой-то был?

Розин В. М.: А, ты спрашиваешь, как я, вообще, познакомился?

Смирнов С. А.: С Георгием Петровичем, да.

Розин В. М.: Это было очень просто. Я тогда поступил в пединститут имени Потемкина, был такой.

Смирнов С. А.: Потемкинский был.

Розин В. М.: Да. Он готовил педагогов для вузов, а не для школы.

Смирнов С. А.: Он один. Это же не Ленинский педагогический, это другой?

Розин В. М.: Это был другой. Имени Потемкина. На Давыдовском переулке находился. И там была очень сильная математика и физика, да и электротехника. По сути, там давали образование типа как в МГУ, на таком уровне. И на первом курсе я ходил в лабораторию кристаллов, выращивал кристаллы. Это такая скучная вещь, а меня уже давно тянуло к какой-то теории. И когда я поехал на картошку, мне сказали: «Тут был очень интересный человек – Щедровицкий, оставил телефон». Я взял телефон, позвонил. Это как раз конец 1950-х был.

Смирнов С. А.: Интересно.

Розин В. М.: Позвонил, и мне Георгий Петрович (Юра ещё тогда) сказал: «Мне тоже нужны люди».

Смирнов С. А.: А, он просто ходил и искал себе молодежь?

Розин В. М.: Да. Он искал, и я искал чего-то такого. И мы договорились, что при этом самом пединституте будет создан кружок по философии физики. Я буду старостой, он будет руководитель. Нужно было получить крышу. Дал нам добро, крышей прикрыл, Готт, такой был философ известный².

Смирнов С. А.: Готт, через «т», по-моему. Да? Готт.

Розин В. М.: Готт, да. А я собрал людей и привёл их. И вначале я каждый год буквально собирал человек 20 студентов, не меньше. А потом они все рассасывались и оставались три-четыре человека.

Смирнов С. А.: А кто-то из этого кружка остался потом в методологии, кроме Вас?

² Готт Владимир Спиридонович (1912–1991) – философ, специалист по философским вопросам физики, онтологии и теории познания, главный редактор журнала «Философские науки» (1970–1991).

Розин В. М.: Кроме меня? Ну, пожалуй, косвенно только один-два человека.

Смирнов С. А.: Косвенно. То есть фактически Вы один?

Розин В. М.: Да, и моя первая жена, Москаева Алина. А Юра привёл своих, привёл Бориса Сазонова, Володю Костеловского и ещё несколько человек. И с самого начала началось исследование, вот, что важно. Мы начали обсуждать происхождение чисел в математике. С самого начала я был вовлечён в исследовательскую работу. И буквально через несколько месяцев он меня пригласил на свой семинар домой, где он жил, на станции метро «Сокол». И, очевидно, он тогда меня принимал как верного ученика, ставил на меня, наверное.

Смирнов С. А.: Как такой ландскнехт...

Розин В. М.: Да. Первые лет пять он все мои работы читал, показывал, учил.

Смирнов С. А.: И там и рождались все эти работы 1960-х годов, знаменитые...

Розин В. М.: Так вот, возвращаясь к тому вопросу, который ты задал. Когда я в первой половине 1970-х уже разошёлся с ним и пошёл своим путем, то я работал сначала в ЦНИИЭП зрелищных зданий с Сазоновым. Это был сектор социально-экономических обоснований. Первый такой сектор в сфере проектирования. Я там заведовал потом сектором. А потом следующий этап – я перешёл в Российский институт культуры, которым тогда Кирилл Разлогов заведовал. И я постепенно стал всё больше и больше двигаться к философии. Моё осознание себя как философа, я думаю, относится к середине 1990-х годов.

Смирнов С. А.: Это был серьезный период такого созревания и осознания себя...

Розин В. М.: Да. То есть у меня сначала было осознание себя как методолога. А потом – осознание себя философом, уже в середине 1990-х. Но я с самого начала себя осознавал как философа с методологической ориентацией, философ-методолог. И, наверное, примерно в это же время я стал ещё осознавать себя, что я философ-методолог-исследователь. У меня

была сформирована сильная исследовательская ориентация. Таким образом, когда я в полемике говорил, кто я, то говорил: философ, методолог и учёный. И мог указать на целый ряд своих исследований, чисто научных. Хотя они сделаны, конечно, в рамках методологии.

Смирнов С. А.: Но на «Соколе» были многие. Появился И. С. Ладенко³ потом, да?

Розин В. М.: Да. Не потом, а сразу.

Смирнов С. А.: Сразу же. Правильно?

Розин В. М.: Да. Когда я пришёл туда...

Смирнов С. А.: Вы же одного поколения. Да?

Розин В. М.: Нет. Он чуть постарше.

Смирнов С. А.: Он чуть постарше.

Розин В. М.: Да, чуть постарше.

Смирнов С. А.: Но он-то МГУ-шный.

Розин В. М.: Когда я пришёл, там была довольно сильная группа собрана.

Смирнов С. А.: А кого Вы застали?

Розин В. М.: Ладенко, Никиту Глебовича Алексеева⁴, Игоря Алексеева⁵, Владимира Лефевра.

Смирнов С. А.: А Генисаретский?⁶

Розин В. М.: Генисаретский пришёл позже. Года на три позже меня. Когда я пришёл, его ещё не было. Но там уже был В. А. Лефевр⁷, естественно. Лефевр был его учеником, в общем.

³ Ладенко Иосаф Семёнович (1933–1996) – отечественный логик, методолог, философ. Разработал авторскую концепцию интеллектуальных систем (интеллектологию). С 1968 года до конца жизни жил и работал в Новосибирском Академгородке. Первый провел Чтения памяти Г. П. Щедровицкого. См.: Интеллектуальные торпеды. Материалы научной конференции памяти Г. П. Щедровицкого «Георгиевские чтения», 21–22 февраля 1995. Новосибирск, 1996.

⁴ Алексеев Никита Глебович (1932–2003) – отечественный методолог, философ, психолог.

⁵ Алексеев Игорь Серафимович (1935–1988) – отечественный философ и историк науки, специалист по историко-методологическим проблемам физики XX в.

⁶ Генисаретский Олег Игоревич (род. в 1942 г.) – отечественный философ, методолог, культуролог, искусствовед, специалист по теории дизайна.

⁷ Лефевр Владимир Александрович (род. в 1936 г.) – советский и американский психолог, математик, создатель теории рефлексивных игр и термодинамиче-

Там уже была сильная команда. И когда я пришёл, там уже даже сложились некоторые формы работы. Разбор какой-то темы, работа по теме.

Смирнов С. А.: А как вы работали в кружке? Вот берётся проблема, тема, текст какого-нибудь античного грека, Аристарх Самосский, например, или ещё кто-нибудь? Из чего исходили? Формировалась ли как-то программа кружка?

Розин В. М.: Программу кружка, конечно, формировал Щедровицкий.

Смирнов С. А.: Он из чего-то исходил? Он как-то объяснял: «Ребята, занимаемся тем-то, так-то, потому-то...»?

Розин В. М.: Нет. Каждый год, как правило, он начинал с доклада, где подводил итог предыдущего развития. И всегда это представлял так, что это как бы следующий шаг. Хотя на самом деле это было, конечно, не совсем так. Но у него была такая линия. Он давал реконструкцию предыдущего этапа, которая подводила к следующему этапу. Хотя на самом деле тут были кардинальные изменения. Это первое. Но, в принципе, эта программа развивалась внутренне достаточно логично, исходя из идеи, согласно которой предметом содержательной логики является мышление. И это мышление должно исследоваться историческими методами. Тут, конечно, использовался марксизм с его реконструкцией «Капитала» историческими методами. И это должна быть всё-таки достаточно строгая сциентистская вещь, то есть научная, строился строго научный дискурс. А с другой стороны, в силу того, что ядро семинара вышло из факультета философии, у его участников были хорошие знания истории философии. Поэтому, я бы сказал, философский дискурс доминировал, с его внутренней критикой и так далее. Вот это было, безусловно. Ну, тут и Зиновьев, конечно, оказал влияние.

Смирнов С. А.: Но Александр Александрович на кружок-то не ходил.

ской модели рефлексии, концепции рефлексивного управления и рефлексивных игр. Первый, кто сделал изучение рефлексии научно-методологическим предметом.

Розин В. М.: Нет, нет.

Смирнов С. А.: Они уже разошлись.

Розин В. М.: Разошлись.

Смирнов С. А.: Они ещё в МГУ разошлись.

Розин В. М.: Да. Они уже не разговаривали.

Смирнов С. А.: Ну, равно как и Ильенков шёл отдельно.

Розин В. М.: А Ильенков вообще никогда. Исходный семинар был – это Мамардашвили, Щедровицкий, Зиновьев и, кажется, Борис Грушин.

Смирнов С. А.: Исходный-то да. Но они же разошлись ещё тогда, в МГУ.

Розин В. М.: Да. Они в конце 1950-х разошлись, во время и после знаменитой защиты Зиновьева. И была вот эта идея, что необходимо попытаться реконструировать историческое мышление, создав такой язык из клеточки, выявив мышление. И ещё там был целый ряд идей, но под влиянием, очевидно, психологии, которая тоже тогда развивалась. Ведь его поддерживал Шеварёв⁸, а он был член-корреспондент по отделению психологии. И Щедровицкий с Вадимом Садовским делали доклады в Институте психологии. Так вот, например, одна из идей, которая нас очень сильно сдвинула, – это была идея представить мышление как процесс. Понятно, что это всё понималось в марксистской парадигме.

Смирнов С. А.: В логике естественных наук, как процесс...

Розин В. М.: Как сборный процесс.

Смирнов С. А.: Пока ещё без всякой мыследеятельности. Правильно?

Розин В. М.: Да. И был развёрнут такой семинар, где они пытались представить мышление как процесс. В общем, вот из этого семинара стало ясно, что мышление не является процессом. То есть там есть процессуальные моменты. Но всё-таки...

Смирнов С. А.: Но все-таки ближе к действию, к акту?

⁸ Шеварёв Пётр Алексеевич (1892–1972) – отечественный психолог, заместитель Института психологии АПН СССР. Поддерживал и курировал создание Комиссии по психологии мышления и логике (с 1968 г.), выступившей основной семинарской площадкой для работы ММК.

Розин В. М.: Они перешли к выяснению механизмов мышления. Это был первый сдвиг.

Смирнов С. А.: А вот эти работы ранние – «Структура акта мышления» В. В. Давыдова – это связано с этим или это отдельно?

Розин В. М.: Нет, это отдельно.

Смирнов С. А.: А Василий Васильевич ходил уже на этот семинар или он потом появился?

Розин В. М.: Он всегда ходил. Поскольку они дружили, Щедровицкий и Давыдов. Но всё же Давыдов не был кружковцем. Но он заходил. Иногда выступал. Но это было по касательной, из-за того, что они просто были друзья, а Давыдов считал Щедровицкого гением. Он всегда мне говорил: «Он же гений». И отсюда началось исследование мышления и переход к теории деятельности. Но, на мой взгляд, переход к теории деятельности был ещё обусловлен внешней ситуацией. Интерсубъективной. В каком смысле? В том смысле, что методологи пошли в народ, к предметникам. Они пошли менять мышление специалистам-предметникам.

Смирнов С. А.: Педагоги, психологи, учёные, дизайнеры...

Розин В. М.: Да. И это кардинально поменяло позицию, принципиально: от исследования к нормированию и проектированию. И ещё они же пошли работать в институт – во ВНИИТЭ, в научно-исследовательский институт технической эстетики.

Смирнов С. А.: Работы по методологии дизайна пошли. Там по касательной В. Л. Глазычев⁹ появился, по-моему.

Розин В. М.: Да, Глазычев, Кантор¹⁰, Генисаретский. Тем не менее, этот переход от первой программы исследования мышления как исторического образования к построению те-

⁹ Глазычев Вячеслав Леонидович (1940–2012) – крупнейший специалист по урбанистике и архитектурному наследию, искусствовед, философ, общественный деятель, переводчик, публицист.

¹⁰ Кантор Карл Моисеевич (1922–2008) – отечественный философ и искусствовед, теоретик искусства и один из основоположников технической эстетики и теории дизайна в СССР.

ории деятельности, был обусловлен вот этими проблемами исследования мышления. Оказалось, что это не процесс всё-таки, а какое-то более сложное структурное образование. Происходит смена позиции, внешней социальной позиции. А третий переход – уже к мыследеятельности, он был связан именно с критикой самой теории деятельности, с невозможностью построить теорию деятельности как замкнутую теорию, на базе закрытого языка. Тут уже сыграли роль эти семинары, игры, внутренняя критика...

Смирнов С. А.: Но Вы туда не пошли уже. Вы в игры не пошли.

Розин В. М.: Я уже ушёл к этому времени. Но так как я пересекался со Щедровицким на разных семинарах, я всё время с ним полемизировал.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: И тоже участвовал в этой критике.

Смирнов С. А.: А где же образовалась точка разрыва? Когда Вы поняли, что у Вас свой путь должен быть?

Розин В. М.: Это началось со второй половины ещё 1960-х. Почему? Здесь два основных момента. Начиная где-то с середины 1960-х у Щедровицкого уже не хватало времени все мои работы читать и осуществлять плотное руководство. А я уже встал на ноги и работал самостоятельно. Это была одна причина.

А вторая причина состояла в том, что я стал уходить в психологию и культурологию. Меня пригласили музыковеды как методолога помочь им. Миша Папуш, у него был семинар домашний. И я начал погружаться в музыковедение, то есть в гуманитарную сферу. Потом я с психологами стал общаться, обсуждать их идеи, например, Фрейда, его концепцию, и так далее. Я стал уходить в психологию и гуманитарные науки.

Смирнов С. А.: Не становясь при этом психологом, музыковедом. Вы же были методологом.

Розин В. М.: Нет, оставаясь методологом.

Смирнов С. А.: И плюс, философом этой предметной области.

Розин В. М.: Да, это меня подтолкнуло к продумыванию тех принципов, которые Георгий Петрович мне дал. Я понял, что естественнонаучный, сциентистский подход, хотя он тогда так не назывался, меня не устраивает. В общем, для Щедровицкого идеалом науки было, конечно, естествознание. А для меня этот подход перестал быть идеалом науки. Я понял, что, помимо естествознания, есть гуманитарная наука, и есть поле других интересов, кроме тех, которые связаны с проблематикой в рамках программы Щедровицкого. И последнее, что подтолкнуло меня, – это то, что вся его первая большая, хорошая команда разошлась. Причём она расходилась часто со скандалом.

Смирнов С. А.: Сугубо коммунально.

Розин В. М.: Да. Это коммунальные вещи.

Смирнов С. А.: Это были даже не идейные разборки, а чисто аффективные, на эмоциях...

Розин В. М.: Просто он не терпел, когда люди шли своим путем.

Смирнов С. А.: Лефевр так же ушёл.

Розин В. М.: Да, после Ладенко, один из первых. Когда люди начинали двигаться самостоятельно, Щедровицкий этого не понимал и начинал на них наезжать.

Смирнов С. А.: Вёл себя как Фрейд со своими учениками.

Розин В. М.: Да, и климат уже этический поменялся на семинаре. Щедровицкий уже был на голову выше тех новых участников, которых он набрал.

Смирнов С. А.: Те, которые ему в рот смотрели.

Розин В. М.: В общем, меня это уже перестало устраивать. И я, кстати, без всякого скандала спокойно вызвал его на разговор, сказал, что я с себя слагаю обязательства по перепечатке материалов.

Смирнов С. А.: Вы за перепечатку ещё отвечали?

Розин В. М.: Конечно. Там была и организационная работа.

Смирнов С. А.: Да, большая. Ведь ещё и записи велись. Правильно?

Розин В. М.: Он, конечно, тут же сказал, что я больше мыслить не буду.

Смирнов С. А.: Понятно. Ты уходишь от меня – значит, мыслить не будешь.

Розин В. М.: Да. Он мне сказал, что я мыслить не буду, что на меня плохое влияние оказала моя супруга Алина Семёновна Москаева¹¹.

Смирнов С. А.: Да, Москаева. Известный соавтор тех первых работ.

Розин В. М.: Да. В общем, мы разошлись. Но надо отдать должное, тем не менее, мы с ним нормальные человеческие отношения сохранили. Мы общались. И хотя, когда мы пересекались, то, как правило, сцеплялись и у нас начиналась полемика, довольно часто жёсткая. Но, тем не менее, когда он просил, например, оказать ему какую-то помощь, я всегда подчеркивал, что он мой учитель, помогал ему.

Смирнов С. А.: Учитель – это святое, да.

Розин В. М.: Да. И когда, например, уже года за три-четыре до смерти, в Обнинске Щедровицкий организовал большую конференцию, у него там были последователи, он попросил меня сделать головной доклад, и я, естественно, его сделал.

Смирнов С. А.: И что, он Вам не сказал, что мыслить Вы перестали, Вадим Маркович?

Розин В. М.: Нет-нет.

Смирнов С. А.: Так. Всё-таки, знаете, как странно? Несмотря на то, что он как раз (кстати, в Ваших текстах это есть) ратовал за то, что наука умирает, и в этом смысле, по идее, должен уходить на второй план и естественнонаучный подход как доминирующий. Но при этом он всё равно оставался фактически сторонником этого подхода, когда вводил мыследеятельность фактически как субстанцию, описывая её объектным образом. Нет?

Розин В. М.: Отчасти – да, отчасти – и нет. Потому что Георгий Петрович был сложной фигурой, я бы так сказал.

Смирнов С. А.: Конечно. Живой человек.

¹¹ Москаева Алина Семеновна (1941 – 2012), активная участница ММК. Автор ряда работ по истории математики. В конце 60-х вышла из ММК. Постепенно ушла в религию и эзотерику.

Розин В. М.: В нём было много чего намешано. В частности, я бы так сказал, что, с одной стороны, он и осознавал это, заявлял, что действительно он сциентист, причём идеалом для него, конечно, выступало естествознание. Для него, конечно, гуманитарная наука, социальная наука – это всё-таки были не науки.

Смирнов С. А.: Это крайне противоречит методологии.

Розин В. М.: А с другой стороны, при этом одновременно он всё-таки всегда оставался философом. Он всегда оставался методологом. И в этом смысле его дискурс был сложный. И нельзя сказать, что он сваливался в чистую науку. Никогда этого не было

Смирнов С. А.: Но в этом смысле он фактически строил новый дискурс, которого в мире никогда не было.

Розин В. М.: Да, это был новый дискурс. Он был, конечно, основан на естественнонаучном подходе, но не меньше он был основан на, я бы сказал, классических марксистских и других вариантах философии, кантианских, марксистских. На него, конечно, Кант оказал в своё время влияние, неокантианство, марксизм, безусловно. И эти вещи все у него работали, они были не пустыми.

Смирнов С. А.: Это же шло параллельно западной логике мысли. Ведь отечественные методологи и философы вынуждены были сочинять в ситуации «железного занавеса» некую свою «самопальную» философию. Нет? Это ситуация вынуждала это делать, сочинять фактически в ситуации почти изоляции?

Розин В. М.: Да. Но все-таки это был уже период, когда начали переводить разные работы.

Смирнов С. А.: Всё-таки пошли первые публикации.

Розин В. М.: Да, пошли переводы.

Смирнов С. А.: Для служебного пользования. ДСП разные, можно было и получить доступ.

Розин В. М.: Тем более, он немецкий знал.

Смирнов С. А.: Да, да. То есть можно было...

Розин В. М.: Нет, нельзя сказать, что был закрытый занавес, его уже не было.

Смирнов С. А.: Про «самопал» нельзя сказать.

Розин В. М.: Нет. Уже такой изоляции не было.

Смирнов С. А.: Хорошо. Итак, Вы пошли своим путём. И здесь какая-то идёт же ориентация. Вы же почему-то пошли тем путем, каким пошли. И этот путь обусловлен не предметными областями, а какими-то доминирующими интересами у Вас как философа? Мы ведь речь ведём о философской автобиографии. Какие тогда содержательные события Вы могли бы назвать, которые формируют Вас как философа? Книг у Вас много. Это же не значит, что ориентиры были просто в предметной области. Ориентирами были, наверное, какие-то принципиальные проблемы, лично для Вас важные? Как философу важные. Или как? Вы как ориентировались?

Я к тому, что чтобы не впадать в личную жизнь. Дело же не в частной жизни. Хотя это тоже момент такой, известный. М. Хайдеггер, например, не любил ссылаться на биографии. Он вообще говорил: Аристотель, философ, жил тогда-то, умер тогда-то. А теперь переходим к его «Метафизике». Для него биография философа просто отсутствовала. Но что значит «отсутствовала»? Сочинения всё-таки Аристотель писал, какие-то события происходили, переживались моменты творения, рождения текста. Это же понятно. И в этом смысле тогда и формируются философские события в жизни философа. Это можно как-то выделить или шло как шло?

Розин В. М.: Ты знаешь, когда ты говоришь «философские события», это не очень понятно. В каком смысле?

Смирнов С. А.: В том смысле, что одно дело – женился, родился, крестился, развёлся, другое дело... Философское событие – это же не просто написание текста. Это рождение мысли, в результате чего потом уже появляются какие-то тексты, о ценности которых, вообще-то, судят уже потомки.

Розин В. М.: Я думаю так. Сейчас я попытаюсь ответить. Во-первых, я бы сказал так, что у меня всегда был интерес большой к людям. Раз. И, во-вторых, меня всегда интересовало то, как этот мир устроен. Это такой общий ответ, за скобками. Это раз. Теперь, если говорить о философских интересах,

то я бы так сказал, что сначала у меня, конечно, превалировали нефилософские интересы.

Смирнов С. А.: Предметные?

Розин В. М.: Да. Превалировали те задачи, которые передо мной ставились. Например, когда я познакомился со Щедровицким, пришёл на семинар и связал свою жизнь с ним, то передо мной поставили довольно сложную проблему, а именно: объяснить происхождение математики. Ничего себе!

Смирнов С. А.: Ничего себе! Действительно.

Розин В. М.: И я честно взялся её решать. И моя кандидатская была связана с этим. Сейчас Петр Щедровицкий хочет её снова переиздать.

Смирнов С. А.: А этот кусок работы в «Педагогике и логике» был?

Розин В. М.: Да-да-да.

Смирнов С. А.: С Москаевой вместе? Правильно?

Розин В. М.: Нет, это чисто моя работа.

Смирнов С. А.: Она вошла туда?

Розин В. М.: Нет.

Смирнов С. А.: В «Педагогику и логику» она не вошла.

Розин В. М.: Нет, там у неё есть работа.

Смирнов С. А.: Кусочек есть.

Розин В. М.: Есть, да, но это не связано. Значит, это была первая проблема, которая передо мной стояла. И я дальше пошёл по этой линии. И в течение многих лет я эту проблему решал. В общем, там были тупики, находки и так далее. Но когда я, в общем, уже считал, что я сделал эту работу и опубликовал частично результаты, то я не потерял интерес к исследованию науки. Я дальше сам уже, безотносительно к Щедровицкому, поставил для себя задачу объяснить происхождение естествознания. А дальше – гуманитарные науки.

Смирнов С. А.: А дальше нарастает: гуманитарные...

Розин В. М.: Первая, одна из линий, она была связана с философским осмыслением науки, попытками реконструировать становление науки.

Смирнов С. А.: Именно генезис её.

Розин В. М.: Да, генезис науки и различие разных типов наук. И эту работу я делаю до сих пор.

Смирнов С. А.: Да?

Розин В. М.: Да, это на всю жизнь осталось. Это был первый интерес. Второй, философский, так скажем, интерес, был осознан, как ни странно, ещё в 1960-е годы. Я заинтересовался (может быть, уже под влиянием гуманитарных занятий) сновидениями. Я помню, что первая концепция сновидений, которая у меня была, появилась где-то в конце 1960-х годов. Помню, как Щедровицкий к этому отнёсся...

Смирнов С. А.: Для него это полная ерунда.

Розин В. М.: Да, не занимайся ерундой. А вот, например, Виталий Дубровский поддержал мой интерес.

Смирнов С. А.: Он-то да.

Розин В. М.: Он как раз поддержал этот мой интерес. Поэтому вторая линия – это осмысление того, как человек устроен, как устроена его психика. Причём это началось с интереса (как у Фрейда, кстати) к сновидениям. Но дальше он у меня постоянно расширялся. Тем более я познакомился с психологами, с Андреем Андреевичем Пузыреем¹². На мои семинары в Институте имени Гнесиных ходила Аида Айламазян, она была аспиранткой кафедры общей психологии МГУ. И мы устроили психологический семинар. Сначала у Аиды дома, а потом – на факультете психологии в МГУ.

Смирнов С. А.: В МГУ, где Пузырей работал, да?

Розин В. М.: Да. И у меня пошла вторая линия. Она была связана именно с попытками понять, как устроен человек.

Смирнов С. А.: Ну, Вы с этим разбирались как философ, методолог.

Розин В. М.: Да. Именно эта линия привела меня к знакомству в более расширенном варианте с антропологической проблематикой.

Смирнов С. А.: Конечно. Да.

¹² Пузырей Андрей Андреевич (род. в 1947 г.) – отечественный психолог, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, автор первой в России монографии о культурно-исторической психологии Выготского (1986 г.).

Розин В. М.: Я тебе книгу подарил¹³. Там проблематика личности, эта вся линия, меня сильно завлекла. Причем оказалось, что этот интерес является не просто интересом к отдельной сфере, но он мне помог понять развитие этой сферы, то, как формировалась наука, культура и так далее. Но как раз в это время (когда я искал свой путь, уйдя от Щедровицкого) начала быстро развиваться культурология. И я вдруг понял, что обращение к культурологии помогает изменить взгляд и на историю. Потому что тот взгляд на историю, который я получил в Московском методологическом кружке, взгляд на историю по Марксу, предполагал её понимание как непрерывной линии развития.

Смирнов С. А.: Как естественноисторический процесс.

Розин В. М.: Да, как естественноисторический процесс. А культурология заставляла по-другому взглянуть на историю – как на дискретный процесс.

Смирнов С. А.: В категориях событийности?

Розин В. М.: Как на дискретно-событийную область, которая кардинально менялась. И это сразу обогатило весь генезис, весь анализ. Это третья область. Это область культурологии. А четвертая область...

Смирнов С. А.: И есть ещё философия техники.

Розин В. М.: Подожди. До этого дойдём.

Смирнов С. А.: Это потом разве? Это же тоже давно было?

Розин В. М.: Нет-нет-нет. Это ещё созревало только. Ещё одной линией здесь была следующая. Так как моя супруга в 1960-е годы стала увлекаться эзотеризмом, она пошла в группу, тогда это была первая волна эзотеризма. Стали приезжать люди, привозить литературу.

Смирнов С. А.: Москаева увлекалась эзотеризмом?

Розин В. М.: Да-да-да.

Смирнов С. А.: Уйдя из математики, арифметики, пошла в эзотерику?

¹³ Розин В. М. Личность автора в жизни и в искусстве. Культурно-исторические этюды. М.: ЛЕНАНД, 2019. 216 с.

Розин В. М.: Да, занимаясь методологией. Она ушла туда. Это заставило меня серьёзно начать смотреть на то, что же такое эзотеризм? Появилась ещё одна линия. Причём очень серьёзная. Потому что эзотерические учения абсолютно не были похожи ни на какую рациональную традицию.

Смирнов С. А.: Конечно. Как методологически подойти к эзотерике, как её разложить?

Розин В. М.: Я лет пять искал ключи к ней. И через пять лет примерно, это уже был 1981 год, я такие ключи нашёл и объявил семинар для проверки. Я заявил семинар, который работал 1982–1983 год, где я стал рассказывать последовательно эзотерические доктрины, но уже в своей реконструкции. Это был домашний семинар. В то время могли за это дело вообще и посадить, как в Томске одного моего приятеля.

Смирнов С. А.: Вообще-то, да. Оккультизм какой-то тайный, тайное общество.

Розин В. М.: Да. Конечно, мы не знали, чем это могло закончиться. Но, тем не менее, обошлось. И я на этом семинаре изложил последовательно эти эзотерические доктрины. Слушатели попросили меня записать этот текст. Я написал первый вариант своей будущей книги по эзотерике, который ходил сначала в самиздатовском варианте. Я помню, как-то я с одним приятелем, он из Одессы был, разговорился. Он говорит: «Вадим Маркович, а мне на ночь дали Ваш труд почитать». Напечатали мы эти лекции на папиросной бумаге. Потому что тогда считалось, что если напечатано на пишущей машинке, то не самиздат, а если ротапринт, то криминал.

Смирнов С. А.: Да, да, да.

Розин В. М.: И чтобы поменьше объём был. Хотя кто его знает.

Смирнов С. А.: Вот именно.

Розин В. М.: В общем, такие четыре томика синеньких, переплетённых были. По-моему, что-то 17 экземпляров я всего раздал.

Смирнов С. А.: И у Вас дома даже не осталось?

Розин В. М.: Дома?

Смирнов С. А.: На память-то потомкам.

Розин В. М.: Ну, не помню.

Смирнов: Как кандидатская Зиновьева на папиросной бумаге.

Розин В. М.: Да, её издали не так давно¹⁴.

Смирнов С. А.: Ну, это другое дело. А Ваши эзотерические лекции когда издали?

Розин В. М.: Первое издание «Путешествие в страну эзотерической реальности» вышло в 1996 году, второе, «Эзотерический мир», кажется, в 2002. Так вот, короче говоря, это ещё одна линия была. И, кстати, когда началась перестройка, это 1996-й год уже, в театре «На досках», где главный был...

Смирнов С. А.: С. Кургинян.

Розин В. М.: Да, Кургинян. Тогда он ещё не был политологом.

Смирнов С. А.: Да, тогда он не ушёл ещё в политологию. Хороший был театр у него, кстати.

Розин В. М.: И там были лекции.

Смирнов С. А.: Да, да, он совмещал спектакли, лекции, дискуссии.

Розин В. М.: Да. И был объявлен мой цикл лекций по эзотерике, на которых я впервые после революции публично излагал эзотерические концепции. Это было, кстати, платно. Всегда был полный зал.

Смирнов С. А.: Так все же интересовались этим.

Розин В. М.: Вот. Значит, это ещё одна линия. И ещё одна линия, действительно, связана с моим учеником, к сожалению, трагически недавно умершим, Гороховым Виталием¹⁵. Мы стали исследовать технические науки. Вначале ходили к Щедровицкому. Проводили такой микросеминар на троих: я, Горохов и Щедровицкий. Обсуждали технические науки, природу технического знания. А отсюда, действительно, ког-

¹⁴ Зиновьев А. А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М.: ИФ РАН, 2002. 321 с.

¹⁵ Горохов Виталий Георгиевич (1947–2016) – отечественный философ, специалист по философии и методологии науки и техники

да уже в Институт философии пришёл Горохов, то, пошёл туда и я. Почему он пошёл? Потому что туда Вячеслав Степин пришёл, его друг. Степин стал директором Института философии, а до этого работал в Институте истории...

Смирнов С. А.: В Институте истории естествознания и техники.

Розин В. М.: Да. А когда началась перестройка, ему предложили стать директором Института философии. И он увёл за собой многих из института истории естествознания и техники, например, Пиаму Гайденко, Александра Огурцова. И предложил перейти в Институт философии также Горохову. А Горохов мне сказал: «Если ты пойдешь, то пойду и я, пойдём вместе». И мы пошли и создали уже в Институте философии сектор философии техники.

Смирнов С. А.: С этим Вы и пришли в Институт философии?

Розин В. М.: Да.

Смирнов С. А.: Это какой год примерно?

Розин В. М.: Это 1997–1998, вот эти годы. Конец 1990-х. И это ещё одна линия началась, соответственно, линия интереса к философии техники. Но при этом продолжался мой интерес, связанный с исследованиями проблем науки, но уже и философии науки. А так как я начал ещё преподавать, когда пришёл в Институт философии, я уже стал интенсивно преподавать, в том числе, и философию, то у меня возникла ещё одна линия – линия, связанная с исследованием философии и её становления. Философия, её становление, связь с методологией, кстати.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Появилась ещё одна линия, ответвление. Но была ещё одна линия. Я сейчас приехал с конференции по восстановительному правосудию.

Смирнов С. А.: А-а.

Розин В. М.: А это целое движение восстановительного правосудия, которое у нас в стране развивается. И её завела тоже методолог.

Смирнов С. А.: Карнозова.

Розин В. М.: Да, Карнозова Людмила¹⁶.

Смирнов С. А.: Она ювенальной юстицией занималась давно уже.

Розин В. М.: Да. Она работала в Институте государства и права. И когда восстанавливали суд присяжных, она меня затащила в эту сферу – философии права. Именно она, это её была инициатива. И я лет пять сначала просто погружался в эту область. Потому что я абсолютно к этому был не готов. Но где-то через пять лет я начал уже сам писать, и, в конце концов, у меня вышло несколько книг: «Юридическое мышление» (два издания было), «Генезис права». А буквально два года тому назад переиздали, с добавлениями, книгу «Философия права». Вот. Это ещё, значит, появилась одна линия – философия права. Но тоже в методологическом, конечно, ключе. Вот это, наверное, основные линии я тебе перечислил.

Смирнов С. А.: Это сильно. Формируется такой много-сферный круг, со сложной траекторией.

Розин В. М.: Да. И ещё два слова. Конечно, в моём интервью и движении в рамках философии большую роль сыграла полемика со Щедровицким. Потому что он-то по-другому это всё видел.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: А я это начал видеть иначе, чем он. С точки зрения культурологии, семиотики, гуманитарного подхода. Это раз. А, во-вторых, я, в конце концов, оказался среди философов.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Это тоже своя среда, свой философский цех, свои темы. И плюс преподавание философии. Вот это всё и определило такой разброс и тематику.

Смирнов С. А.: Хотя, казалось бы, сам Георгий Петрович тоже своей методологией пытался охватывать всё новые предметные области.

¹⁶ Карнозова Людмила Михайловна – методолог, психолог. В ММК с 1981 г. Один из отечественных разработчиков ювенальной юстиции и восстановительного правосудия. Работает в НИУ ВШЭ.

Розин В. М.: Конечно.

Смирнов С. А.: Ход-то именно такой был. И это и происходило.

Розин В. М.: Да.

Смирнов С. А.: А Вы пошли своим путём и тоже делали это же самое, но по-своему. И это понятно. Но я всё равно не понимаю, почему, если человек такой умный, гений и так далее, почему ему не хватает мудрости любить ученика и поддерживать его всю жизнь, а не отталкивать его? Если ты такой умный, будь мудрым, терпеливым. Почему не радуешься за ученика? Но, как и Фрейд, так и Щедровицкий, они все отталкивали учеников. Зиновьев вообще никого не ставил ни во что и говорил: «Государство – это я». Но тогда, пардон, это личностная драма. Это дефицит чего? Он же как человек-то живой, вообще-то говоря, богатый личностно, Щедровицкий. Он же не просто интеллектual узколобый. Как Вы думаете? Потому что эта же ситуация повторяется потом и в учениках. Они повторяют эту же стратегию своего учителя и отторгают своих учеников. Просто повторяют тот же сценарий. Но тогда, извините, если вы такие умные, то что же вы делаете? А где тогда проблема научной школы, философской школы, как традицию сохранять и так далее?

Розин В. М.: Мне вопрос твой понятен. Но вряд ли я на него отвечу.

Смирнов С. А.: Ответа нет? Ну, хотя бы версию?

Розин В. М.: Поразмышлять я могу некоторым образом. Дело в том, что тут, конечно, сказался, как мне кажется, некий дефект в плане гуманитарной и общей личностной культуры.

Смирнов С. А.: Да?

Розин В. М.: Мне так кажется.

Смирнов С. А.: Да, может быть.

Розин В. М.: Он, конечно, как философ и как сциентист, был на высоте и очень силен. Но тут, чтобы понять это, надо читать вот эту книгу ещё и ещё раз.

Смирнов С. А.: «Я всегда был идеалистом».

Розин В. М.: Да.

Смирнов С. А.: Замечательная.

Розин В. М.: Книга потрясающая.

Смирнов С. А.: Потрясающая. Просто замечательная.

Розин В. М.: И там видно, в чём дело. Потому что он всё-таки рос в семье технократической.

Смирнов С. А.: Да. Инженер-отец¹⁷. Советская техническая интеллигенция.

Розин В. М.: И не просто техническая интеллигенция, а такая интеллигенция, которая как бы не то что управляла, но...

Смирнов С. А.: Но она была приближена к власти имущим.

Розин В. М.: Она была приближённой. И в этом смысле он чувствовал вот эту высоту, он чувствовал принадлежность к интеллектуальной элите. Он был представителем интеллектуальной элиты. Это во-первых. Во-вторых, в одном месте он говорит: «Я никогда не признавал сопротивление материала. Я всегда говорил: это только покамест». И для него вот эта технократическая, организационная составляющая, недаром он потом написал «ОРУ»¹⁸, была важнейшей. Недаром. Вот эта технократическая организационно-управленческая установка была очень органична и очень сильна в нём.

Когда на Новой Утке был семинар, и мы уже с ним к тому времени разошлись, но ребята меня пригласили отдельно, и он там вёл семинар, мы с ним столкнулись. И когда мы столкнулись, вокруг нас сразу же собрался народ. И был такой разговор. Он мне сказал: «У меня задача: я должен создать коллектив. А вот вы, интеллигенция гнилая, вместо того, чтобы идти...»

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Это так же, как ему Мамардашвили говорил.

Смирнов С. А.: Да, да, да: «Я не люблю, когда меня строят».

¹⁷ Щедровицкий Петр Георгиевич (1899 – 1972) – один из создателей авиационной промышленности в СССР. Был директором Оргавиапрома (Национальный институт авиационных технологий), лауреат Сталинской премии.

¹⁸ Щедровицкий Г. П. Организация, руководство, управление. Кн. 1, 2. Оргуправленческое мышление. Методология и философия оргуправленческой деятельности. М., 2003.

Розин В. М.: Да. Но у него была такая идея, что он должен, он имеет миссию восстановления этой интеллигенции, интеллектуалов.

Смирнов С. А.: Интеллектуалов, да.

Розин В. М.: А метод – это, конечно, организация, это создание команды, школы и так далее. И он эту идею реализовал. Ещё один интересный момент. Несмотря на то, что он был яркой личностью, он же третировал всегда сам феномен личности. Он всё время говорил, что личность – это ерунда.

Смирнов С. А.: Да. Брехня это всё, говорил.

Розин В. М.: И даже в мышлении, говорил он, не я мыслю, а мыслит мышление.

Смирнов С. А.: Да, мышление на него село, как он говорил. Да.

Розин В. М.: Это очень важный момент.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Поэтому он себя ощущал таким миссионером от мышления, от элиты верхней. Здесь, действительно, недостаток, я считаю, гуманитарной культуры. И, конечно, когда вдруг получалось, что всё не так, потому что вроде бы он всё это организует, а потом от него люди-то уходят, причём самые лучшие...

Смирнов С. А.: Именно.

Розин В. М.: Да. Тут очень характерен один эпизод. Когда после моей защиты мы собрались у меня на квартире, он сказал: «Я спать не могу – вы всё делаете не так».

Смирнов С. А.: Бедный. Не по его лекалам.

Розин В. М.: Да, не по его лекалам.

Смирнов С. А.: Так и радуйся за учеников, что они мыслить начали самостоятельно.

Розин В. М.: Не так всё делают.

Смирнов С. А.: Не так мыслят, неправильно.

Розин В. М.: Не туда идут.

Смирнов С. А.: Чёрт возьми. Удивительно.

Розин В. М.: Поэтому это трагедия.

Смирнов С. А.: Это трагедия.

Розин В. М.: Это настоящая трагедия.

Смирнов С. А.: Потому что, если бы он работал в иной, событийной парадигме...

Розин В. М.: Но, может, тогда бы и не сделал столько.

Смирнов С. А.: Да, может. То он бы признал: вот событие – мышление произошло. Радуйся за ученика.

Розин В. М.: Нет, нет. У него другая позиция.

Смирнов С. А.: У него была драма.

Розин В. М.: У меня, кстати, тоже интересная история. Был у меня аспирант Вадим Беляев, учился у меня, защитил диссертацию в нашем институте. Он уже много написал книг. Так вот, он начал с критики моих работ.

Смирнов С. А.: А-а. Ну, это же интересно. Это жутко интересно. Он показывает Вам зеркало...

Розин В. М.: Мне это интересно. Во-первых, он излагает меня.

Смирнов С. А.: Да. Это же очень интересно. Кого это мне показывает?

Розин В. М.: Во-вторых, он заставляет меня дальше двигаться.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Поэтому я рассматриваю его критику своих работ как стимул. А Юра не мог это сделать.

Смирнов С. А.: Он не мог.

Розин В. М.: Хотя ему всё время нужны были тоже оппоненты.

Смирнов С. А.: Ему же энергетика-то тоже нужна была, она рождалась от споров.

Розин В. М.: Это, конечно, личностное, очень личностное, глубинное. Это личность такая, талантливая и трагическая отчасти.

Смирнов С. А.: Генисаретский вспоминал: «Когда я пришёл на этот семинар, на меня пахнуло энергией, она прошла сквозь меня, я был заморожен». Чувствовалась энергетика?

Розин В. М.: Безусловно. Притом он создавал поле, не просто энергетическое. Энергетическое – тоже. Но это было поле, которое тебя приобщало к высшей реальности.

Смирнов С. А.: Да, да, да. Я это тоже ощутил, его энергетику. Когда он к нам приезжал. Читал лекции в НГУ. Он входил в аудиторию – и от него буквально веяло энергией...

Розин В. М.: Ты начинаешь ощущать, да...

Смирнов С. А.: Это же почти эзотерика. Там ещё чуть-чуть – и мы попадём в тайное общество. Фактически на личностном уровне так и произошло.

Розин В. М.: А у меня и было в «Кентавре» опубликовано.

Смирнов С. А.: У Гены Копылова ещё тогда?

Розин В. М.: У Гены, да. Статья, где я так и показываю, что это сообщество такое, особое... Героический период я имею в виду, в 1960-е годы. Это было эзотерическое сообщество. И что Щедровицкий – эзотерик. И у него содержание – это мышление и его высшие формы. Поэтому я так и считаю. Я и давал такую версию. Есть такая статья.

Смирнов С. А.: Просто тогда это переживалось, а потом задним числом Вы стали понимать, что же произошло. Это же трудно было объяснить в те годы.

Розин В. М.: Да, но это я уже свои эзотерические исследования использовал. И я, например, так и считаю, что героический период ММК – это эзотерическое сообщество. Мы, конечно, были заражены.

Смирнов С. А.: С чем, конечно, категорически не согласны более молодые методологи типа С. В. Попова, Петра Щедровицкого, Ю. В. Громыко. Они совсем по-другому воспринимают историю ММК.

Розин В. М.: Да. Но, понимаешь, в чём дело? Тут они тоже личности большие.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Но я бы так сказал. Если Георгий Петрович всё-таки был действительно идеалист и он жил мышлением, в нём жил дух...

Смирнов С. А.: Да, да.

Розин В. М.: ...то его ученики все, хотя достаточно интеллектуальные и умные, в этом им не откажешь, и хорошие организаторы, но в них уже была доля цинизма.

Смирнов С. А.: Этот меркантильный интерес?

Розин В. М.: Цинизма и меркантилизма.

Смирнов С. А.: Да. Они хотели быстро монетизировать свои компетенции.

Розин В. М.: Я тебе расскажу эпизод, который, может быть, не стоит включать, но он характерный.

Смирнов С. А.: Посмотрим.

Розин В. М.: Да. Когда Петру было 40 лет, он устроил большое собрание. И потом он обходил столы, подошёл ко мне, обнял меня и сказал: «Всё прекрасно. Но у меня тут как бы две вещи. А почему ты на меня не ссылаешься?».

Смирнов С. А.: Вот. Это у него больное место. Он и мне это говорил.

Розин В. М.: Да? По сути, а чего ссылаться? Тогда ещё не было даже, на что ссылаться.

Смирнов С. А.: Вот именно. На что ссылаться-то?

Розин В. М.: Да. А второе – он сказал мне: «Я методолог, который больше всех зарабатывает».

Смирнов С. А.: Вот. Это у него критерий – капитализация.

Розин В. М.: А Сергей Попов ещё более циничен. Он говорил: главное – это деньги, главное – это власть. Он это, может, и не говорил, но это звучало. И манипулирование.

Смирнов С. А.: Не гнушался.

Розин В. М.: Нет, конечно.

Смирнов С. А.: Нормально всё. Да.

Розин В. М.: Манипулирование людьми.

Смирнов С. А.: В этом смысле Ю. В. Громыко более такой идейный.

Розин В. М.: Да, конечно.

Смирнов С. А.: Его интересовала идея, наверное, а потом уже всё остальное.

Розин В. М.: Да. Вот. Не знаю. Все люди живые и у каждого свои слабости и претензии.

Смирнов С. А.: Бог с ними. Меня-то интересуют всё-таки основатели. И в этом смысле Вы же общались в то первое героическое время и с другими основателями, диастанкурами.

Розин В. М.: Да.

Смирнов С. А.: Но среди этих людей... Вы же их видели?

Розин В. М.: Ну да.

Смирнов С. А.: Они же тоже все были обаятельны: Ильенков, Мераб, Зиновьев – они же все вождили. Нет? И тут ещё Георгий Петрович. Но Вас взял он. Или это как бы синдром первого знакомства? Или как? Вы же всё равно их видели в разных ипостасях, слушали. На лекции Мераба ходили?

Розин В. М.: Нет.

Смирнов С. А.: На его московские знаменитые лекции...

Розин В. М.: Да, я знаю. Во-первых, действительно, когда я познакомился со Щедровицким, то я сразу же включился в работу. И это всё определило. Это раз. Во-вторых, тогда, вначале, Юра был очень демократичным. Он тогда и не был таким мэтром, и за ним не было движения. И в этом смысле он был очень демократичный и даже товарищ. Он был старший товарищ для меня. Он не только был учителем. Да, он был и учитель, но он был и старший товарищ.

Смирнов С. А.: И он учил мыслить реально.

Розин В. М.: Да. И он учил меня мыслить, он показывал это. Черты тоталитарного стиля в каком-то смысле в нём проявились потом, а у меня ещё своего-то не было содержания, понимаешь, поэтому меня это всё очень устраивало. К тому же, на семинаре-то тоже были все люди очень даже достойные.

Смирнов С. А.: Конечно.

Розин В. М.: И поэтому меня это полностью удовлетворило. Это раз. Во-вторых, я действительно не ходил на Мераба. И к тому времени, когда я стал интересоваться его работами, читать их, я уже был сформирован. Я уже был сформирован в методологическом плане.

Смирнов С. А.: Вы сознательно не ходили. А как собеседник он Вам был не интересен?

Розин В. М.: Нет. Не было времени.

Смирнов С. А.: И времени не было.

Розин В. М.: Да. А когда я читал его работы, то он уже был феноменолог. А я был методолог совершенно другого направления.

Смирнов С. А.: Да. Это уже Вас как бы не совсем устраивало.

Розин В. М.: Да. И поэтому я стал, скорее, выяснять, а что же такое феноменология. И у меня в «Вопросах философии» была статья «Феноменология глазами методолога».

Смирнов С. А.: Ага.

Розин В. М.: Я уже не мог пойти к нему вот так. Хотя я, конечно, знал и Пузырея, и его последователей.

Смирнов С. А.: Пузырей любил и того, и другого: и ГП, и Мераба.

Розин В. М.: Да. Так что с Мерабом вот такая история. Хотя мы с ним были дружны, с Мерабом, в общем, как-то. Ну, как дружны? Всё-таки он...

Смирнов С. А.: Ну, понятно, он и постарше.

Розин В. М.: Да, и постарше. Но, тем не менее, я ему какие-то свои книжки давал. И буквально за четыре дня до смерти он приехал в Институт философии, он тогда работал в Институте, он поднимался по лестнице, а я выходил. Я увидел его и говорю: «Мераб, я вот хочу тебе книгу свою подарить». Он говорит: «Ладно». Но я уезжал. А когда я вернулся, мне сказали, что Мераб умер.

Смирнов С. А.: Да, он неожиданно умер, в аэропорту, в ожидании самолета...

Розин В. М.: Поэтому с Мерабом и не могло получиться.

Смирнов С. А.: Не могло.

Розин В. М.: Да. А кто ещё, кого ты назвал?

Смирнов С. А.: Ильенкова назвал.

Розин В. М.: А Ильенкова я вообще не знал. Я его видел так, шапочно, несколько раз. Но я его не знал.

Смирнов С. А.: И не пересекались?

Розин В. М.: Не пересекались, да.

Смирнов С. А.: А с Зиновьевым?

Розин В. М.: А с Зиновьевым – тем более. Он всегда держался особняком.

Смирнов С. А.: И после возвращения его в 1999 г. из Германии? Он же приехал и продолжал тут...

Розин В. М.: Нет, нет, нет. С Зиновьевым нет.

Смирнов С. А.: А. А. Гусейнов его приютил на кафедре этики в МГУ.

Розин В. М.: Нет. Зиновьев к себе и не подпускал людей, в общем-то.

Смирнов С. А.: Не подпускал. А как Вам его работы, тексты? Они представляют для Вас интерес? Это же заявление новой социологии, метасоциологии. Его романы знаменитые.

Розин В. М.: А ты не читал мой текст по поводу Зиновьева? Нет?

Смирнов С. А.: Нет, не читал.

Розин В. М.: У меня очень критическая статья есть по поводу Зиновьева.

Смирнов С. А.: Это интересно.

Розин В. М.: С разбором этих вещей.

Смирнов С. А.: Вот, вот. Так.

Розин В. М.: Когда я уже стал серьёзно смотреть Зиновьева, то я уже подошёл к этому точно так же, как я подходил к любому другому мыслителю.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: С таким жестким анализом. Но, к сожалению, это был уже поздний Зиновьев.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Может быть, уже не совсем...

Смирнов С. А.: Не совсем адекватный?

Розин В. М.: Не совсем здоровый. Из этой работы видно... Но, тем не менее, я там пытался понять его заход, и он, конечно, меня совершенно не устраивает.

Смирнов С. А.: Не устраивает.

Розин В. М.: Не устраивает. Но я тебе эту работу просто дам, и ты посмотришь.

Смирнов С. А.: Она опубликована?

Розин В. М.: Да, она опубликована.

Смирнов С. А.: Пришлете.

Розин В. М.: Она опубликована, по-моему, в «Философских науках». И это, по-моему, единственная работа с жесткой критикой Зиновьева и с попыткой тоже его жизненный путь понять.

Смирнов С. А.: Да. Потому что как раз аналитики-то не хватает. Либо хвалят, либо ругают...

Розин В. М.: Это одна из немногих аналитических работ, в которой делается попытка понять его подход и жизненный путь.

Смирнов С. А.: Да. Это хорошо. Тогда что получается? Тогда вопрос, вообще-то говоря, не имеет смысла: кто Вы больше – методолог или философ? Потому что Вы как бы два в одном, да ещё и психолог, и исследователь. И это просто три разных позиции, разных фокуса в одном, так сказать, в поле личности, что называется. И разделять это в принципе невозможно. Тем более в вашем случае.

Розин В. М.: Да, конечно.

Смирнов С. А.: И это, наоборот, обогащает.

Розин В. М.: Да, это меня обогащает.

Смирнов С. А.: Дополнительное видение задает.

Розин В. М.: Я свои исследования по истории науки привношу в методологию. Методологические исследования использую при анализе науки, при анализе философии и так далее. Хотя тут есть одна тонкость, я сразу хочу сказать. Вот у меня есть приятельница Светлана Сергеевна Неретина.

Смирнов С. А.: Это замечательный автор. Супруга А. П. Огурцова. Вдова теперь.

Розин В. М.: Это крупнейший философ.

Смирнов С. А.: Их фундаментальные трактаты, «Реабилитация вещи», трехтомник Огурцова по истории науки XX века и так далее...

Розин В. М.: Я думаю, мы с ней друзья.

Смирнов С. А.: Совершенно шикарно, да.

Розин В. М.: Но когда я читаю её работы, я восхищаюсь. Потому что она – носитель подлинно философского дискурса, я считаю.

Смирнов С. А.: Того самого, хорошего, добротного, классического.

Розин В. М.: Да. Плюс ещё обогащенного культурологией.

Смирнов С. А.: Материал богатейший, да.

Розин В. М.: Но, тем не менее, при сравнении её дискурса и моего возникает колоссальная разница.

Смирнов С. А.: Ей не хватает методологии?

Розин В. М.: Не то, что не хватает. У нее своя методология.

Смирнов С. А.: Кстати, это отдельная проблема – были ведь разные методологии.

Розин В. М.: Но, во всяком случае, сравнение этих двух дискурсов очень любопытно. Потому что мой дискурс сформировался под большим влиянием Московского методологического кружка, а уж затем он обогащался гуманитарным подходом, культурологией. А её дискурс совершенно другой. Потому что за ней Владимир Соломонович Библер¹⁹ и М. Я. Гефтер²⁰. То есть две мощные традиции. Кстати, что интересно. Традиция Неретиной тоже связана с анализом текстов, культуры, строгим дискурсом, с культурно-историческими реконструкциями. Я бы сказал, они где-то дополнительные, а где-то очень различаются.

Смирнов С. А.: А вот чем они отличаются?

Розин В. М.: Ой. Трудно.

Смирнов С. А.: Я согласен. Я к тому, что действительно и методологии науки были тоже ведь разные: П. П. Гайденко, В. С. Степин, В. Н. Садовский – они ведь тоже выстраивали свою линию методологии науки, отличную от Щедровицкого. Совсем другую.

Розин В. М.: Другую, да. Но я ведь давно доказываю, что в методологии существуют разные парадигмы. Я, в отличие от Георгия Петровича, который считал, что единственная методология – это только тот вариант, который он отстаивает и который я обозвал потом панметодологией, я считаю, что в методологии есть разные парадигмы, разные школы.

¹⁹ Библер Владимир Соломонович (1918–2000) – отечественный философ, методолог науки. Автор концепции философии диалога культур и педагогической концепции «Школа диалога культур». Основал собственный домашний семинар с сер. 1960-х годов. Его участники – С. С. Неретина, В. А. Ахутин, В. Л. Рабинович, Л. М. Баткин и др.

²⁰ Гефтер Михаил Яковлевич (1918–1995) – отечественный историк, философ, публицист. Разработал авторскую концепцию философии истории.

И слава Богу. Потому что они друг друга обогащают. Например, я широко использую работы Светланы Сергеевны Неретиной. И она мои работы, надеюсь, читает.

Смирнов С. А.: Конечно. Да.

Розин В. М.: Замечательный человек и крупнейший философ, я считаю.

Смирнов С. А.: По-моему, она тоже пережила какой-то период замалчивания и каких-то не то чтобы гонений из-за работ по проблеме концептуализма. Я не помню. Что-то было такое. Не буду врать.

Розин В. М.: Она же ещё помогала диссидентам.

Смирнов С. А.: А, вот это ещё было.

Розин В. М.: Да. И это тоже была проблема, да.

Смирнов С. А.: А теперь про современное поле исследователей. Вот Неретина. Хорошо. А есть же разные другие психологи, другие философы, которые тоже занимаются той же проблематикой. Например, антропологией. Вот, например, С. С. Хоружий и др. Как здесь отношения складываются? Каждый сам по себе или всё-таки есть какая-то содержательная коммуникация, какое-то поле мнений? Всё-таки все в одном институте фактически.

Розин В. М.: Понимаешь в чём дело. Да, я понимаю твой вопрос. Но я так скажу. Одна из детерминант философского мышления состоит в том, что это личностное решение общекультурных проблем.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: А если это личностное решение, если всё-таки каждый крупный философ, я считаю, значимый философ, даёт своё решение, то это нормально.

Смирнов С. А.: Нормально.

Розин В. М.: Нормально, что мы имеем разные варианты философии, разные личностные варианты.

Смирнов С. А.: Решения рамочной проблемы.

Розин В. М.: Другой вопрос – коммуникации. Коммуникации в этом поле. Потому что это всё-таки общеполитический цех. И как общеполитический цех он, с одной стороны, сохра-

няется в плане культурно-историческом. Мы все обсуждаем Платона, Аристотеля, Канта и так далее. И особенность философского мышления состоит в том, что всегда есть отношение с другим философом.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: И не просто отношения, приходится вырабатывать свой подход, позиционируя себя относительно других философов. Я себя позиционирую относительно Платона, относительно Аристотеля, относительно Френсиса Бэкона, относительно Щедровицкого.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Хотя я его ученик, но я очень много сил потратил на это позиционирование.

Смирнов С. А.: Ага.

Розин В. М.: Поэтому в этом смысле это тоже нормально. Нормально позиционирование одних философов с другими и полемика. И, наконец, третий аспект. Так как это всё равно цех философский, единый, мы, конечно, в той или иной мере, читаем работы друг друга и что-то там, конечно, заимствуем, используем и берём. По отношению к Неретиной, я вообще очень широко опираюсь на её работы. Но я понимаю, что, например, несмотря на то, что я совершенно не сторонник синергической антропологии, но те вещи, которые, например, Хоружий сделал по поводу Фуко с анализом практик себя, то я это признаю, и беру, и использовал, и цитировал его. В этом смысле я бы так сказал: современное сообщество философов – это всё-таки уже достаточно продвинутое культурное сообщество. Это уже не то, что было в 1950-е годы, когда...

Смирнов С. А.: Когда надо было формировать, собирать по крупицам.

Розин В. М.: Да, собирать. И мы не были приобщены к западной философии.

Смирнов С. А.: Да, и были отлучены.

Розин В. М.: Сегодня, в общем, ведущие философы российские, они все приобщены к мировой философии и имеют высокий уровень культуры. Вот, например, позавчера был

семинар у нас в институте. Обсуждали книгу трёх авторов по поводу философской антропологии Андрея Платонова. Авторы С. С. Неретина, С. А. Никольский и В. Н. Порус²¹.

Смирнов С. А.: Да, знаю.

Розин В. М.: Так вот это работа высокого уровня. Это действительно глубокий анализ. Это работа, которой может позавидовать западная философия. Три крупных автора, носители высокой философской культуры.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: И я бы сказал, и методологической культуры, с хорошей методологической культурой. Вот такая работа. Это просто как пример тебе.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: И я писал по заказу журнала «Философские науки», когда было 70 лет Институту философии, например, об Огурцове и Неретиной как о философах мирового уровня. Или о Гайдено, например.

Смирнов С. А.: Да, Гайдено. Конечно.

Розин В. М.: Я считаю, у нас хорошее сообщество, сильное.

Смирнов С. А.: Да, конечно, конечно. Ну, а тогда в связи с чем у Вас возник интерес к Мишелю Фуко? Он же возник не в связи с Хоружим? Вы же этим занимались самостоятельно.

Розин В. М.: Нет, интерес к Мишелю Фуко возник ещё в конце 1960-х годов. Потому что мы начали обсуждать его работы.

Смирнов С. А.: «Слова и вещи», его понятие эпистемы? Это же близко к методологии, да.

Розин В. М.: Да-да-да. «Слова и вещи», да. Мы начали их обсуждать. Потом вышла книга Светы Табачниковой, жены Пузыря.

Смирнов С. А.: Да, знаю.

Розин В. М.: И я эту книгу, «Воля к истине»²², получил, конечно. По сути, Фуко близок к методологии.

²¹ Неретина С. С., Никольский С. А., Порус В. Н. Философская антропология Андрея Платонова. М.: ИФ РАН, 2019. 236 с.

²² Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности / Сост., перев., послесловие и комм. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996.

Смирнов С. А.: Да, у него же методологический подход.

Розин В. М.: Это и влияние марксизма, и современный дискурс, достаточно строгий, и связь: власть – дискурс – текст. Всё это у него хорошо завязано. И интерес, кстати, у позднего Фуко к субъективности.

Смирнов С. А.: Да, особенно поздний Фуко. Его «практики себя» – это особенный проект.

Розин В. М.: Конечно, это очень важная линия для меня: субъективность, личность. Кстати, если говорить о моём интересе к философии, то я одной из своих заслуг считаю анализ личности, показ того, что, начиная с античности, и философия, и культура развиваются под влиянием личности как нового антропологического типа, а не только коллективного разума.

Смирнов С. А.: Хорошо. Вадим Маркович, тогда ещё один мостик к другой области – к педагогике, к образованию. Да, Вы этим занимались давно. Но вопрос заключается в том, что в последнее время Вы написали целую серию работ по проблеме субъективности и по проблематике педагогики тьюторства, проблеме выстраивания личностных траекторий и так далее, жизненных траекторий. И с Татьяной Ковалевой Вы это всё обсуждаете. Но, смотрите, это же проблема. Потому что реальная траектория возможна только в реальной жизни. Ни в какой школе траекторию не выстроить. Вы это осмысляете чисто методологически как феномен жизненной траектории или это можно действительно институционализировать, обосновать и даже внедрить? Мне Б. Д. Эльконин говорил: «Вот тьюторы говорят про свои тьюторские дела, но ни одной карты тьютора я ещё не видел».

Но это проблема. Потому что без жизненной траектории личность не состоится, она будет декларацией. Это же нормально: она по шагам развивается и формируется. А где она формируется? Не в безвоздушном пространстве, а опять в реальной жизни, в реальных антропопрактиках. В каких же живых формах реально выстраивание траектории, если этот бедный ученик полжизни в школе? И где там у его навигации мо-

гут быть и траектории? Откуда они там возникнут? А Татьяна Ковалева всё убеждает и пытается это делать. В итоге пытается только частным образом, то есть в центрах развития по заказу родителей. Но не в школе

Розин В. М.: Я бы так сказал. Первый мой ответ. Что, может быть, более важно, это то, что она сумела создать тьюторское сообщество.

Смирнов С. А.: Это – да. Это она молодец.

Розин В. М.: Так же, как Карнозова сумела создать сообщество медиаторов восстановительного правосудия. И вот это очень важно.

Смирнов С. А.: Это важно, да.

Розин В. М.: Чего у нас в стране не хватает? Не хватает сообществ, которые могли бы самостоятельно существовать и которые бы работали не в русле официальной государственной идеологии. И вот то, что и Татьяна Ковалева, и Людмила Карнозова создали, сумели, причём это колоссальные усилия, создать такие сообщества, в этом смысле они вырвали целый ряд людей из государственного институционального потока.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Эти люди уже мыслят по-другому. И это есть некоторые ростки и некоторая, может быть, надежда на то, что когда-нибудь всё-таки по-другому пойдёт дело. Это первый мой ответ. И второй мой ответ. Почему я с удовольствием пошёл к ним, когда меня Татьяна, например, пригласила преподавать для тьюторов? Потому что это очень отличало их вот этой линией анализа личности, которая у меня представлена. Потому что, если я считаю, что развитие культуры и науки связано с личностью, и только взаимодействие личности и сообщества разворачивает историю, то, безусловно, сам этот замысел меня греет. Это раз. Во-вторых, я ещё рассуждаю так, у меня даже статья есть: что я сам есть тьютор сам себя.

Смирнов С. А.: Для начала – да.

Розин В. М.: Потому что я лично выстраиваю свою жизнь сознательно. Другое дело – получается или не получается, получается не так, как задумано, и так далее. Но в моем миро-

воззрении... Я считаю, что это с Платона началось. С Платона. Не с Сократа, а с Платона по-настоящему. Платон – это уже человек, который пытался себя сознательно строить, и в этом смысле был тьютором себя. И так же я себя строю сознательно. И в этом смысле я считаю, что Щедровицкий не был тьютором самого себя.

Смирнов С. А.: Такое ощущение, что он уже был вылеплен очень рано и монолитом был уже.

Розин В. М.: А это очень важно. Потому что, если ты не просто живёшь, а ты живёшь и стараешься жить правильно, и себя стараешься конституировать (другое дело – получается или не получается то, что ты задумываешь, или получается что-то другое), то и возникает новое качество жизни, новая антропология. Другое дело – насколько она распространена, кого она касается. Во всяком случае, для меня это та линия, которая шла, начиная с античности: узким слоем или более широким...

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: И третий момент. Безусловно, тьюторское движение или движение восстановительного правосудия, они не вписываются в те институциональные рамки, которые существуют.

Смирнов С. А.: Так.

Розин В. М.: И будут жесткие конфликты, конечно, институционально их будут давить, безусловно. Но, слава Богу, пока им удаётся существовать. Более того, потихоньку они обрастают...

Смирнов С. А.: Обрастают: конференции, сборники...

Розин В. М.: Они – и та, и другая – очень умно разворачивают свои практики.

Смирнов С. А.: Ну, сейчас Ковалеву, слава Богу, приютил И. М. Реморенко в своем МГПУ.

Розин В. М.: Да. Очень умно это делают. А я сегодня как раз делал доклад, где я показывал, что социальное действие очень тесно связано с социальной технологией. И если правильно её строить, социальную технологию, то мы и получаем новую социальную реальность и некоторые новые возможности.

Они это делают достаточно грамотно и умно. Поэтому это, на самом деле, очаги новой жизни внутри старой жизни.

Смирнов С. А.: Ага. Вот. Да.

Розин В. М.: Это не гарантировано.

Смирнов С. А.: Такие полигоны.

Розин В. М.: Да, это полигоны, это очаги новой жизни. Ничего не гарантировано, в том плане, что это будет институционализировано полностью или будет только процесс. Нет. Я думаю, что это всё-таки останется как локальная культура или локальная субкультура внутри этой культуры. Но она работает, она делает свою работу. Поэтому я считаю, что всячески это надо поддерживать.

Смирнов С. А.: Конечно. Безусловно.

Розин В. М.: Вот у меня такое видение этой ситуации.

Смирнов С. А.: Так. Ну, что? И в завершение. Как вы думаете, Вадим Маркович, а может быть, всё-таки тогда настоящая философская биография начинается, пардон, после ухода носителя мысли? Как, например, Щедровицкий, он же незримо с нами. Бахтин, Хайдеггер...

Розин В. М.: Я же разделил эти вещи, да. Во-первых, всё бывает по-разному. Это всё уникальные вещи.

Смирнов С. А.: Уникальные вещи.

Розин В. М.: Уникальные. Конечно. Философская автобиография – это уникальное событие, уникальная вещь. И как уникальная вещь, она может тоже по-разному строиться. Вот, может быть, то, что я написал эти два романа, с одной стороны, а также, уже второе, по-моему, интервью у тебя.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: А также, может быть, напишу для Юлии Си-некой, меня подтолкнет потом сделать какой-то новый заход... А может быть, и нет. А может быть, после того, как меня не будет, кто-то заинтересуется моей жизнью и напишет исследование. С критикой, кстати. Потому что я же в этом романе ещё разыгрывал такую линию, что Щедровицкий был недоволен тем, как я всё это вижу после его смерти.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Вот это мы уже не знаем, что там будет дальше. Мы уже не знаем. Поэтому это уникальная вещь. Уникальная вещь. Она может по-разному строиться. И если бы это разделили, то я думаю, что и так, и так может быть. Кто-то сподобится и наберётся сил написать свою биографию при жизни. А уж после обязательно напишут другую. Вот в чём дело.

Смирнов С. А.: То есть Вы всё-таки допускаете, что она возможна. Это не придумки, а это действительно...

Розин В. М.: Конечно.

Смирнов С. А.: Просто это очень сложно.

Розин В. М.: Более того, я считаю, что современный интерес к этому очень большой.

Смирнов С. А.: Большой.

Розин В. М.: Сегодня есть большой интерес. А раз есть запрос, то они потихоньку будут появляться. И это важно в плане самоопределения философского.

Смирнов С. А.: Да.

Розин В. М.: Самоопределения философской жизни, самоопределения философа и так далее. Тем более, что количество разных направлений в философии растёт, философия сама находится в некотором кризисе, отчасти. Но это одни говорят, что кризис, другие говорят, что это не кризис, а нормальное развитие. Во всяком случае, действительно, сейчас наше время такое, которое требует такой работы.

Смирнов С. А.: Ну, что. Спасибо, Вадим Маркович.

Розин В. М.: Пожалуйста.

РОМАН ВИКТОРОВИЧ СВЕТЛОВ

«АВТОБИОГРАФИЮ НАДО ПИСАТЬ ТОГДА, КОГДА ВОЗНИКАЕТ НЕПРЕОДОЛИМОЕ ЖЕЛАНИЕ ЕЁ НАПИСАТЬ...»¹

Аванесов С. С.: Напротив меня – Роман Викторович Светлов, доктор философских наук, директор Института философии человека Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

Светлов Р. В.: Добрый день!

Аванесов С. С.: Здравствуйте, Роман Викторович! Я задам Вам несколько вопросов. Их не очень много.

Светлов Р. В.: Две странички только. Да?

Аванесов С. С.: Да. Они позволят нам обсудить нашу тему хотя бы в приблизительном смысле. Итак, наш разговор посвящён автобиографии и философскому смыслу автобиографии. Первый вопрос будет звучать так: Вы уже пишете свою биографию? Или Вы считаете это делом лишним, поскольку главное в жизни философа – это его сочинения, труды, а писать биографию философа – это удел его читателей?

Светлов Р. В.: Я не пишу свою биографию. Не пишу. И не знаю, честно Вам скажу, является ли это вещью необходимой для философа или нет. Но я бы так сказал, что, наверное, всё-таки главное в жизни философа – это занятие философией, философское дело. Это не только сочинения. Это, конечно же, и преподавание, и какая-то общественная позиция в тех слу-

¹ Интервью состоялось 13 декабря 2019 г. Разговор вел профессор С. С. Аванесов.

чаях, когда у нас имеется возможность чётко её высказать. Как-то вопрос о необходимости написания автобиографии передо мной к настоящему моменту не вставал. Тем более, что у меня (я боюсь, мы можем уйти немножко в сторону от вопросов) в последние годы выработался, я бы сказал, историко-философский взгляд на жанр философской автобиографии. И если можно будет, я его в процессе ответа на вопросы постараюсь высказать.

Аванесов С. С.: Хорошо. А как Вы думаете, вот эта Ваша позиция по отношению к написанию собственной биографии – это позиция, характерная для Вас сегодняшнего, или Вы считаете, что это Ваша принципиальная позиция навсегда?

Светлов Р. В.: Для меня сегодняшнего, безусловно. А навсегда – это слишком большая история. Но есть ещё один момент: я ведь историк философии. И, может быть, в большей степени именно историк. А с этой точки зрения (и это не кокетство) претендовать на статус философа, который осмысляет себя как философ, мне достаточно сложно. Тут тоже есть такая граница, которую надо иметь в виду.

Аванесов С. С.: С другой стороны, Ваш навык исторического подхода к творчеству философов не накладывает ли отпечаток на Ваше собственное творчество? Не хочется ли Вам на самого себя посмотреть как на персонаж историко-философского исследования?

Светлов Р. В.: Опять же, я бы, может быть, посмотрел на себя таким образом, если бы обладал некоего рода уровнем претензий (это я без иронии говорю) Гегеля – вот моя философия как итог философии вообще всей, или Аристотеля. Тогда, вероятно, да. Но, мне кажется, по поводу автобиографии следует сказать следующее. Во-первых, жанр дневников, который, безусловно, начиная с Монтеня, с той самой эпохи, является одним из важных жанров философской (и не обязательно философской) сборки самого себя человеком эпохи модерна, и который во многом (навык написания дневников) в наше время утрачен, – этот жанр дневников, вероятно, важное для человека эпохи модерна занятие. Но дневниковые записи не обязательно становятся автобиографией как чем-то,

что предназначено для внешнего чтения, хотя бы среди узкого круга друзей. Сам по себе этот жанр дневников, он, наверное, всё-таки вырастает (как мне, по крайней мере, представляется) из того, что когда-то совсем было исповедью. Исповедью в религиозном, а не светском смысле слова.

Аванесов С. С.: И, соответственно, Августин – предшественник Монтеня.

Светлов Р. В.: Да.

Аванесов С. С.: Хорошо. Теперь попытаемся так поставить вопрос. Вы различаете личную жизнь философа и его жизнь в сочинениях? Или личная жизнь философа не имеет никакого отношения к тому, что он излагает в своих работах? И тогда для Вас как для историка философии история философии – это история конкретных людей с определёнными именами или это история их мыслей, отражённых в их сочинениях?

Светлов Р. В.: Это история и людей, и мыслей.

Аванесов С. С.: То есть люди тоже важны?

Светлов Р. В.: Потому что, вне всякого сомнения, жизнь, как минимум, имеет отношение к тому, что написано в сочинениях. И, самое главное, – то, что написано в сочинениях, как минимум, имеет отношение к тому, что происходит в жизни. Что такое философия? Это образ жизни, частью которой является образ мысли. Для античной философии, пусть это максималистский принцип был, но, тем не менее, он был важен. Поэтому безусловно да.

Аванесов С. С.: Соответственно, говоря об истории философии, мы говорим и об истории личной жизни философов.

Светлов Р. В.: Безусловно.

Аванесов С. С.: Так или иначе, биография философа...

Светлов Р. В.: Имеет отношение. В ряде случаев – самое непосредственное отношение. Сократа возьмём того же самого.

Аванесов С. С.: А эта жизнь, биография философа, которая вплетена в его философию, эта его философская жизнь, она отличается от жизни других людей? Соответственно, биография философа отличается ли, по-Вашему, от биографии нефилософа?

Светлов Р. В.: Безусловно, отличается.

Аванесов С. С.: Чем?

Светлов Р. В.: Чем она отличается? Тем, что философ... Так речь идёт о биографии или автобиографии?

Аванесов С. С.: О биографии.

Светлов Р. В.: Ну, биография отличается, безусловно, по той причине, что у философа в его жизни всегда есть не обязательно периоды времени, но, может быть, периоды деятельности, того, что Аристотель назвал «жизнью теоретической». То есть тогда, когда он не просто выстраивает стратагемы своего будущего политического, экономического, культурного или ещё какого-то поведения, а тогда, когда он занят наиболее общими, но наиболее важными проблемами, и оставить он их не может. Ну, как Сократ, который шёл на пир, а вдруг задумался (помните?) и «завис». Вот он стоит, чисто одетый, в сандалиях, сейчас придёт, но думает пока о том, что сейчас начнётся. И этим, действительно, философ отличается радикальным образом от остальных. Философия требует обязательно свободного времени, досуга. Свободного времени – не просто как времени не занятого в профессиональной деятельности, а свободного времени от всего, в том числе от вот этих гаджетов. Если его нет, то... Вот этим и отличается, условно говоря.

Аванесов С. С.: Тогда это же, получается, нормально и естественно, если философ одним из предметов своего философского осмысления делает свою собственную жизнь, отличающуюся от жизни других людей. И в этом смысле как Вы относитесь к наличным, уже существующим философским автобиографиям: это часть философии этих философов, по-Вашему, это просто интересно? Вы уделяете этому внимание в своих занятиях?

Светлов Р. В.: Поскольку я занимаюсь главным образом античной философией, а там философских автобиографий не было, если не считать Марка Аврелия (ну, может быть, что-то ещё из текстов Сенеки, особенно «Нравственные письма к Луцилию»), – и почему не было, я всё-таки потом буду иметь возможность несколько слов сказать, – то, конечно, с этой точки

зрения я вынужден биографии искать и там, где есть какое-то самописание, и там, где его нет – в самих философских текстах, которые не являются строго автобиографическими. Платоновские тексты – это не автобиография. Хотя, как шутливо сказал один из замечательных сторонников тюрингенского эзотерического прочтения Платона Томас Слезак, комментируя лекцию Томаса Робинсона на одной нашей конференции: «По-вашему получается, что диалоги, поскольку они писались последовательно, – это некое селфи, философское селфи Платона?»

Что касается автобиографий более поздних, то, безусловно, конечно же, куда без Монтеня, без Бердяева и так далее, учеников Брентано... То есть, кто только ни писал эти автобиографии. Руссо, например. Автобиография и исповедь, видите, очень близко оказываются у тех людей, которые имеют отношение к делу философскому.

Конечно же, читаю. И это важно. Это элемент истории философии, я бы так сказал. Безусловно, элемент истории философии. Другой вопрос связан с тем, не является ли такого рода философская автобиография некоторым исторически преходящим жанром, связанным с какими-то более важными историческими вещами, связанными с историей европейской субъективности, я бы так сказал. Я потом постараюсь объяснить.

Аванесов С. С.: Вы можете выделить какие-то наиболее важные для Вас философские автобиографии?

Светлов Р. В.: Я скажу, что самая главная для меня автобиография, если говорить о них, сближая с исповедью, то это, конечно же, «Нравственные письма к Луцилию» Сенеки, где автобиографического очень много. Марк Аврелий – это, безусловно, то, что я для себя открыл. Причём открыл не на первом курсе, а уже в конце обучения и, в общем-то, перечитываю регулярно. «Исповедь» Августина – без всякого сомнения. И Монтень. Вот эти тексты для меня наиболее важные. Хотя я читал и Руссо, и Толстого, и Бердяева, и так далее. И даже эти самые «черные тетради» Хайдеггера скандальные.

Аванесов С. С.: В таком случае, видите ли Вы разницу между философской автобиографией и автобиографией философа? То есть имеется я виду, что предметом, о котором рассказывается в этом тексте, выступает сам философ. Но мы можем говорить о том, что сам этот автобиографический текст является философским, или это просто литературный жанр?

Светлов Р. В.: Я понимаю. Естественно, разница есть. В одном случае я себя презентую как человека, прожившего определённую жизнь, добившегося определённых успехов (ну, либо неудач – от этого никуда не деться). Как некоего рода определённый, может быть, уникальный, но всё-таки социальный тип, о котором я и повествую. А другое дело, когда я пытаюсь поразмышлять на тему: что такое мысль, почему я мыслю и что такое «Я», которое мыслит. В данном случае не столь существенна моя личная симпатия / антипатия к себе, к чему-то другому. Тут, конечно, разница есть существенная.

Аванесов С. С.: Может ли философ написать нефилософскую автобиографию?

Светлов Р. В.: Ну, наверное, да.

Аванесов С. С.: Как литературное произведение.

Светлов Р. В.: Я думаю, да. Конечно. Почему нет?

Аванесов С. С.: То есть философ способен выступать и как писатель. Можете ли Вы назвать момент жизни, который стал ключевым эпизодом в Вашей биографии как философа? Вы автобиографию не пишете, но можете ли хотя бы апеллировать к какому-то эпизоду, который для Вас воспринимается как важнейший с точки зрения Вашего становления как философа либо историка философии, профессионала?

Светлов Р. В.: Я видел этот вопрос, и я думал над ним. Наверное, я должен быть в этом случае предельно честным. Видимо, для меня, как ни парадоксально, такого рода поворотным пунктом стала первая большая педагогическая неудача. На 5-м курсе мы проходили педагогическую практику, и я, соответственно, должен был для первого курса провести семинар по восьмой книге «Метафизики» Аристотеля. Я помню, какой это был кошмар. После этого семинара я понял, что,

в общем, я никакой не педагог и в Аристотеле ничего не понимаю. И тоска, тоска, тоска... Собственно, это не значит, что я тут же начал думать над Аристотелем и так далее. Но этот опыт неудачи, такой почти нуминозный опыт неудачи, очень сильно меня перестроил с точки зрения серьёзности отношения к предмету, которым я занимаюсь.

Аванесов С. С.: То есть можно было забыть, как страшный сон, а можно было подвергнуть рефлексии.

Светлов Р. В.: Естественно, я это вытеснял из своей памяти (это нормальная ситуация). Но этот стыд, причём стыд не перед кем-то, перед научным руководителем, собственно, Верой Яковлевной Комаровой, которая там сидела... Думаю, она многих таких, как я, повидала за время, когда преподавала. Этот какой-то такой не просто стыд, знаете, социальный, а какой-то более глубокий, заставил меня относиться с бóльшим уважением к предмету, которым я занимаюсь. И мне кажется, что если какой-то разворот произошёл в понимании того, что такое философия, то это именно тогда.

Аванесов С. С.: Хорошо. Представим себе, что Вы всё-таки пишете автобиографию (Вы не хотите, но пишете). Какие основные эпизоды в Вашей философской биографии Вы бы описали, если таковые есть, какие-то ключевые моменты? Вы сказали, что Вы историк философии. Ну, понятно, что историк философии – это, скорее, философ, чем историк.

Светлов Р. В.: В общем, да.

Аванесов С. С.: И в этом смысле можно говорить о Вашей философской биографии.

Светлов Р. В.: Вот тут важен некий подход. Я тогда ещё раз к этой теме вернусь. Может быть, я сейчас немножко поговорю подольше. Не возражаете? Немножко побольше букв.

Аванесов С. С.: Буду рад.

Светлов Р. В.: Опять, это и от моего занятия историей философии пришло. Я задумался об этом в какой-то момент, перечитывая в очередной раз «Жизнь Плотина» Порфирия и, естественно, перечитывая со студентами, работая с ними. Все отмечают, что Плотин не давал делать с себя изображе-

ний, потому что это тень от тени подлинной реальности. Там вообще очень забавно получается. Художник ходил на его занятия, создал, видимо, портретное изображение, двумерное. А потом по нему были созданы те самые бюсты, которые в музее в Остии находятся. Причём два изображают одного человека, а третий – другого.

То есть Плотин не хотел, но всё равно этот бюст был создан. Ну, не важно, в общем. Потому что наша жизнь – тень от реальности. Зачем плодить тень от тени?

А вот если читать внимательно (более или менее внимательно) дальше биографию Плотина, то, собственно, мы с вами видим, что Плотин и о себе-то не рассказывал. Что мы знаем из его прошлой жизни? То, что он родился где-то в Египте. То, что он до 7 лет ходил к кормилице сосать грудь, а она его устыдила (он устыдился в первый раз). В 28 лет пошёл искать учителя и тоже со стыдом уходил от всех, кроме Аммония Саккаса. Потом записался в армию в 39 лет. Потом уехал в Рим. И всё. Всё остальное знаем уже из тех лет, когда Порфирий был при Плотине, он о нём рассказывал.

Вот это непамятование о себе – это некоторого рода форма биографической аскезы. Это принципиально отличает Плотина от Августина и античные тексты от жанра биографии, который складывается потом, в христианскую и постхристианскую эпоху. Потому что для Августина исповедь, память о себе – это такого рода... Он помнит о себе, конечно, во взгляде на Бога или во взгляде Бога на него, естественно. Это памятование о себе обязательно со всеми стыдными и нестыдными мелочами. Потому что это не что иное, как такое драматическое формирование личности под приглядом Бога. Как потом будет в эпоху Нового времени, более секулярную эпоху, драматическое формирование личности под приглядом общества.

А для Плотина это всё не важно было. Понимаете? Это не важно. Важны несколько моментов: нашёл учителя, договорился в письменном виде не разглашать его учение, отправился в армию, чтобы добраться до Индии, помните, чтобы с индусскими браминами поговорить. Всё. Это такое непамятование

себя, аналог которого, честно говоря, я вижу только в Книге Иова, притом в самом конце книги, когда Иов отказывается помнить о себе, а помнит обо всём том, что было, перед лицом Господа. Это какое-то такое фундаментально иное отношение к себе, чем вот этот европейский тип социальной субъективности, которая должна прописывать обязательно самого себя через факты собственной жизни и так далее. Это не значит, что... Я современный человек, я не Плотин, да и не дорасту я до него никогда, и, понятно, я себя даже не приравниваю. Это не значит, что для меня не важны те люди, которых я любил и люблю, которые меня любили, те мои, скажем, драмы в жизни, которые имели место быть, мне важна память о тех близких людях, которые от нас уже ушли. Возраст такой, что уже однокашники потихоньку начинают уходить от нас. Память о победах и неудачах – это всё важно. Но насколько это всё (точно так же, как то, что вначале в основном я читал Платина, только потом сосредоточился на Платоне), насколько это важно для философской автобиографии?

С этой точки зрения, конечно, мне достаточно трудно говорить о такого рода поворотных пунктах, как они были у Платина. Их, в общем, в жизни-то должно быть совсем немного. Наверное, для меня первый поворотный пункт – это тот самый стыд, о котором я говорил. Другой, наверное, поворотный пункт для меня – это принятие на себя ответственности (причём фундаментальное принятие ответственности) в 2002 году, когда я стал директором издательства. Это вроде бы к философии не имеет отношения, а на самом деле самое прямое имеет отношение. Вот такого рода 2–3 пункта я могу назвать. Но это не значит, что такими событиями стало то, что я в какой-то момент для себя открыл Аристотеля, а потом Фуко, который так читает «Апологию Сократа». Нет, это не так.

Аванесов С. С.: Спасибо. Является ли написание автобиографии фактом биографии автора? И, следовательно, входит ли само это написание автобиографии в автобиографию?

Светлов Р. В.: Если говорить об автобиографии в современном смысле слова, конечно, входит. Является ли оно обязательным – не знаю, не уверен.

Аванесов С. С.: Может ли таким образом само написание автобиографии менять биографию?

Светлов Р. В.: Вне всякого сомнения. Августин, написавший «Исповедь», – это совсем не тот Августин, который ещё не написал «Исповеди». Это однозначно. А уж тем более, если мы говорим о Монтене, о Паскале. Конечно же.

Аванесов С. С.: Написание автобиографии – это не процесс взгляда со стороны на то, что происходило, а это то, что сейчас происходит.

Светлов Р. В.: Это формирование субъективности собственной. Да.

Аванесов С. С.: Тогда как Вы думаете, может ли процесс написания автобиографии вызвать изменение философской позиции её автора? Может ли философ стать другим в тот момент, когда он описывает самого себя как философа?

Светлов Р. В.: Может. Не хочу сказать, что это обязательно должно происходить. На мой взгляд, может. Я не знаю, это, может быть, такой фантазм, о котором я говорил. Вот мы смотрим на Августина до «Исповеди», видим его тексты, а потом па-ба-м! – и такое манихейство двух градов, злая свобода воли и так далее. Вроде бы мы не можем найти предпосылки этих представлений у раннего Августина. А тут, когда он публично (потому что исповедь-то была публичной, но это литературная публичность), публично промыслил самого себя, увидел и описал самого себя, это описание привело его... Здесь вопрос важный: связано ли это с духовным опытом либо со спецификой жанра, который сам ведёт человека? Это нарратив привёл его к убеждению, что без воли Бога его воля только ко злу всегда вела? И начинается перенесение этого на богословские темы? Ну, может быть, это фантазия, конечно.

Аванесов С. С.: Но вполне можно предположить, что жанр диктует некий образ мыслей, некий дискурс, который тем самым оказывает влияние вообще на картину мира.

Светлов Р. В.: Да, конечно.

Аванесов С. С.: Может и картина мира в принципе корректироваться или, возможно, даже меняться?

Светлов Р. В.: Конечно. Автобиографией корректируется.

Аванесов С. С.: А что Вы скажете о том, может ли каким-то образом скорректироваться или уточниться представление о времени? Потому что всё-таки написание автобиографии – это работа с хроническими процессами.

Светлов Р. В.: Естественно. О чём рассуждает Августин в «Исповеди»? О времени.

Аванесов С. С.: Что́ есть время для нас. Да.

Светлов Р. В.: И Паскаль о чём? Тростник разумный... Это что-то чисто «хроническое», то есть это со временем связанное определение.

Аванесов С. С.: Хорошо. Как Вы думаете, если и надо писать автобиографию, то когда её начинать писать? По горячим следам? Она должна вырастать из дневников, из каких-то регулярных записей? Либо автобиография начинается тогда, когда между мною нынешним и мною прошлым есть некая временная дистанция, и я могу уже с позиции сегодняшнего дня осмысливать то, что я потом буду излагать?

Светлов Р. В.: Мне кажется, что автобиографию надо писать, когда возникает желание написать автобиографию. Именно желание. Непреодолимое. Тогда нужно писать. Это нужно написать не потому, что от тебя это требуют, а просто нужно это сделать. Оно может возникнуть в самое разное время. Но с точки зрения каких-то общих абстрактных принципов, конечно же, дистанция должна быть. Потому что дистанция позволяет сгладить все эти мелкие детали, которые актуальны прямо сейчас: подожди, подумай. Даже не то что подумай, а просто подожди, забудь, отпусти. А потом увидишь, что это на самом деле.

Аванесов С. С.: Или вообще уезжай, как Плотин советовал Порфирию.

Светлов Р. В.: Да, уйди.

Аванесов С. С.: То есть оторвись от себя нынешнего.

Светлов Р. В.: Да-да-да. Проветрись. Но, повторяю ещё раз, писать её надо тогда, когда возникает действительно внутренняя необходимость это делать.

Аванесов С. С.: Хорошо. Как Вы думаете, есть ли жанровая разница между автобиографией и мемуарами? Не являются ли мемуары просто автоматической записью, грубо говоря, того, что происходит, и не является ли автобиография неким законченным художественным трудом?

Светлов Р. В.: Да, вне всякого сомнения, Вы правы. Разница имеется. Есть вещи, перекликающиеся между мемуарами и автобиографией. Потому что мемуары элементы автобиографии могут в себя включать. Точно так же, как автобиография может выступить важным элементом для изучения исторических реалий, каких-то событий. Но мемуары – это как бы моя память о неких вещах, которые имели место быть со мной и с тем, что вокруг меня происходит. Мемуары не подразумевают вот этой саморефлексии над тем, кто это всё дело записывает, почему он так это записывает и какой смысл вообще всё это несёт. То есть мемуары, по крайней мере, не предполагают этого в качестве обязательного момента. Поэтому это разные вещи.

Аванесов С. С.: Тогда вопрос на уточнение. Как Вы думаете, если человек пишет автобиографию, должен ли он опираться на синхронные записи? Допустим, он может к ним вернуться через 10 лет, но это синхронные записи. Или он не должен к ним обращаться вообще, а должен строить свой текст, исходя чисто из собственной памяти, из того, что осталось в его сознании.

Светлов Р. В.: Отвечаю. А) Не знаю, не писал. Б) Наверное, опять же, чисто из принципа, наверное, обращение к ним интересно. Не с точки зрения того, что «я буду своими записями уточнять свою память», а хотя бы для того, чтобы ответить на вопрос: а почему я сейчас помню это так?

Аванесов С. С.: То есть автор всегда присутствует в том, что он пишет о себе самом.

Светлов Р. В.: Да. Почему я сейчас помню так? Почему тогда я это видел по-другому? Почему я вообще способен по-разному помнить?

Аванесов С. С.: Это хороший вопрос, который как раз и порождает уже некие антропологические суждения общего порядка.

Светлов Р. В.: Да.

Аванесов С. С.: Хорошо. Спасибо. Теперь ещё такой вопрос, тоже связанный с отношением автобиографии и дневников или, скажем, мемуаров. Если дневник естественным образом строится по хронологическому принципу (само собой), то как должна быть или как может быть построена автобиография? Это тоже должен быть хронологический принцип – от детства к нынешнему состоянию, либо это какой-то другой принцип формирования – по событиям, которые являются более важными, а потом возвращение к каким-то более мелким вещам?

Светлов Р. В.: По темам и заботам. Мне кажется, и тот, и другой принцип вероятен. Вполне вероятен. Я опять примеры те же самые буду приводить. Если речь идёт о драматическом формировании субъективности исповедального плана, то это, конечно, «Исповедь» Августина. Там понятно, что хоть он возвращается к каким-то вещам, она выстроена более биографически. С другой стороны, как тема, которая занята мне, интересна мне и интересна окружающим, – Монтень. «Опыты» Монтеня, по сути своей, – автобиография. Но там элементов такой хронологической последовательности значительно меньше, чем у Августина. Поэтому может быть и такой, и другой вариант. Главное – чтобы талантливо.

Аванесов С. С.: Да, это важно. А может ли последовательность самого текста автобиографии быть стихийной? В том смысле, что (я попытаюсь объяснить) я могу ведь монтировать автобиографию из фрагментов. И если какой-то фрагмент вспомнился у меня позже, но он имеет отношение к более раннему этапу, я могу вставить его ближе к началу. Либо не нужно ничего менять?

Светлов Р. В.: Конечно. В эпоху постмодерна может быть всякая последовательность и всякая композиция. Или декомпозиция.

Аванесов С. С.: Считаете ли Вы, что в автобиографии прошлое должно быть описано так, как оно было: без всякой коррекции, оценки с позиции настоящего? Или вы думаете, что такой принцип описания прошлого является недостаточным, искусственным или даже невозможным?

Светлов Р. В.: Невозможным.

Аванесов С. С.: Невозможным?

Светлов Р. В.: Невозможным.

Аванесов С. С.: То есть элемент оценки материала присутствует.

Светлов Р. В.: Элемент оценки в любом случае будет присутствовать. Это надо обязательно иметь в виду. Но и понимать, что, когда ты описываешь прошлое, ты уже какой-то взгляд через тот момент, когда пишешь, на него даёшь.

Аванесов С. С.: И автор не должен этого скрывать?

Светлов Р. В.: Не должен скрывать этого.

Аванесов С. С.: Тогда производит ли автор собственной биографии селекцию фактов собственной жизни, которые он собирается описывать?

Светлов Р. В.: Да.

Аванесов С. С.: То есть он разделяет их на те, которые должны быть описаны, опубликованы, и те, которые не должны быть.

Светлов Р. В.: Да.

Аванесов С. С.: Или он не должен так делать? В этом должна быть какая-то честность, или здесь честность – понятие неуместное?

Светлов Р. В.: Честность – всегда понятие уместное, на мой взгляд. Ну, скажем так, видимо, в разные периоды сама социокультурная обстановка выдвигала определённого рода требования к автобиографиям. Например, в большей степени исповедальный характер, скажем, она должна была иметь. Или в большей степени я должен был в своей автобиографии как-то понять себя не в отношении с Богом, а в отношении с политической реальностью. В какой-то момент может быть революционная автобиография борьбы на баррикадах, если угодно. То есть всегда меняются некоего рода требования к автобиографии. Поэтому, наверное, универсального списка, что должно быть в ней отражено, нет. Поэтому то, что считает (опять же, с точки зрения презумпции невиновности и доверия) талантливый автор автобиографии, то там и должно

быть. И он должен честно себе отдавать в этом отчёт. Нечто мне всё равно диктует моя эпоха (я от неё не свободен), а вот это, вопреки эпохе, я сам считаю важным.

Аванесов С. С.: То есть через автобиографию мы можем прочитать не только об авторе, который писал, но и об эпохе.

Светлов Р. В.: Да. Даже если пишут самые уникальные и оригинальные мыслители.

Аванесов С. С.: Но всё-таки автор автобиографии пишет о себе, он пишет текст. Это, в том или ином смысле, всё-таки некое литературное произведение. Тогда этот автор литературного произведения в широком смысле, как Вы думаете, имеет ли он право на то, чтобы специально о чём-то умалчивать, представлять субъективные акценты в том, что он описывает? Может ли он как бы допускать некоторый вымысел? Может ли он прибегать к мистификации, игре с читателем и так далее?

Светлов Р. В.: Ну, если речь идёт об исповедального типа автобиографии, то не должен. Он всё равно это будет делать, но сознательно этого делать не должен.

Аванесов С. С.: Но ведь исповедь может выступать просто как жанр.

Светлов Р. В.: Я понимаю. Но я имею в виду не просто жанр. В исповедальном типе, конечно, он не должен этого делать. По крайней мере, сознательно. При этом он понимает, что он всё равно будет что-то оставлять за скобками. Это нормально. Мы все помним одно и то же событие, даже если описываем его одними и теми же словами, совершенно по-разному. Даже тут без теории языковых игр Витгенштейна это понятно.

Но должен ли он это делать? Смотря какую цель имеет эта автобиография. Может быть, это уже не исповедального типа цель. На кого она направлена? Она направлена, в первую очередь, на самого себя и на осмысление самого себя как философа, места в философии как участника философского дела. Или же в автобиографии важен элемент реакции на неё со стороны читателей. Реакция, опять же, не с точки зрения «Ой, какой ты хороший философ», «Ты всем философам философ», «Таких философов не было», а с точки зрения того, что он хочет что-то вызвать у них, спровоцировать.

Аванесов С. С.: Писатель же всегда имеет в виду читателя?

Светлов Р. В.: Да. Но он может иметь его в виду по-разному. И может спровоцировать на какие-то вещи: возмутиться, заинтересоваться, побежать проверять, а так ли это было, поиздеваться над ним он, может быть, хочет. И это, видимо, некоего другого жанра автобиографии. Так, к слову, Стенли Розен тексты Платона читает. Якобы тот над нами издевается, подсмеивается, провоцирует и так далее.

Аванесов С. С.: Хорошо. Скажите, как по-Вашему, какими целями может быть мотивировано написание автобиографии? Вот мы заговорили о возможном читателе. Но автор собственной биографии, он же как-то для себя подразумевает того, на кого он ориентирует этот текст? Его мотивация может быть связана с предположением о том, что его текст будет читать *кто-то*? Его потомки (то есть дети, внуки), либо философское сообщество, либо любой читатель? Это как-то влияет на то, что он пишет, в конце концов, на его мотивацию?

Светлов Р. В.: Ещё раз. На мой взгляд, автобиографию нужно писать (хотя я не знаю, я не уверен, нужно ли её писать в принципе) тогда, когда ты понимаешь, что тебе нужно писать автобиографию. А когда ты понимаешь, что тебе нужно писать автобиографию? Я сейчас только фантазирую, поскольку я не писал и, значит, стремления такого не испытывал. Очевидно, вариантов два. Первый, я бы назвал, площадной, как, помните, первая Афродита у Платона. Площадной вариант, это когда я почувствовал, что уже определённого рода значимость получил в глазах общественности и закрепляю её такого рода автобиографией. А второй вариант – от другой Афродиты: когда я понимаю, что без этой автобиографии я не разберусь в том, что такое философия. Ни в самом себе, ни в философии. Когда это происходит, когда такого рода вещи происходят, тогда... В общем, на самом деле, читателю это и не важно. Но мы всё равно ориентируемся на читателя, чтобы хотя бы он понял. Поэтому предполагать, что будет читатель (земной или небесный) – это существенно. Все остальные опции (например, спровоцировать, заинтересовать) – это уже как дополнительные, факультативные в этом деле.

Аванесов С. С.: А может ли написание автобиографии быть мотивировано, так скажем, педагогическими целями, назидательными? Например, я пишу не о том, чтобы сообщить кому-то о важности собственной персоны, и даже не для того, чтобы состояться в качестве философа, потому что без этой рефлексии, допустим, я не состоюсь, но я могу чувствовать педагогическую какую-то потребность: поделиться, наставить, как тот же Сенека?

Светлов Р. В.: Да, вполне возможно.

Аванесов С. С.: Тогда появляется такая, понимаете, уже не эгоистическая мотивация, а наоборот – альтруистическая.

Светлов Р. В.: Я бы не сказал, что в первом случае она эгоистическая. Эгоистическая мотивация – это когда я автобиографией застолблю своё место в обществе, в истории, в философском процессе.

Аванесов С. С.: Когда памятник себе создаю.

Светлов Р. В.: Да, памятник нерукотворный. Точнее, рукотворный – я же пишу или на компьютере набираю. А педагогическая – да, вне всякого сомнения, тоже может быть.

Аванесов С. С.: Если человек взялся писать собственную автобиографию, не возникает ли здесь для него такая, условно говоря, опасность? Поскольку он становится персонажем текста (неважно, собственного ли текста, в данном случае – собственного текста), не начинает ли он приобретать черты, так сказать, лирического героя? Не отделяется ли он от себя самого пишущего и не превращается ли он в персонажа этого текста?

Светлов Р. В.: Конечно. Это самая главная опасность, которая, на мой взгляд, даже в самых замечательных автобиографиях присутствует. Та же самая ситуация, тот же самый Сенека. «Письма к Луцилию» – это не автобиография, безусловно, с формальной точки зрения, а во многом и с неформальной.

Аванесов С. С.: Это эпистолярный жанр, в котором есть элементы...

Светлов Р. В.: Эпистолярный жанр с дидактическим элементом. Но поскольку дидактический элемент есть, то кто яв-

ляется самым лучшим примером? Я сам, моя история. Вот он уже в возрасте, Сенека.

Аванесов С. С.: Жизнь превращается в набор примеров, которые он может приводить ученикам.

Светлов Р. В.: Да-да-да. И, более того, она связана ещё, сцеплена с набором моральных примеров, заимствованных из прошлой философии, стоической, и не только стоической. Такая усталая аристократическая мудрость. Мудрая, но уставшая античная философия, и всё пропущено через себя, действительно, через Сенеку. Но, вместе с тем, начинается своего рода превращение себя в литературного героя, такое литературное кокетство. Вы помните, когда он говорит: «Вот эти древние мужи добра, вот они те самые, которые... А я – всего лишь указатель на дороге, который показывает, куда надо идти». Когда слабость начинает восприниматься читателем с каким-то умилением и так далее. И здесь такая угроза существует, вне всякого сомнения.

Аванесов С. С.: Не кажется ли Вам, что даже в этом смысле, когда автор как бы работает на некие педагогические цели и пишет о себе с какими-то альтруистическими целями, он, тем не менее, проявляет кокетство и, таким образом, может быть, нескромность какую-то. Но не является ли скромность добродетелью философа? И не нарушает ли он эту добродетель, если начинает о себе повествовать как о таком персонаже, который достоин внимания читателя?

Светлов Р. В.: И способен научить.

Аванесов С. С.: Не нарушается ли здесь какой-то аскетический принцип философии?

Светлов Р. В.: Здесь, с одной стороны, действительно нарушается. И, повторяю ещё раз, автобиография как некое литературное произведение – это и жесты, это и претензия определённая. Что меня несколько и смущает всегда. При всём том, что таковы многие произведения европейской истории философии, Монтень тот же самый – конечно, без Монтеня мы вообще мало что в жизни поймём, если его не почитаем. Но, с другой стороны, говорить о том, что скромность – это

добродетель философа, неверно, на мой взгляд. На нынешнем фазисе развития философии, особенно в России, это неправильно. Иначе мы забудем с вами урок Сократа – досужего, совсем не скромного, хотя и знающего, что он ничего не знает Сократа. Без такого рода позиции (активистской) философия, собственно, всегда будет, так сказать, вытесняться в башню из слоновой кости (или из чёрного дерева, как её ещё называют). Что и происходит регулярно с классическими для своей эпохи видами философского дискурса. Поэтому активизм обязателен, и самопрезентация обязательна. Но самопрезентация не для того, чтобы показать, что он такой красивый, вот он литературный персонаж и так далее, а презентация себя в роли эксперта.

Аванесов С. С.: Вы говорили, что Плотин как раз уходил от всяческой самопрезентации. Мне кажется, что и Бахтина можно привести в качестве примера такой вот гипертрофированной скромности.

Светлов Р. В.: Плотин скромнен в рассказе о себе. Но Плотин нескромнен в рассказе о философии, в требовании к слушателям, к ученикам. Понимаете?

Аванесов С. С.: Понятно, да.

Светлов Р. В.: Да, и вообще, ещё секундочку. Конечно, Плотин скромным человеком не был, безусловно.

Аванесов С. С.: Ну, он не был скромным в том смысле, что он вещал от имени истины.

Светлов Р. В.: Да.

Аванесов С. С.: Но при этом сам он, как Сенека, был указателем, он был рупором.

Светлов Р. В.: Да-да-да.

Аванесов С. С.: Сам он исчезал из поля зрения.

Светлов Р. В.: Да, я согласен.

Аванесов С. С.: И в этом смысле он был скромнен – как отдельный персонаж, как индивид.

Светлов Р. В.: Согласен.

Аванесов С. С.: Хорошо. Может ли философская автобиография быть исчерпывающей? В каком случае она может быть

признана таковой? Ведь биография философа, пишущего собственную биографию, продолжается.

Светлов Р. В.: Значит, испытывающей быть не может. Здесь я полностью с Вами согласен.

Аванесов С. С.: Если содержание автобиографии – это биография автора, а биография философа не заканчивается с его смертью и поэтому никогда не может оказаться в полном распоряжении самого пишущего собственную биографию, то как он вообще может претендовать на написание автобиографии, если он философ? Если не философ – может претендовать. А философ? Может ли он тогда претендовать на написание собственной биографии?

Светлов Р. В.: Ещё раз скажу, автобиографию нужно писать тогда, когда появляется абсолютное, ничем другим не насыщаемое желание написать автобиографию.

Аванесов С. С.: Но мы же можем сказать: «тогда этот человек, у которого появилось такое желание, – не философ» или «этот человек не обладает философской скромностью, он тщеславен». Нет, не можем так сказать?

Светлов Р. В.: Но мы же с Вами договорились, что это страстное желание, вызванное не тщеславием. Предположение, с точки зрения презумпции его невиновности. А он хочет вот такого рода... Он понимает, что без этого его занятия философией не полны, не консистентны, вот этого не хватает. При этом он осознаёт, что он ещё лет 5, 10, 20, 30 проживёт, и, понятно, что всё может поменяться.

Аванесов С. С.: Наверное.

Светлов Р. В.: Наверное, проживёт. Но пока сейчас ему нужно это сделать, потому что без этого дела он не может...

Аванесов С. С.: Идти дальше.

Светлов Р. В.: Или вишенку на торт положить не может. Разные варианты могут быть. С этой точки зрения, вообще, вот так абстрактно говоря, конечно же, автобиография вполне уместна. Но это тогда, как сегодня уже говорилось, «философское селфи» определённое. В определённый момент времени и в определённом месте.

Аванесов С. С.: В принципе, автобиографий может быть много.

Светлов Р. В.: Конечно.

Аванесов С. С.: Потому что после написания автобиография, после того, как мы поставили точку, если биография философская продолжается, то возникает новый материал для написания...

Светлов Р. В.: Как у Фихте. Сколько у него было версий «Наукоучения», помните? Почему нет? В чём права современная эпоха? В том, что субъекты, субъективность – это не то всё-таки, что мыслится в традиционном картезианском духе (это я говорю безотносительно к проблеме дуализма и так далее), а это то, что постоянно самособирается, постоянно устанавливает некие места своей сборки, которая с течением времени, с течением жизни меняется. Поэтому да, конечно, в принципе потенциально может быть целая серия автобиографий.

Аванесов С. С.: И если исходить из того, что настоящая биография философа начинается после его смерти, иногда – сильно позже его смерти, в таком случае как мы должны расценивать ту автобиографию, которую он, допустим, успел написать при жизни?

Светлов Р. В.: В каком смысле «как можем оценивать»?

Аванесов С. С.: Это некий текст, из которого мы действительно можем почерпнуть некоторые сведения о его биографии? Либо, если мы стоим на радикальной позиции, состоящей в том, что биография его началась после его смерти, то есть *после* написания его автобиографии, то мы как должны относиться к самому этому тексту автобиографии?

Светлов Р. В.: Из автобиографии мы можем почерпнуть некоторые важные вещи для его биографии – той биографии, как она протекала внутри него.

Аванесов С. С.: Да, внутренней.

Светлов Р. В.: Внутренней биографии, внутренней судьбы. И именно это нужно иметь в виду. Там будут детали касательно внешней стороны, безусловно, важные. Но самое главное и важное – это то, как он видел самого себя в этой жизни. Вот точка доступа к реальности, какая была в тот момент.

Аванесов С. С.: И от этого, наверное, сильно зависит то, какая у него будет посмертная биография. От того, как он сумел высказаться тогда о себе, как он состоялся в том тексте.

Светлов Р. В.: Да. Или же его принципиальное отношение к биографии, к описанию себя – от этого действительно очень зависит его будущая биография.

Аванесов С. С.: Хорошо. Я Вас искренне благодарю за откровенный разговор.

Светлов Р. В.: И Вам спасибо.

ГРИГОРИЙ ЛЬВОВИЧ ТУЛЬЧИНСКИЙ

«ВСЁ, ЧТО ГОВОРIT И ДЕЛАЕТ ФИЛОСОФ – ЕГО ЛИЧНЫЙ АВТОПРОЕКТ...»¹

Смирнов С. А.: Григорий Львович, я предварительно Вам присылал реперные вопросы для ориентации. Мне бы хотелось, чтобы наш разговор был не в жанре формального пинг-понга, а в жанре разговора-размышления. Лично для меня это вопрос не праздный – когда

и почему вдруг философ начинает писать свою автобиографию? Ведь до сих пор она воспринимается как такое украшение, вишенка на торте. Главное же – его сочинения. Хайдеггер так и отвечает, что биография вся между датами. Родился – тире – помер. Поэтому давайте теперь обсуждать сочинения.

Тулъчинский Г. Л.: Ещё женился.

Смирнов С. А.: Женился, детей родил, уехал-приехал, развёлся. В общем, вся его частная жизнь. Но потом всё равно помер. Воспринимают автобиографию почему-то как воспоминание о своей частной жизни, с разной степенью объективности, субъективности, правды, неправды, лжи, умысла. Сразу возникает соблазн замочной скважины и так далее.

Но, мне кажется, что это не про то. С таким же успехом можно писать автобиографию врача, учителя, дворника – кого угодно. Вроде, не про это. А, вроде, про то, что автобиография философа начинается не сразу, не тогда, когда он родился, и не заканчивается, когда он умер, вообще-то говоря. Вы вот как, Григорий Львович, уже начали писать свою философскую автобиографию?

Тулъчинский Г. Л.: Тут есть два хитрых момента. Первый момент: философ свою автобиографию пишет с момента...

¹ Разговор записан 31 августа 2019. Интервью провел С. А. Смирнов.

Смирнов С. А.: С рождения?

Тульчинский Г. Л.: С момента осознания себя как философа. И всё то, что он говорит и делает, – это, в общем-то, его автобиография, его личный автопроект, который он реализует.

Смирнов С. А.: То есть, строго говоря, он её даже не пишет – он сначала действует, и этими действиями он её и пишет.

Тульчинский Г. Л.: Ну, конечно. Даже само писание – это и есть действие.

Смирнов С. А.: Да, это и есть действие.

Тульчинский Г. Л.: Даже если он молчит, это тоже действие.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Даже если что-то замалчивает, как тот же Хайдеггер.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Это по большому счету.

Смирнов С. А.: Так.

Тульчинский Г. Л.: Но есть те, кто, действительно, пишет специальную такую философскую автобиографию. Представляют из своей жизни некий текст, который имеет смысл только на момент его написания, а потом он как бы превращается в некий артефакт, который начинает жить своей жизнью и обрастает какими-то комментариями, опять же – комментариями на молчание и на всякие другие вещи.

Смирнов С. А.: Это потому что он её придумал.

Тульчинский Г. Л.: Ну да. Это же нарратив.

Смирнов С. А.: Да, это нарратив. И когда мы обсуждаем её как некий жанр, как литературный текст...

Тульчинский Г. Л.: Один из философских нарративов. Философская наррация ведь очень многообразна.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Это и односложия, это и байки, это и романы, и притчи, и комментарии к ним как некие компендиумы, и вырастающие из этих компендиумов некие системы. В конце концов, и поступок, и жизнь человека рефлексирующего – тоже есть некий философский текст, который по-

том интерпретируется. На эту тему можно говорить много. Но, в узком смысле, есть канонические тексты, которые действительно можно рассматривать как автобиографию.

Смирнов С. А.: Например?

Тульчинский Г. Л.: Ну, например, Августин.

Смирнов С. А.: Но исповедь – это всё-таки тоже один из жанров, не обязательных для автобиографии.

Тульчинский Г. Л.: Это форма скриптизации своего бытия, его осмысления, рефлексии. И, если Вы спрашиваете меня, то у меня есть такой давний проект. Он частично реализован.

Смирнов С. А.: «Истории по жизни»?

Тульчинский Г. Л.: Но я бы не сказал, что это автобиография. Проект называется «Опыт персонологической систематизации». Если Вы внимательно смотрели «Истории по жизни», там есть такой подзаголовок. И на самом-то деле заголовок был именно этот, а «Истории по жизни» – это одна из форм.

Смирнов С. А.: Одна из форм.

Тульчинский Г. Л.: Одна из форм. Потому что вторая форма у меня созревает – «Мои люди». Это люди, которые сыграли какую-то существенную роль в моей жизни: кто-то – как помощник, кто-то – как некий посредник, этаким Вергилий, кто-то – как якобы враг (или думает, что он противник и враг).

Смирнов С. А.: И в Вашей жизни был Вергилий?

Тульчинский Г. Л.: Лично у меня «вергилиев» было несколько.

Смирнов С. А.: Несколько.

Тульчинский Г. Л.: Люди, которые помогли перейти из одного жизненного круга в другой. Есть учителя, есть помощники... У меня уже сложилась целая систематизация таких «моих людей». А про «Истории по жизни» некоторые думают, что это моя автобиография, воспоминания.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Ничего подобного. Я никогда не вёл ни дневников, ни чего-то подобного. Это просто личностное предание, некие личностные байки, которые каждый из

нас рассказывает незнакомым людям в период знакомства, ухаживания, в больничке, в купе поезда. Такие «истории по жизни», слегка funny, слегка смешные, слегка поучительные, но они должны описывать некие жизненные ситуации, в которые человек попадал либо попадали его близкие люди. И такие истории всегда рассказываются «по случаю», применительно к каким-то жизненным ситуациям.

Смирнов С. А.: А вот К. С. Пигров в своей статье, размещённой в подборке материалов по скриптизации² написал: вот Тульчинский рискнул, подставился – и его часть общества подвергла остракизму. Я сильно удивился. В его тексте так написано.

Тульчинский Г. Л.: Остракизма не заметил. Правда, судился с одним странным человеком.

Смирнов С. А.: А, даже так. Судился даже?

Тульчинский Г. Л.: Это было, да. Но тот человек ничего не выиграл. Самое-то главное – это именно личностное предание. Это не биографические данные, это такое легендирование. Потому что с каждым новым рассказом он отшлифовывается, рассказывается чуть по-другому.

Смирнов С. А.: Также добавляется отношение к этому рассказу.

Тульчинский Г. Л.: Конечно, это же мнения. Это не факты.

Смирнов С. А.: Да, это не факты.

Тульчинский Г. Л.: И я бы сказал, что опыт с «Историями по жизни» мне существенно помог. Он реально прочистил некоторые отношения, я кое-что про себя понял немаловажное. Но я бы не сказал, что это автобиография, тем более – философская.

Смирнов С. А.: Так.

Тульчинский Г. Л.: То есть это совершенно другой жанр.

Смирнов С. А.: Это другой жанр.

Тульчинский Г. Л.: Другой. Поэтому я бы вернулся к широкому смыслу Вашего вопроса о философской автобиографии.

² См.: Пигров К.С. Скриптизация авось-бытия, или апология интимного дневника // Философские науки. 2008. № 8. С. 98–106.

Что делает философ? Он, в общем-то, в конечном счёте, реализует свою как-то осмысленную жизнь. И всё не кончается с окончанием текстов, постановкой точки и даже – с уходом из жизни. Процесс продолжается. На похоронах и поминках я обычно говорю близким, что человек не умирает один раз, но он продолжает жить в памяти других людей, и жив до тех пор, пока его помнит хотя бы один человек.

Смирнов С. А.: Но он и рождается не один раз.

Тульчинский Г. Л.: И рождается не один раз.

Смирнов С. А.: Тем более, как автор он же может рождаться тоже разным и быть разным.

Тульчинский Г. Л.: И вообще, мы живём и продолжаем жить непрерывно меняясь и переосмысляя прожитое. А то, не дай Бог, напишешь автобиографию, а пройдет год или дня три – и ты уже на то, что произошло, по-другому смотришь.

Смирнов С. А.: По-другому. В этой связи Вы можете вспомнить своё первое рождение как философа?

Тульчинский Г. Л.: Как философа? Ну, что-то можно такое вспомнить. Но это, опять же, будет...

Смирнов С. А.: Естественно, это будет Ваше легендирование.

Тульчинский Г. Л.: Это мое легендирование.

Смирнов С. А.: Ну, понятно. Это же не метрики.

Тульчинский Г. Л.: Если бы мне кто-нибудь сказал ещё в техникуме, который я заканчивал, о том, что я буду работать лектором, что буду писать что-то, что буду связан с философией, я бы в глаза плюнул этому человеку. Потому что меня и в школе, и в техникуме даже к доске не вызывали. Потому что я жутко заикался. И поэтому, чтобы я горлом зарабатывал деньги – это невозможно было себе представить.

Смирнов С. А.: Но Вы ещё не знали, что это лечится? Или как?

Тульчинский Г. Л.: Меня лечили, в том числе, методом Дубровского³.

³ Дубровский Казимир Маркович (1892–1975) – отечественный психолог, психотерапевт. Разработал авторскую методику лечения заикания, включая «Ме-

Смирнов С. А.: Какого?

Тульчинский Г. Л.: Это тот метод, который показан в первых кадрах «Зеркала» у А. Тарковского.

Смирнов С. А.: У Тарковского? А, «Я могу говорить», первые кадры фильма. Замечательно совершенно.

Тульчинский Г. Л.: Меня лечили этим методом. Всю группу вылечили, меня – нет. Мне сказали, что я не поддаюсь лечению.

Смирнов С. А.: Вот так. Значит, только самотренаж...

Тульчинский Г. Л.: Нет, про заикание – это отдельная история.

Смирнов С. А.: Это отдельная история.

Тульчинский Г. Л.: Да. Потому что в какой-то момент я понял, что не заикаюсь, когда с кем-то ругаюсь.

Смирнов С. А.: Да, это психологическое что-то.

Тульчинский Г. Л.: И я стал себя настраивать вести как-то так...

Смирнов С. А.: Через самокоррекцию поведения...

Тульчинский Г. Л.: Да. Даже близкие мне говорили: «Ты убери напор. Ты чего бочку катишь?» Я говорю: «Я никуда никакой бочку не качу. Просто это стилистика общения». Легкое заикание осталось с тех пор. Но мне ещё помогла наша театральная студия в техникуме.

Смирнов С. А.: Да, это хорошая вещь.

Тульчинский Г. Л.: Очень сильно помогла.

Смирнов С. А.: Речевые упражнения...

Тульчинский Г. Л.: И эта студия вообще сыграла важную роль этакое триггера. Появился серьезный интерес к театру, драматургии. После вторых питерских гастролей театра на Таганке образовалась большая группа интересующихся современным искусством, художественными практиками... Но это отдельная история. Кстати, описанная в «Историях по жизни».

Смирнов С. А.: Это с тем составом «таганковским»?

Тульчинский Г. Л.: Конечно. Мы стояли три ночи. К нам приходил В. Золотухин. Мы пели песни. Стояли в живой очереди за билетами две ночи. А когда касса открылась, нас бортанули, билеты продавали по каким-то спискам. На вторую декаду мы обнесли крыльцо ДК Первой пятилетки туристским канатом.

Смирнов С. А.: Вот так.

Тульчинский Г. Л.: Да. И жестко стояли. Приехало отделение милиции, с которым я потом дружил, и устроили совещание в кабинете у директора, чтобы билеты продавали в порядке живой очереди. И мы следили за порядком продажи. А поскольку мы уже столько дней вместе тусовались, написали манифест Клуба любителей высших интересов и пришли с ним в горком комсомола.

Смирнов С. А.: А-а. Замечательно.

Тульчинский Г. Л.: Мы попали на очень приличного человека. Он сказал: «Ребята, только не это. Езжайте в ДК им. Ленсовета. Там нужно делать клуб любителей театрального искусства». И вот мы сделали клуб любителей театрального искусства, а уже потом много чего было, от нас потом отпочковались два киноклуба, театр «Суббота». Наш клуб существовал достаточно долго, несколько лет. Всё это как-то стимулировалось. Кроме того, надо мной не довела армия.

Смирнов С. А.: Ага.

Тульчинский Г. Л.: По ряду причин. Кроме того, я уже был женат, у меня уже ребёнок был. Я не спешил. Параллельно я закончил курсы молодого журналиста в газете «Смена». Писал уже, публиковался. Но понял, что в журналистику приходят кем-то и откуда-то, и на факультет журналистики идти не интересно. Как-то ехал на дачу, которую мы снимали в Сосновом, к жене с дочкой, тогда малышкой. Вагон был пустой, я стоял у открытого окна и в какой-то момент понял, что я философ, и надо идти на философский факультет.

Смирнов С. А.: А-а. То есть были какие-то представления о том, что моё, а что не моё ...

Тульчинский Г. Л.: Да, больше никуда идти не надо. И всё. Поэтому своё философское рождение я, условно, конечно, но идентифицирую как вот эту сцену в пустой электричке.

Смирнов С. А.: Хорошо. Ну, и первый Вергилий появился там, в университете, собственно, по философии?

Тульчинский Г. Л.: А там тоже отдельные сюжеты. На дневное-то меня не взяли. Там были такие «вергилии». На вступительном экзамене мне достался билет по истории, в котором было что-то про Древнюю Русь и историческое значение XX съезда КПСС. Это был 1968 год, лето 1968 года. Значит, два экзаменатора. Я начал с исторического значения XX съезда. Как умная Маша с вымытой шеей, начал с Ленинградского дела. Чувствую, у одного экзаменатора заgrimas наливается, наливается, и в какой-то момент он начинает кричать на меня: «Вы хотите сказать, что историческое значение XX съезда заключается только в том, что партия осудила культ личности?». Но я уже понял, что к чему, и говорю: «Да нет, там же и директивы к пяти-летнему плану были приняты». «Так с этого и надо было начинать!». Про Древнюю Русь я ответил. Мне поставили «пятерку». Набрал проходной балл. Но на собеседовании мне сказали, что у меня нет отработки после техникума, двух месяцев не хватает. Хотя у меня была справка из Института профтехзаболеваний о том, что я не могу работать конструктором – у меня слезы текут. А мне говорят: «Нет. Вы должны хоть дворником, но отработать». Спрашиваю: «И что делать?». Они говорят: «Идите на вечернее». Я говорю: «А перекинуть документы нельзя?» – «Нет. Сдавайте по новой». – «А когда экзамен?». – «Завтра». И я повторно сдавал экзамены, поступил на вечернее. После первого семестра меня рекомендовали на дневное. Но меня не перевели. После второго семестра я снова подавал. Меня не перевели. После первого семестра второго курса я тоже подавал на дневное. Меня не перевели. Других – переводили, меня – нет. И в какой-то момент, а я тогда курил, мы в курилке стояли вместе с преподавателем, который был замдекана по работе со студентами. И он сказал: «Эх, Тульчинский, Тульчинский, был бы ты член партии, был бы ты на дневном». Я говорю: «А что та-

кое?» – «Ты сдавал вступительный экзамен заводу пропаганды и агитации горкома КПСС».

Смирнов С. А.: И он вручил «черную метку».

Тульчинский Г. Л.: И он оставил своей личной рукой записи: «Нам такие не нужны». Ну, вот и всё.

Смирнов С. А.: Понятно.

Тульчинский Г. Л.: У меня уже ребёнок второй пошёл, и я плюнул на это дело и заканчивал вечернее. Такая группа «вергилиев» мне помогла сориентироваться. А самое главное – на собеседовании меня спрашивали: «Зачем Вы пришли, что вас интересует в философии?». Я говорю: «Да много чего: проблемы сознания, философия естествознания». Говорят: «А что именно?» – «Ну, вот, например, происхождение нефти – органическое или неорганическое?». Уже тогда понял, что земля сочится нефтью – куда ни ткни, только на разной глубине.

А на втором курсе у меня как-то сложилось с логикой, и, помню, мы ходили с преподавателем математической логики Борисом Ивановичем Фёдоровым по коридору часа два. И он завербовал меня на логику. Борису Ивановичу я многим обязан. На втором же курсе он помог с читательским билетом в библиотеку Академии наук. И я сидел в библиотеке Академии наук и мог брать на дом то, что не в спецхране. Это было просто замечательно для студента-вечерника. И потом, когда у меня была проблема с изданием монографии (тоже отдельная тема), он мне помог в этом плане сориентироваться. Поэтому есть люди, которым я по гроб жизни обязан. И Борис Иванович в этом плане – один из первых.

Смирнов С. А.: Хорошо. Значит, что получается. У философа автобиография не сочиняется задним числом, а...

Тульчинский Г. Л.: Нет, ну почему же, кто-то сочиняет.

Смирнов С. А.: Пускай. Но мы понимаем, что она уже делается его же действиями. Он в этом смысле поступками её уже создаёт. Другое дело – понимает ли он, что создаёт, какие поступки совершает. В этом смысле можете ли Вы вспомнить свой первый философский поступок?

Тульчинский Г. Л.: Первый философский поступок. Фило-

софский именно, да? Ну, первый – это то, что я понял, что я философ.

Смирнов С. А.: Это я понял.

Тульчинский Г. Л.: Второй – когда я понял, что надо идти на логику. Дальше, если говорить о философских каких-то поступках, это когда я по окончании университета прошерстил все 36 вузов в Питере в поисках работы.

Смирнов С. А.: 36 вузов в Питере?

Тульчинский Г. Л.: Тогда было. И понял, что мне там не работать. Один из заведующих кафедр в какой-то момент за-тащил меня в свою выгородку (где у него такой кабинет был) и говорит: «А теперь скажите честно, Вы еврей или нет?» Я сказал: «Ну, мать у меня – русская, папа – еврей, инвалид Великой отечественной войны».

Смирнов С. А.: А почему это так значимо было для него? И что?

Тульчинский Г. Л.: А это было то время.

Смирнов С. А.: Вот эта графа ещё играла.

Тульчинский Г. Л.: Да. «Вы, говорит, поймите меня правильно». Я говорю: «Я Вас прекрасно понимаю». В другом случае, когда меня завкафедрой брал, он послал меня к инструктору райкома партии. И эта дама мне сказала, выйдя в коридор: «Вы, Григорий Львович, с Исааком Александровичем работать не будете». И вот тогда я ушёл работать в Ленокеанрыбфлот.

Смирнов С. А.: Ленокеанрыбфлот?

Тульчинский Г. Л.: Да. Это база торгового флота в Питере была.

Смирнов С. А.: Это поступок. После философского факультета.

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: Замечательно. И что?

Тульчинский Г. Л.: Из меня там стали потихоньку готовить...

Смирнов С. А.: Какого-то такого руководителя?

Тульчинский Г. Л.: Начальника отдела труда и заработной платы с перспективой на зама по экономике.

Смирнов С. А.: Ясно.

Тульчинский Г. Л.: Когда меня брали, я сказал, что много кем работал, но у меня нет опыта в экономике и радиоэлектронике. Мне сказали: ну, тогда у Вас ещё много чего впереди. А я уже в какой-то момент думал выкинуть все книжки по философии. Но не выкинул.

Смирнов С. А.: И правильно.

Тульчинский Г. Л.: Но это ещё не совсем поступок – просто руки не дошли и немного жаль было. А вот, если Вас интересует конкретный философский поступок... Закончил я факультет с рекомендацией в аспирантуру, но тогда вся аспирантура была целевая – от организации, реального или потенциально-го места работы. А я работал не по специальности.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Тогда я ещё по привычке два раза в неделю ездил в БАН (библиотеку Академии наук) и обедал в университетской столовой. И вот, стою я в очереди, а где-то сзади меня, человек через десять, замечая Асю Филипповну Чернову, которая отвечала за работу с аспирантами на философском факультете. Она мне и оформляла ту рекомендацию в аспирантуру. Я пригласил её встать впереди меня. Это и оказался мой философский поступок. Мы с ней разговорились. Она говорит: «И как у тебя дела?» Я говорю: «Никак. Думаю, эту рекомендацию ламинировать и в туалете повесить». Она говорит: «А почему?». Я говорю: так и так. Она говорит: «Собери все документы и отнеси в отдел аспирантуры университета». Я говорю: «Ну, и что?» – «Ну, скажи, что я тебе сказала, чтобы ты отнёс». И я отнёс. Мне сказали: «Всё. Ждите приказа». Я говорю: «Приказа о чём?» – «О зачислении». Меня зачислили соискателем для сдачи кандидатского минимума. А диссертация у меня, в принципе была – моя дипломная работа.

Смирнов С. А.: Да. Сдал экзамены – и на защиту.

Тульчинский Г. Л.: Да. Вот таким образом я оказался студентом-заочником, аспирантом-соискателем. И благодаря Асе Филипповне я получил доступ к защите кандидатской.

Смирнов С. А.: А кандидатская у Вас была по...

Тульчинский Г. Л.: По логике.

Смирнов С. А.: А логика какая? В те годы ещё гремел А. А. Зиновьев в Москве? В те годы-то были властители дум в Москве – Э. В. Ильенков, А. А. Зиновьев. А здесь в Питере как? Или здесь была своя песня?

Тульчинский Г. Л.: У нас тоже свои были. В Москве ещё был Владимир Александрович Смирнов.

Смирнов С. А.: Да. П. В. Копнин был в Киеве.

Тульчинский Г. Л.: И в Новосибирске уже был В. В. Целищев. Валентин Фердинандович Асмус, когда приезжал в Питер (я это опубликовал, кстати), рассказывал такую историю, что у него учебник по логике вышел в 1947 (или 1948 – не помню), а в 1951 за ним приехали.

Смирнов С. А.: Воронок?

Тульчинский Г. Л.: Да. Он взял корзиночку, которая была у него приготовлена. Его повозили по Москве, привезли.

Смирнов С. А.: И вернули?

Тульчинский Г. Л.: В Кремль. И вышел к нему Иосиф Виссарионович и говорит: «Вы профессор Асмус?» Он говорит: «Да». – «Говорят, Вы написали книгу по логике». Он говорит: «Да». – «У меня к Вам просьба, профессор, научить логике Политбюро и Совет министров. А то они говорят «значит», а это ничего не значит. Они говорят «следует», а это ниоткуда не следует». И Асмус его спросил: «А какой логике учить, Иосиф Виссарионович?» Он говорит: «Как какой логике?». Асмус говорит: «Ну, есть же диалектическая логика, формальная логика, математическая логика». А Сталин показал на лежавший у него на столе учебник Г. И. Челпанова по логике для духовных семинарий, такой, потрёпанный...

Смирнов С. А.: Сталин читал Челпанова? Очень интересно.

Тульчинский Г. Л.: «Не знаю, профессор. Я знаю вот эту логику. Этой логике и учите». И Асмус читал спецкурс для Совмина и Политбюро, после чего была введена логика в средней школе. А после смерти Сталина её опять отменили.

Смирнов С. А.: Это в те годы Г. П. Щедровицкий преподавал логику в школе, как раз в этот период попал⁴.

⁴ Ещё будучи студентом, Г. П. Щедровицкий начал преподавать логику, психологию и физику в школе. Он работал школьным учителем в 1951 – 1958 г. г.

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: Интересный эпизод. Не знал, что Сталин читал Челпанова. Ну, это же очень интересный эпизод.

Тульчинский Г. Л.: Сталин много чего читал. А диссертация была по логической семантике формализованных языков науки.

Смирнов С. А.: Да. Хорошо. Так. Тогда на фоне личной жизни...

Тульчинский Г. Л.: Там ещё были какие-то философские поступки.

Смирнов С. А.: Вы можете назвать свой первый философский авторский текст, где Вы поняли, что рождается автор Тульчинский? Ну, так про себя, может быть, или это уже...

Тульчинский Г. Л.: Самый первый текст, самый мой первый опубликованный текст? Но до этого у меня были некие такие «почеркухи».

Смирнов С. А.: Ну, да. Мы же всегда тренируемся.

Тульчинский Г. Л.: «Почеркухи» до публикаций я думал даже опубликовать в качестве третьей части «Опыта персологической систематизации». А первая публикация была в сборнике «Типы в культуре», который издал Лев Самуилович Клейн. Это вообще замечательный человек, уникальнейший учёный, археолог. У него где-то лет 5 назад вышла книга большая под названием «Трудно быть Клейном». Но о Клейне нужно отдельно говорить. И я, ещё будучи студентом, когда тот же Борис Федоров, который был его учеником в школе, посоветовал меня Клейну, которому нужен был логик для участия в его научных семинарах, и я помогал ему в организации научной конференции «Типы в культуре». И делал там доклад с опорой на эпистемическую логику, логическую семантику модальных систем. А когда вышел сборник с материалами конференции, мой отец спросил: «Что, тебя здесь ругают?». Я говорю: «А что такое?» – «Ну, такое название: Типы в культуре».

Смирнов С. А.: Типажи, да. Типчики.

Тульчинский Г. Л.: Это был абсолютно первый текст. А второй текст – был депонированный. Я уже работал почта-

совиком в Институте инженеров водного транспорта. И Анатолий Соломонович Кармин взял меня в свой сборник. И там у меня была статья как раз по философской интерпретации.

Смирнов С. А.: Ну, это уже пошли свои публикации.

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: У Вас в соавторах постоянно значится Эпштейн.

Тульчинский Г. Л.: Не столько соавтором, сколько мы вместе реализуем некоторые проекты.

Смирнов С. А.: В последнее время.

Тульчинский Г. Л.: Ну, не в последнее, а как-то мы...

Смирнов С. А.: Ну, достаточно давно уже. С Проективного словаря?

Тульчинский Г. Л.: Нет.

Смирнов С. А.: Ещё раньше?

Тульчинский Г. Л.: Мы с Михаилом раньше были знакомы. Мы же два «параллельщика». Я же был в «параллельной культуре» в Питере, а он был в андеграунде в Москве. Близко мы познакомились с ним на конференции, которую проводили два этих сообщества при помощи ещё живой тогда Лидии Яковлевны Гинзбург, при участии Вячеслава Всеволодовича Иванова. Михаил тогда второй раз приезжал. До этого проводил семинары в Питере. У нас Борис Гройс ещё только-только уехал. Татьяна Горичева, по-моему, только-только уехала. Ещё О. Свиблова не была замужем в Париже. Контекст был довольно хороший. Вот тогда мы с Мишей и познакомились.

Смирнов С. А.: Замечательно. А у Вас не было искушения уехать? Ну, он уехал. Ладно.

Тульчинский Г. Л.: Нет. Михаил не хотел уезжать.

Смирнов С. А.: А, его заставили? Вынужден был?

Тульчинский Г. Л.: Михаил уезжать не хотел.

Смирнов С. А.: Так получилось.

Тульчинский Г. Л.: Нет. Это жена и теща.

Смирнов С. А.: А, жена. Это отдельная история. Ладно. Это их семейные дела. А у Вас не было соблазна? Просто так в жизни складывалось ...

Тульчинский Г. Л.: Я был не выездной. И потом, у меня семья.

Смирнов С. А.: Вы были ещё и не выездной.

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: В смысле из-за...

Тульчинский Г. Л.: У меня двое детей уже были, на руках четверо стариков. И потом, я врос в русский язык и русскоязычную культуру.

Смирнов С. А.: Да. Без языка невозможно. Но, несмотря на это, всё-таки Вы в русской культуре оседлый или кочевой автор?

Тульчинский Г. Л.: Я вопрос не понял.

Смирнов С. А.: Ну, кто-то себя осознаёт таким постоянным кочевником, который меняет места обитания, места работы, способы мышления, способы жизни, уклады. А есть кто-то оседлый, который сел на всю жизнь и сидит.

Тульчинский Г. Л.: Нет, есть люди, которые просто сидят и сидят. А есть люди, которые как-то развиваются. И «муж совершенномудрый путешествует по поднебесной, не выходя со двора».

Смирнов С. А.: Естественно. Но одно дело – приключение мысли, другое дело – все-таки постоянные метаморфозы.

Тульчинский Г. Л.: Не знаю, я изъездил всю страну, а теперь не только страну, много где был. И везде я вписываюсь, мне комфортно.

Смирнов С. А.: И в этом смысле нет проблем – везде комфортно? Потому что с собой всё нормально. В этом смысле всегда место найдешь для себя. Да?

Тульчинский Г. Л.: Вот, поездив, я понял, где бы я мог жить и работать.

Смирнов С. А.: Где хорошо.

Тульчинский Г. Л.: Ну, где нормально. Это Берлин. Вот в Штатах работать – идеальные условия. Просто идеальные условия для работы. А жить скучно.

Смирнов С. А.: Но жить скучно.

Тульчинский Г. Л.: Во Франции, в Италии жить прекрасно.

Смирнов С. А.: Но работать тяжело.

Тульчинский Г. Л.: Но работать как-то...

Смирнов С. А.: Не то.

Тульчинский Г. Л.: В Риме очень хорошо.

Смирнов С. А.: В своё время я испытал соблазн в Голландии. Очень комфортно работать и даже жить интересно. Но язык меня всё равно вернул домой.

Тульчинский Г. Л.: Голландия – да, тоже, наверное, хорошая. Но я вопроса до сих пор не понял.

Смирнов С. А.: Ну, кто-то прямо себя так и называет: я – кочевник.

Тульчинский Г. Л.: Ну, пусть называет.

Смирнов С. А.: Ну, пусть. Но там понятно, что больше метафора, чем по существу дела.

Тульчинский Г. Л.: Ну, это известная метафора про номада.

Смирнов С. А.: Да. Номад-интеллектуал такой.

Тульчинский Г. Л.: Нет, нет.

Смирнов С. А.: Хорошо. Тогда перейдём всё-таки уже к зрелой ситуации. Вы «Опыт систематической персонализации» когда решили, что вот пора...? Это когда случилось-то?

Тульчинский Г. Л.: А не знаю. Я стал пописывать байки, у меня был такой период – я три года выезжал в Хельсинки и читал там курс. И поскольку я его читал в комфортной ситуации – это две пары в неделю (чуть больше месяца), – у меня была масса свободного времени. И с компом. И я начал пописывать. Начал пописывать там, а продолжал уже в деревне. Уловил систематизацию, которая приведена в книжке... Вообще все эти истории я хотел мелким-мелким шрифтом набрать. Потому что там именно самое главное в предисловии сказано про систематизацию, какие истории мы рассказываем, про жанр. Я понял, что это жанр философствования. И вот, наверное, это и пошло. Только какие года – я даже не помню. Но это был длительный такой процесс вызревания.

Смирнов С. А.: И потом уже появились «Истории по жизни» после этого, пошли как ответвление?

Тульчинский Г. Л.: Я даже не думал их публиковать. А в какой-то момент подвернулась такая возможность. И, мо-

жет быть, я слегка поспешил. Как мне Анатолий Соломонович Кармин сказал: «Слушай, такие вещи публиковать тебе было рано. Такие вещи публикуют в конце жизни».

Смирнов С. А.: Может быть, как раз, наоборот, интересно сейчас: опубликовал и посмотрел, как круги по воде пошли.

Тульчинский Г. Л.: Вот. И этот проект сработал. Как уже говорил, очень многие вещи о себе узнал. Это был именно проект, из которого я очень многие вещи узнал про своих близких. Мне моя любимая тёща сказала тогда: «Ты знаешь о том, что ты мне нож в спину всадил этим текстом?»

Смирнов С. А.: Вот так.

Тульчинский Г. Л.: Да. Мы с ней очень обстоятельно поговорили, и наши отношения изменились в ещё лучшую сторону. Более того, она спустя год после этого опубликовала свои две книжки.

Смирнов С. А.: Это интересно. Я, кстати, эту книгу и не видел. Она в Питере издана?

Тульчинский Г. Л.: Да, в Питере.

Смирнов С. А.: В «Алетейе»?

Тульчинский Г. Л.: В «Алетейе», да.

Смирнов С. А.: Но она уже, наверное, не продаётся. Где взять-то? Это же давно уже было.

Тульчинский Г. Л.: Ну, напомните мне – могу сбросить файл.

Смирнов С. А.: Хотя бы файл. Хорошо. А теперь всё-таки про других авторов. Вот говорят: плохая автобиография, хорошая. Что значит «плохая» и «хорошая»? Знаете ли Вы примеры, не то, чтобы хороших, плохих, успешных, неуспешных, но адекватных автобиографий, удачных в этом смысле и примеры неудачных? Августин – понятно, Абеляр – понятно. А Зиновьев А. А., его «Исповедь отщепенца»?

Тульчинский Г. Л.: Ну, так, неоднозначно, например, с Абеляром....

Смирнов С. А.: Вот. То есть мы как бы интуитивно всё-таки подкладываем представление про то, что такое удачная или неудачная автобиография...

Тульчинский Г. Л.: С точки зрения стилистики?

Смирнов С. А.: Нет, с точки зрения правды: наврал или не наврал, искренний или неискренний, про себя или не про себя, нарцисс или не нарцисс, или псевдоуродливый...

Тульчинский Г. Л.: Не верю, что есть какая-то однозначная правда.

Смирнов С. А.: Правда авторского слова.

Тульчинский Г. Л.: Не знаю.

Смирнов С. А.: Я не про объективный факт. Я про... она всегда такая, правда моей жизни, особая. Она же не про метрики.

Тульчинский Г. Л.: Она меняется.

Смирнов С. А.: Она меняется.

Тульчинский Г. Л.: Потому что позиция меняется.

Смирнов С. А.: Но в момент речи я чувствую...

Тульчинский Г. Л.: Так это чувства, это интерпретация. Автора, читателя.

Смирнов С. А.: Но всё равно есть автобиографии, которые читаешь – и хорошо. То есть переключка идёт, созвучие.

Тульчинский Г. Л.: Ну, значит, у Вас созвучие есть, есть сопереживание.

Смирнов С. А.: А какие для Вас созвучны?

Тульчинский Г. Л.: Я сказал: это Августин.

Смирнов С. А.: Это Августин.

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: А после него что-нибудь было в истории философии из философских автобиографий?

Тульчинский Г. Л.: Ж.-Ж. Руссо – нет.

Смирнов С. А.: Созвучия не получается?

Тульчинский Г. Л.: Нет. Вроде, мысли есть, всё хорошо...

Смирнов С. А.: Но не про то.

Тульчинский Г. Л.: Да. Вы Зиновьева вспомнили. Зиновьев Александр Александрович вообще замечательный человек, очень симпатичный.

Смирнов С. А.: Я имею в виду его «Исповедь отщепенца».

Тульчинский Г. Л.: Тоже. Ну, это же всё самооправдание.

Смирнов С. А.: Его.

Тульчинский Г. Л.: В конечном счете.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Это строится нарратив.

Смирнов С. А.: Задним числом.

Тульчинский Г. Л.: Из которого понятно, что автор – молодец.

Смирнов С. А.: Конечно. Причем везде, со всеми, и всех победил.

Тульчинский Г. Л.: Как в песне у С. Шнурова: Кто молодец? Он молодец.

Смирнов С. А.: Я и говорю, что мне такие тексты не созвучны. Потому что человек-то исчезает под Монбланом своих навороченных конструкций, самооправданий задним числом. И он и так многостраничен (Александр Александрович) с его этими романами...

Тульчинский Г. Л.: Потому что, если ты хочешь понять человека, тебе надо почитать другие его тексты, надо почитать тексты о нём. Если ты хочешь его понять.

Смирнов С. А.: Его, да.

Тульчинский Г. Л.: А так, когда ты читаешь (просто так читаешь), ты понимаешь себя только: созвучие или несозвучие. Открываешь в себе какие-то новые темы и всё. И я бы не сказал, что правда или неправда.

Смирнов С. А.: Ну, правда слова. По Бахтину. Понятно, что не про объективность.

Тульчинский Г. Л.: Бахтин тот ещё гусь.

Смирнов С. А.: Гусь?

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: А вот, кстати, этот самый гусь, который тоже, вроде как, не любил автобиографии, но В. Д. Дувакину-то наговорил много чего. И иногда исследователи теряются от его нарратива, который, устно наговорив Дувакину про свою жизнь, он же тем самым построил миф о себе. Может быть, даже не хотел.

Тульчинский Г. Л.: Михаилу Михайловичу уже никуда не деться от того мифа, который вокруг него есть.

Смирнов С. А.: О нём уже, конечно, много чего...

Тульчинский Г. Л.: Миф о нём строился задом наперёд. Потому что рецепция работ Михаила Михайловича была в обратном хронологическом порядке. Потому что благодаря В. В. Кожинovu...

Смирнов С. А.: Ну да, в начале 60-х московские филологи вдруг открыли его, приехали в Саранск...

Тульчинский Г. Л.: Они его открыли и опубликовали сначала книгу о Ф. Рабле и карнавале. Своё добавили и публикации в Трудах по знаковым системам.

Смирнов С. А.: Да, Ю. М. Лотман и другие.

Тульчинский Г. Л.: Потом переводчики. Это Ю. Кристева, К. Кларк и другие его восприняли чуть ли не как структуралиста. Хотя его работа о Ф. Рабле, она самая его нетипичная работа. Там он попытался чёрта за хвост ухватить. Если кто внимательно читал его. Потом вспомнили про его работы по поэтике Достоевского, про диалогичность. И В. С. Библер его воспринял чуть ли не как коммуниктивиста.

Смирнов С. А.: Ну, тоже, кстати. А он сочинил миф про Достоевского – якобы он диалогист.

Тульчинский Г. Л.: В том-то и дело. Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. С. Пушкин – не меньшие «диалогисты». А потом вышел бахтинский текст про поступок. Для тех, кто внимательно следил за Бахтиным, всё понятно было, что именно это дерево, а далее веточки и листики. И кто читал старшего брата его...

Смирнов С. А.: Николая, да.

Тульчинский Г. Л.: И понимал про контакты с Л. В. Пумпянским, с М. В. Юдиной, для них М. М. Бахтин открывается как глубоко религиозный метафизик-персонолог. Он же был отжатый от философии в филологию – феноменологией занимался, метафизикой нравственности на филологическом материале.

Смирнов С. А.: Так. Да.

Тульчинский Г. Л.: И он о персонологической метафизике нравственности заговорил почти одновременно с М. Бубером, на несколько лет раньше М. Хайдеггера, Э. Левинаса.

Но остался миф. Я был на 14-м Бахтинском конгрессе в Бертиноро. И самая представительная делегация, 80 человек, была из Бразилии. Потому что по Бахтину читают курсы в средней школе. Потому что Бахтин – специалист по карнавалу.

Смирнов С. А.: Ну, для латинских ребят самое то – карнавал осмыслять.

Тульчинский Г. Л.: И у нас по Бахтину проходят славные конференции – например, этой осенью в Москве такая пройдет. Организаторы – замечательные люди, но и они включают Бахтина в контекст уличного театра и карнавала.

Смирнов С. А.: Карнавала. Ну, нормально.

Тульчинский Г. Л.: Поэтому о Бахтине своя легенда, которая живёт своей жизнью.

Смирнов С. А.: Тогда, вспоминая персонологию, Ваша персоналогия является какой? Вы же, я понял, не совсем любите слово «антропология», Вы больше про персонологию?

Тульчинский Г. Л.: Нет, антропология – ради Бога.

Смирнов С. А.: Я к тому, что не вещать надо про человека, а вопрос про феномен поступка личности думать. Вот про это Вы предпочитаете. Правильно я понял?

Тульчинский Г. Л.: Это тренд развития философии, которая все больше из недр антропологии в настоящее время выходит на персонологию. А в связи с цифровизацией, в связи с проблемами искусственного интеллекта, Интернета вещей – всё более отчетливо становится ясно, что главная сейчас проблема – не столько антроподицея, сколько уже персонологициея. Где, что, кто и когда личность? Потому что в наше время личность постепенно переходит «с белка на песок».

Смирнов С. А.: С белка на песок?

Тульчинский Г. Л.: Имеется в виду, с белковой основы на кремниевую.

Смирнов С. А.: А, в этом смысле. Ну, это носитель меняется. Но вот Михаил Наумович Эпштейн предложил трансгуманизм свой. Он последователь этого кремния. Нет?

Тульчинский Г. Л.: Ну, нет, не совсем. Михаил сложнее.

Смирнов С. А.: Он не ярый последователь трансгуманизма?

Тулъчинский Г. Л.: Как Виролайнен написала в отзыве на Проективный философский словарь в «Новом мире» (который не заказывал никто, это неожиданно свалилось на нас), что составители и редакторы этого словаря – уникальные люди, потому что они пережили постмодернизм, в общем-то, его не заметив.

Смирнов С. А.: Ну да, всё правильно. Я согласен. Но дело в том, что переход на песок и все эти сетевые цифровые дела – сейчас актуализировали проблему, как бы, не знаю, потери, утери человеком себя, или метаморфоза человека. Но персонология-то раньше началась.

Тулъчинский Г. Л.: Началась раньше. Я имею в виду акцентировку. Потому что большая часть истории философии посвящена проблеме сущего. И, значит, онтологии и проблеме истины. Начало XX века, да и конец XIX – на первый план начинает выходить вот эта гносеолого-эпистемологическая тематика. Каким образом мы узнаём о сущем, вот это истинное знание, откуда оно берётся? И потом смещение акцентов, которые тоже на глазах произошло – одно соотношение неопределенностей и принцип дополнительности чего стоят. Это зависимость нашего знания от метода.

Смирнов С. А.: Так.

Тулъчинский Г. Л.: Дальше. Зависимость этих методов от нормативно-ценностных, культуральных установок и от языка. Лингвистический поворот («язык – дом бытия»), культурологический поворот и так далее.

Смирнов С. А.: Да. Все вот эти повороты.

Тулъчинский Г. Л.: Понятно, что от культуры очень многие вещи зависят. Но культура сама по себе не живёт. Она живёт только в носителях культуры. Происходит антропологический поворот...

Смирнов С. А.: Вот он и повернул к личности.

Тулъчинский Г. Л.: Да. То, что источником, инструментом, материалом и результатом всего этого процесса является носитель возможности познания трансцендентного, носитель свободы, каковым пока является только человеческая личность.

Смирнов С. А.: Именно смысл и пафос антропоповорота в этом.

Тульчинский Г. Л.: Я бы не сказал, что антропоповорот. Для меня это промежуточная стадия к персоне.

Смирнов С. А.: Но она ведь от папы с мамой не даётся, как известно, – она строится. Это понятно.

Тульчинский Г. Л.: Я к тому, что персонология – она всегда была. Потому что смыслообразование, как сам смысл – это феномен системы, конечной в пространстве и времени, пытающейся постичь бесконечное.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: И вынужденной делать это всегда с какой-то точки зрения, в каком-то ракурсе, с какой-то позиции, в каком-то смысле. Смысл есть порождение вот такой конечной системы, каковой является человек как носитель самосознания. Или то, что Василий Васильевич Налимов говорил о семантическом вакууме и мю-функции. Когда из семантического вакуума высекается смысл при воздействии на него этой точки сборки свободы и ответственности. Как из вакуума физического при энергетическом на него воздействии высекаются элементарные частицы.

Смирнов С. А.: Так.

Тульчинский Г. Л.: Ещё раз говорю, это было всегда. Личность, наделённая сознанием есть первое условие познания. Но только сейчас произошёл выход этого на первый план, переакцентировка. Клавиши в философии всегда одни и те же, но аккорды берутся ...

Смирнов С. А.: Аккорды разные.

Тульчинский Г. Л.: В настоящее время аккорд берётся на личности всё больше и больше. Поэтому для меня персонология – это просто смещение акцентов.

Смирнов С. А.: Но ведь вызов-то в чём? Вызов же не просто в самой по себе цифре. Вызов заключается в том, что тогда мыслить и действовать надо по-другому. Нечего тогда паялится на человека и продолжать его описывать как сущее, а, собственно говоря, понимать и строить личность, она же пестует-

ся в особых личносно ориентированных антропопрактиках.

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: Тогда обсуждать надо практики, собственно говоря, как они устроены, их описывать и рефлексировать. И это будет контентом, содержанием, собственно, философских текстов.

Тульчинский Г. Л.: Да. Вот я ещё один заход сделаю. Ладно?

Смирнов С. А.: Ну.

Тульчинский Г. Л.: Важно осознание того, что социальные науки и общество (и значит и экономика) не самоценны. Они являются инфраструктурой, которая обеспечивает порождение и поддержку чего-то. Этим чем-то является некий способ жизни, т. е. культура, которая и есть определённый способ жизни. Но и культура не самоценна. Потому что, когда культура становится самоценной, начинается национализм, начинается шовинизм, начинаются всякие искушения.

Смирнов С. А.: Ну, и богема всякая.

Тульчинский Г. Л.: Да. Потому что культура сама по себе не самоценна. Она тоже является инфраструктурой, порождающей, сохраняющей, обеспечивающей развитие того, что является личностью. Потому что культуры вне носителей культуры нет, она мертва.

Смирнов С. А.: Да. Это же только артефакты. Надо, чтобы они задышали.

Тульчинский Г. Л.: В конечном счете, и личность не самоценна. Когда личность становится самоценной (персоноцентризм), возникает эгоизм, эгоцентризм и т. п. Сама личность является инфраструктурой, порождающей нечто и поддерживающей это нечто, то есть самосознание и чувство свободы, способность к трансцендированию в иное. Пока к этому способна только человеческая личность. Мне говорят: не только. Но про это я не знаю.

Смирнов С. А.: Да, мы не знаем. Но если так, то тогда ведь создание автобиографии не сводится к скриптизации.

Тульчинский Г. Л.: Это одна из практик сохранения определённых смысловых нарративов. Есть биография, а есть CV.

Смирнов С. А.: Ну, CV – это CV.

Тульчинский Г. Л.: Есть резюме.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: А это всё-таки некое сюжетное смыслообразование. Всё-таки автобиография – это скрипторика какого-то пути, поиска... Или то, что Вы говорили: автобиография – это философский текст. Это некий смыслообразующий текст. Один из жанров философствования.

Смирнов С. А.: Но он необходим философам?

Тульчинский Г. Л.: Не-а.

Смирнов С. А.: То есть можно обойтись без него.

Тульчинский Г. Л.: Спокойно.

Смирнов С. А.: Но он же всё равно действует.

Тульчинский Г. Л.: Ещё раз говорю, он действует, он живёт. Ну, а «слабонервные» ещё и пишут.

Смирнов С. А.: Да. Но я про что говорю? Вы-то не удержались и стали писать.

Тульчинский Г. Л.: И нормально.

Смирнов С. А.: И нормально. И получили новый опыт.

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: Вот так. Не написали бы – не получили бы. Сделали более объёмную как бы сферу жизни.

Тульчинский Г. Л.: А мог бы что-то другое сделать.

Смирнов С. А.: Ну, да. И, кстати, в этой связи вопрос такой: а параллельно у Вас продолжалась вот эта жизнь в области маркетинга, брендинга, которая началась ещё с того момента, когда Вы работали в Ленокеанрыбфлоте? Или как?

Тульчинский Г. Л.: Отчасти – да. Потому что мы открывали магазины «Океан», выставки «Инрыбпром»...

Смирнов С. А.: То есть это тоже давно было?

Тульчинский Г. Л.: Давно. Всё давно было. И когда я пришёл после защиты кандидатской по логике, в институт культуры и искусств, и тогда меня тоже (опять же, в силу некоторых факторов, личностных характеристик) взяли на кафедру управления и экономики. И я там работал, подготовил первый в стране (уже пять переизданий было) учебник по управлению в сфере культуры.

Смирнов С. А.: Да, я помню, есть такой.

Тульчинский Г. Л.: А потом я прочитал курс и сделал одну из первых отечественную книжку по PR, по которой потом составлялись программы курсов.

Смирнов С. А.: А чем это Вам помогает? Это же не просто по жизни так получилось, что Вы там работали. Вы же продолжаете этим заниматься. Зачем философу заниматься маркетингом, пиаром, брендингом? Как это помогает Вам как философу?

Тульчинский Г. Л.: Ещё как помогает. Потому что сейчас я сдал в издательство книгу по философии поступка. Я испугался объёму, когда посчитал – 34 авторских листа.

Смирнов С. А.: Толстая.

Тульчинский Г. Л.: Я посмотрел на полке книжки, у которых 34 листа. Мне стало страшно. Это «Идиот» Достоевского, это «Россия и Европа» Данилевского,.

Смирнов С. А.: Ну, где-то 700-800 страниц.

Тульчинский Г. Л.: Да. И что-то мне как-то стало страшновато. Но как раз позиционирование личности в современном обществе – это уже переход от этнического и статусного позиционирования личности к ролевому и даже проектному. И сейчас мы только и занимаемся самомаркетингом, а некоторые ещё и самобрендингом.

Смирнов С. А.: Да. Это только некоторые философы думают, что они не занимаются. Он думает, что если не читает, значит, не занимается.

Тульчинский Г. Л.: Да. И в настоящее время даже наша биография, и наша телесность, наше происхождение, наш профессиональный опыт – это часть публичного капитала, который мы нарабатываем, который сейчас называется социальным и человеческим капиталом.

Смирнов С. А.: Да, да, да.

Тульчинский Г. Л.: Так что, очень даже помогает. Мозги прочищает.

Смирнов С. А.: Прочищает, да. Структурирует и так далее. Причём, начинаешь описывать свои действия как постоянное брендирование и ребрендирование, самомаркетинг...

Тульчинский Г. Л.: И существуют две основные стратегии, в которых личность либо проект (который она продвигает себя сама или её кто-то продвигает), либо она – человек убеждённый, в духе Э. Хоффера, растворяется в массовом движении и обретает смысл жизни, отказываясь от себя.

Смирнов С. А.: Так. Хорошо. Что я ещё не спросил?

Тульчинский Г. Л.: Вы не спросили, по-моему, про других людей.

Смирнов С. А.: Я начал спрашивать – там мы пока никого, кроме Августина, не нашли.

Тульчинский Г. Л.: Нет, у Вас ещё был вопрос такой: разделяете вы личную жизнь...

Смирнов С. А.: Это мы поняли.

Тульчинский Г. Л.: Да. Не разделяю. И у Вас был такой вопрос: отличается ли жизнь философа от жизни любого другого человека, который ведёт уроки в школе, работает врачом? А ничем не отличается.

Смирнов С. А.: Ничем?

Тульчинский Г. Л.: Потому что и учитель тоже философствует. И я давно разделил людей на философствующих...

Смирнов С. А.: И не философствующих.

Тульчинский Г. Л.: И делящихся радостью узнавания чужого философствования. Я их называю преподавателями философии. Которые делятся радостью узнавания чужой философии. Иногда они тоже философствуют, но не всегда. А вот кто ещё помог мне по жизни, да?

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Ну, те, которые не были преподавателями философии, но это философы, – это Спиноза.

Смирнов С. А.: Спиноза.

Тульчинский Г. Л.: Шлифовальщик линз.

Смирнов С. А.: Да, шлифовальщик.

Тульчинский Г. Л.: Это Бахтин. Филолог. Это А. Ф. Лосев, которого тоже отжали в филологию. Это Н. А. Бердяев, который никогда никакую философию нигде не преподавал. Это В. С. Соловьев, которого тоже отжали.

Смирнов С. А.: Бердяев не преподавал?

Тульчинский Г. Л.: Никогда.

Смирнов С. А.: Ну, а в этих своих богословских институтах? В Париже потом, в эмиграции, до этого тоже что-то читал же.

Тульчинский Г. Л.: В Париже он разовые лекции читал. А преподавателем философии не был никогда. В. С. Соловьева отжали от кафедры почти сразу же. Лев Толстой и Ф. М. Достоевский – люди, которые...

Смирнов С. А.: Ну да, хотя вроде бы не философы.

Тульчинский Г. Л.: Но принадлежат к философской культуре чистой воды. Ключевые для понимания российской философской мысли. Поэтому очень много таких философствующих, которые не философы. Тогда кого считать философом-то?

Смирнов С. А.: А как вы относитесь к «Самопознанию» Бердяева? Оно для Вас в созвучии находится?

Тульчинский Г. Л.: Бердяев Николай Александрович автор неоднозначный, переменчивый.

Смирнов С. А.: Но он в нём органичен.

Тульчинский Г. Л.: Потому что Николай Александрович в каждом последующем тексте отказывался от предыдущего.

Смирнов С. А.: И этим интересен. Но это один из поздних его текстов – «Самопознание».

Тульчинский Г. Л.: Но не самый поздний.

Смирнов С. А.: Не самый. Но всё-таки написанный уже...

Тульчинский Г. Л.: Славный текст такой, замечательный, рассказывающий о том времени.

Смирнов С. А.: Мамардашвили написал у себя в дневнике: «Какое же это самопознание? Какая-то самохарактеристика».

Тульчинский Г. Л.: Самохарактеристика и характеристика времени. Там всё.

Смирнов С. А.: Но Вам он интересен как авторский текст?

Тульчинский Г. Л.: Как текст Николая Александровича. Николай Александрович – выдающийся популяризатор философии.

Смирнов С. А.: Популяризатор. Конечно. Да. Я к тому, что трудно судить. Но он был достаточно искренен. То есть, в отли-

чие от Александра Александровича Зиновьева, он искренен? А Александр Александрович, он маленько лукавит и не всегда искренен?

Тульчинский Г. Л.: Но это же лукавство искреннее.

Смирнов С. А.: Я ловлю свои ощущения.

Тульчинский Г. Л.: Но Александр Александрович, он в лукавстве искренний? Он искренне лукавит?

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Значит, он искренен.

Смирнов С. А.: Да, он такой. Просто мне не очень понятно, почему он задним числом своих бывших друзей, например, Ильенкова обозвал «глубинный враг мой». Ну, зачем? Он давно уже помер, покончил с собой. А ты вот приехал в Россию обратно, тебя тут обласкали, облизали, А. А. Гусейнов принял в МГУ на кафедру, а ты вот так относишься. Г. П. Щедровицкого называет имитатором от науки, «потому что мыслит не моей логикой».

Тульчинский Г. Л.: Ну, теломеры некоторые стёрлись.

Смирнов С. А.: Теломеры стерлись?

Тульчинский Г. Л.: Какие-то теломеры стёрлись, с другими вступили в связь, какие-то новые нейронные сети возникли.

Смирнов С. А.: Метаморфоз?

Тульчинский Г. Л.: Да. В тот момент написания, Вы говорите, что лукавство, а он искренен.

Смирнов С. А.: Ну, ладно.

Тульчинский Г. Л.: Кто-то желающий может взять ранние тексты Александра Александровича.

Смирнов С. А.: Нет, его диссертация кандидатская гениальна, безусловно. И «Зияющие высоты» тоже как первый опыт романа, он блестящий. А вот потом пошёл тираж.

Тульчинский Г. Л.: Я не знаю. Я к нему достаточно спокойно отношусь. На мой взгляд, лучший его текст для меня – это его книжка по логическому выводу.

Смирнов С. А.: Да, это потом «Комплексная логика».

Тульчинский Г. Л.: До комплексной, да, и до физической логики. Это раз. И «Желтый дом». С точки зрения быта и нравов тогдашнего Института философии...

Смирнов С. А.: Да, в том числе, поэтому, да. Мне нравились главки его в «Преддверии рая» – «Методологи». Как Вам? Ну, это же продолжение того жанра.

Тульчинский Г. Л.: Но Георгий Петрович, он мог обидеться. Георгий Петрович же, в общем-то, его отжал.

Смирнов С. А.: Отжал? Но силища была же. Ну, не отжимайся.

Тульчинский Г. Л.: Ну, была.

Смирнов С. А.: Значит, позволил, ушёл своей дорогой.

Тульчинский Г. Л.: Но если без сантиментов, мог остаться.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Это тогда. А с годами, когда нейронная сеть обросла миелиновой оболочкой и превратилась в кабель, все упростилось, приняло жесткий формат.

Смирнов С. А.: Вот так, да? То есть он, возможно, даже и не осознаёт того, что у него просто так заросло.

Тульчинский Г. Л.: Или narosло.

Смирнов С. А.: Так, что, я всё спросил?

Тульчинский Г. Л.: Нет, не всё спросили. Вы ещё хотели спросить, какие основные эпизоды и какие там авторы, духовные учителя.

Смирнов С. А.: Я просто не стал педалировать. Вы могли бы назвать?

Тульчинский Г. Л.: Запросто. Главное – это чтение каких-то текстов. Из каких-то ключевых текстов я бы назвал тексты Б. Брехта и комментариев по поводу Брехта.

Смирнов С. А.: Интересно.

Тульчинский Г. Л.: В том числе был такой критик В. Д. Днепроv (Резник). Для активации моего философского сознания, наверное, сыграла ключевую роль его книга «Черты романа XX века». За ней открылся интерес к Сартру, Камю, потом – Паскалю и так далее. Бахтин сразу стал интересен. Также Я. Э. Голосовкер.

Смирнов С. А.: Вы как-то соприкасались с ним лично?

Тульчинский Г. Л.: Лично – нет.

Смирнов С. А.: Не получилось.

Тульчинский Г. Л.: Не получилось.

Смирнов С. А.: Он же долго жил потом.

Тульчинский Г. Л.: Но вот не получилось. Шкловский Виктор Борисович.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Это автор, которому я обязан, может быть, даже больше, чем многим другим.

Смирнов С. А.: Именно как вот...

Тульчинский Г. Л.: Виктор Борисович. Его «О теории прозы». Но самое главное – это всё-таки, наверное, «Сентиментальное путешествие».

Смирнов С. А.: Да. Она же автобиографичная.

Тульчинский Г. Л.: Да.

Смирнов С. А.: Конечно. Да. Он же там такой...

Тульчинский Г. Л.: Замечательные слова: «не историю надо делать, а биографии, из которых и складывается история». А в «Повестях о прозе» он писал, что чувствует себя капитаном Гаттерасом на Северном полюсе, постоянно натываясь на свои следы. Я это вспомнил, когда второй раз приезжал Деррида в Питер и говорил: «Я не знаю, почему вы так носитесь с деконструкцией? Я же ничего не сделал нового, а просто взял и перевёл ostranenie Шкловского. Вы, наверное, вкладываете какой-то дополнительный смысл в деконструкцию». Ну, в России всегда вкладывали дополнительный смысл в западные конструкции. Шкловский, потом Лебедев Александр Александрович – автор замечательных книг о Французской революции, о народниках, Чернышевском. Написал первую в ЖЗЛ книгу о Чаадаеве.

Смирнов С. А.: Вот. Я-то думал: где же я его... У нас же Тарасов писал о Чаадаеве. А до него был Лебедев.

Тульчинский Г. Л.: А из философов, конечно же Г. Г. Шпет. Из логиков – очень помогли тексты Я. Хинтилки – при всей его неоднозначности. Могу назвать своих учителей, которым я всем обязан. Первый – упоминавшийся Б. И. Федоров. Иосиф Нусимович Бродский на питерской кафедре логики – человек, которому мы все обязаны, все логики питерские. Это Попович

Мирослав Владимирович в Киеве, человек, которому я дважды-трижды по жизни обязан. Он у меня был и оппонентом, и он, когда мне мою книжку докторскую дважды возвращали после негативных отзывов некоего Липинского из Института марксизма-ленинизма, он меня свёл с И. В. Нарским, который дал позитивный отзыв. А он был из Академии общественных наук. И его отзыв перебил отзыв из Института марксизма-ленинизма, позволив книгу опубликовать. Станислав Гусев, человек, с которым мы написали книжку о понимании.

Смирнов С. А.: О понимании. Я помню: такая маленькая книжечка.

Тульчинский Г. Л.: И дальше... Борис Липский, Михаил Эпштейн, Игорь Савкин, с которым мы познакомились ещё по танатологическому обществу.

Смирнов С. А.: Савкин.

Тульчинский Г. Л.: Савкин. Это главный редактор «Алетейи».

Смирнов С. А.: Ага.

Тульчинский Г. Л.: Питерская «параллельная культура»: Борис Останин, Александр Гордон, Аркадий Драгомощенко... Московские коллеги, такие, как Евгений Викторович Дуков, переписка с ним... Очень любопытны оппоненты, которые выступили в качестве критиков.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Я обычно предпочитаю брать медведя в берлоге, иду на прямой контакт, и мы с ним объясняемся. В. А. Кутырев такой есть.

Смирнов С. А.: Кутырев, есть такой автор.

Тульчинский Г. Л.: В Нижнем Новгороде. Он накинулся на Михаила Эпштейна, на меня – по поводу постчеловечности.

Смирнов С. А.: Да, он ярый противник постчеловечности.

Тульчинский Г. Л.: Да. А Савкин как-то предложил мне написать послесловие к его книжке, которую тот прислал в «Алетейю». И я написал ему, что мы спорим не о том. Послали Кутыреву. Он удивился. С тех пор иногда переписываемся. Так вот. Такое вот общение, переписка. Такая живая жизнь

какая-то. Вообще, все тексты, и всякое прочее философствование – это побочный продукт одного большого процесса под названием «жизнь».

Смирнов С. А.: Да. Конечно. Так. Ну, а всё-таки «вергилиев» то, философских «вергилиев».

Тульчинский Г. Л.: Которые переводили с круга на круг, что ли?

Смирнов С. А.: Да. Кто ещё?

Тульчинский Г. Л.: Только что я назвал авторов, которым очень обязан.

Смирнов С. А.: А с круга на круг?

Тульчинский Г. Л.: С круга на круг – вот Борис Федоров.

Смирнов С. А.: Федоров.

Тульчинский Г. Л.: Да. Была ещё странная история с моим трудоустройством в институт культуры, в котором участвовало несколько человек, друг друга не знавших. И конечно же – Мирослав Попович.

Смирнов С. А.: И Попович. Киевский.

Тульчинский Г. Л.: Да. Какое-то время я публиковался в Новосибирске у Виталия Валентиновича Целищева, переписывались с ним. Меня даже какое-то время принимали за Новосибирского философа.

Смирнов С. А.: Целищев, кстати, тоже хорошим словом вспоминает Поповича. Он ему тоже сильно обязан.

Тульчинский Г. Л.: Мирослав – замечательный человек. Наверное, вот так вот, если говорить по жизни, вот и всё.

Смирнов С. А.: Это к вопросу, заметьте, о событийности. Вот вы назвали Хинтикку. Хинтикка тоже был в гостях у Целищева, там у него ночевал в Академгородке.

Тульчинский Г. Л.: А ещё сам Целищев был в гостях у Хинтикки.

Смирнов С. А.: Был, да. Я к тому, что я-то только недавно для себя его стал открывать, Хинтикку. Я-то логикой не сильно занимался. Но для меня это не логика, а такая хорошая аналитическая философия, добротная. Я к тому, что, как бы сказать, помогает ли занятие аналитической философией в персонологии?

Тульчинский Г. Л.: Ну, да.

Смирнов С. А.: Тоже прочищает мозги?

Тульчинский Г. Л.: Ещё как. Один Д. Деннет чего стоит?

Смирнов С. А.: Деннет. Да?

Тульчинский Г. Л.: Да. А ещё наш Д. Волков, который много общался с Деннетом, другими аналитиками.

Смирнов С. А.: Мне вот подарил Целищев свою книжку «Философский переписчик». Он там в своих переводных текстах публикует, в том числе, и перевод одних американцев Хайдеггера, где они его костерят, конечно. То есть я к тому, что мы-то пытаемся это использовать, совершая вот это условное деление: континентальная философия, аналитическая философия. Континентальных философов (условно) пытаются использовать аналитики для того, чтобы мозги лучше работали. Но аналитики берут того же Хайдеггера так, буквально, и никак понять не могут, за что его любят в Европе.

Тульчинский Г. Л.: Да они тоже всё понимают.

Смирнов С. А.: А чего они его костерят-то? За что они его не переваривают?

Тульчинский Г. Л.: Уже всё понятно.

Смирнов С. А.: А, уже стали понимать?

Тульчинский Г. Л.: Уже всё понятно. После поездки П. Рикёра, после его лекций. Очень многие вещи меняются. И приходит понимание, что это два конца одной и той же палки.

Смирнов С. А.: Вот именно.

Тульчинский Г. Л.: Ну, условно говоря, если там философия – это теория значения, то континентальная философия – это, в общем-то, философия понимания, а понимание – это значение, а значение в результате языковых игр и всяких прочих дел – это всё-таки понимание. Это два конца одной и той же палки: дёрнешь за один конец – потянется другой.

И сейчас они практически сошлись. Вот очень любопытно читать Деннета по этому поводу. В конечном счёте, даже упоминавшиеся нейронные сети – это наброски нарративов, закрепляющихся в нейронных сетях. В конечном счёте, единственный механизм операционализации процессов формиро-

вания сознания в настоящее время – это наррация, которая закрепляется в нейронных сетях. И аналитики, и феноменологи фактически говорят об одном и том же и сходятся в этом.

Или попытки диалогов у Далай-ламы, когда к нему ездили американцы, ездили французы, наши ездили туда – всё упирается в одно: самосознание либо от первого лица, что свойственно континентальной философии и буддизму, либо от третьего лица, что свойственно science и аналитике. И нарративный подход позволяет говорить о самосознании как от первого лица, так и от третьего лица. Это совпадает и с формированием самосознания: ребёнок говорит о себе сначала в третьем лице, а потом переходит в первое лицо. Так что, мост между аналитической философией и континентальной уже построен. Но теперь по этому мосту пойдут танки цифровизации.

Смирнов С. А.: Это большая провокация с этой цифрой. Цифра – это же соблазн большой для человека, опять же. Он же как бы хочет просто взять и иметь. А сознание требует усилия.

Тульчинский Г. Л.: Это очередная органопроекция.

Смирнов С. А.: Да. Ещё одна. Причём она самая провокативная. Одно дело – вот очки: усилил глаза свои. Другое дело – умный гаджет, который провоцирует меня на то, чтобы, пардон, не мыслить. Я же отдаю ему всё – все привычные функции и работы. И память отдаю. Всего себя готов отдать.

Тульчинский Г. Л.: Это уже другая большая тема. На мой взгляд, модные до сих пор разговоры о клиповом сознании – это разговоры в пользу бедных. Потому что в настоящее время уже речь идёт о формировании геймерского сознания, когда от человека требуется только реакция и нажатие опций. И всё. Опций, реализующих не им разработанный алгоритм. Человек всё больше просто реализует алгоритм.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: И поэтому в элитных школах и университетах, если мы говорим про Штаты, есть специальные курсы по каллиграфии.

Смирнов С. А.: Чтобы не всё гаджетам отдавать.

Тульчинский Г. Л.: Потому что при работе с гаджетом не активируются префронтальные зоны лобных долей мозга, активируются только зрительные центры. А для того, чтобы активировались память, мышление и другие эвфемизмы сознания (нарративного по своей природе) нужно писать от руки, читать вслух и много-много разговаривать.

Смирнов С. А.: Да.

Тульчинский Г. Л.: Так вот элиту этому учат.

Смирнов С. А.: Но элиту. А остальным – не обязательно.

Тульчинский Г. Л.: А остальным – совершенно не обязательно.

Смирнов С. А.: Ими манипулировать можно.

Тульчинский Г. Л.: Остальные – придаток к машине нажатия опций. И всё. Но потом и они не нужны будут.

Смирнов С. А.: И что? Этому альтернативу надо какую-то выстраивать?

Тульчинский Г. Л.: «И будет ласковый дождь» – как назывался замечательный рассказ Р. Брэдли.

Смирнов С. А.: Да? Вот вальдорфская школа запрещает гаджеты в детских садах. Но это же только там. А дети всё равно выходят из стен – и вот она жизнь, вся в гаджетах.

Тульчинский Г. Л.: Это совершенно другие ребята. Но ещё раз говорю, другое сознание. Я работаю со студентами давным-давно, и они на глазах меняются. Они интересные ребята. Они знают, где чего брать.

Смирнов С. А.: Это – да. У них всё чётко.

Тульчинский Г. Л.: Это прекрасно. Но то, что нужно ещё от себя что-то делать, у них всё больше и больше проблем.

Смирнов С. А.: Ну, тогда это очень серьёзный вызов персоналогии, той самой, которая для нас с Вами сердцевина.

Тульчинский Г. Л.: Это получаются новые неравенства: вот эти пользователи, разработчики и хозяева алгоритмов. Потому что у алгоритмов всегда есть конечный хозяин.

Смирнов С. А.: А философ где? В хозяевах или где?

Тульчинский Г. Л.: А философ, он, как всегда, в ауте, в бахтинской позиции внеаходимости.

Смирнов С.А.: Он осмысляет тренды.

Тульчинский Г. Л.: Да. Если, конечно, способен.

Смирнов С. А.: Если ему дают возможность. Ему же надо осмыслять. Он может долго осмыслять, но...

Тульчинский Г. Л.: Вот эта проблема гуманитарной экспертизы всех разработок, она не только по результату, но и по процессу и вначале – по разработке.

Смирнов С. А.: Ну, заказа на это пока нет. Вы знаете, созрели ли разработчики на гуманитарную экспертизу своих продуктов, понимают ли свою собственную дефицитность?

Тульчинский Г. Л.: Разработчики постепенно созревают.

Смирнов С. А.: Постепенно?

Тульчинский Г. Л.: Они должны понимать, для чего щелкать эти орешки, разрабатывать эти алгоритмы – им должен кто-то ставить задачи.

Смирнов С. А.: И тогда запрос на гумэкспертизу возможен.

Тульчинский Г. Л.: Вызревает запрос на голимых гуманитариев, которых у нас оценивают по реквизитам публикаций.

Смирнов С.А.: Да уж, действительно.

Тульчинский Г. Л.: Это, опять же, с Эпштейном был разговор смешной. Я его привлёк сюда, в состав научной комиссии, а в университете спрашивают – а сколько у него публикаций в Scopus, Web of Science? Спрашиваю у него. Он отвечает: «Не понимаю, у нас экспертный совет смотрит качеству содержания публикаций. А вся эта наукометрия – для Бангладеш. Вам-то это зачем?»

Смирнов С.А.: А мы Бангладеш?

Тульчинский Г. Л.: У нас не наукометрия для науки, а наука для наукометрии. Прайс и Налимов, наверное, пришли бы в ужас, доживи они до такой ситуации.

Смирнов С. А.: Ясно. Спасибо. Ставим паузу. Ну что? Мне было интересно.

Тульчинский Г. Л.: Ну, и мне любопытно было.

Смирнов С. А.: Замечательно.

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ТЫЩЕНКО

«В ФИЛОСОФИЮ МОЖНО ПРИЙТИ СВЕРХУ, А МОЖНО СНИЗУ, ОТ КОРОВНИКА... ВТОРОЙ ПУТЬ ГОРАЗДО БОЛЕЕ ПОЛЕЗНЫЙ...»¹

Тыщенко В. П.: Итак, как мы пришли к этой теме, напомним.

Смирнов С. А.: Хорошо. Это было мое предложение: брать у живых философов интервью про их философские автобиографии. То есть спрашивать не про их концепции и тексты, а про то, как они понимали и как они выстраивали свою биографию как философы. И я столкнулся с тем, что это непривычно. Вот я у В. В. Целищева брал интервью, он говорит: «Это непривычно».

Как-то даже не принято в аналитической философии писать философские автобиографии. Потому что сразу авторы скатываются на пересказ своих идей. Вспоминают, кто что написал, с кем спорил, опять как бы повторяют свои тексты.

Тыщенко В. П.: Это надо записать: непривычно и неприлично.

Смирнов С. А.: Да, неприлично. Потому что, либо скатываются в частную жизнь (сколько у него было жен, детей, развелся, родил, уехал, приехал), либо скатываются в обсуждение своих книжек написанных. Вот, например, интеллектуальная автобиография К. Поппера, она вот такая. Он вспоминает, с кем спорил, вспоминает про свои идеи. Но это не совсем философская автобиография, мне так кажется. Потому что возникает проблема автора. Например, В. В. Биbihин отрицательно

¹ Разговор записан 9 июня 2019 дома у В. П. Тыщенко. Последний...

относится вообще и к биографиям философов, и к их автобиографиям. Или тот же М. Хайдеггер, например. Он говорит: «Аристотель родился тогда-то, умер тогда-то». Всё. Дальше обсуждает его сочинения. А что такое произошло между рождением и смертью, то есть что такое путь философа по шагам: как выстраивалась навигация человека, как он рождался как философ и что в нём происходило, то есть какие события происходили – это не обсуждается. Обсуждается сразу сочинение, текст. Бибихин и говорит: «Что вы про биографию говорите? Что, мы будем обсуждать частную жизнь философа? Ведь никакой эпизод из частной жизни философа никогда не объяснит тайну его произведений». Но ведь вопрос не про частную жизнь, а про феномен рождения в человеке философа, и понимает ли он это?

Это ведь старый разговор. Ю. М. Лотман также обсуждал тайну произведений А. С. Пушкина. Написал его биографию. Но ведь никакой эпизод из жизни поэта не объяснит тайну творения. Ну, родился человек когда-то, а потом в нём рождается поэт. И никто не знает, как это происходит, кроме его самого. Иосиф Бродский, поэт и человек – это разные существа? Но они как-то в одном жили, в одном существе. То есть дело в том, что философская автобиография – это не про то, «когда я написал эту книжку», «а вот тогда я эту книжку написал». Вот вчера я встретил Щедровицкого, а позавчера встретил Давыдова (как у вас). Это не про это. А про то, «когда я понял, что во мне рождается философ и что это означает». И дальше «что происходило со мной как с философом и как происходило это формирование и преобразование философской личности», и понимает ли философ про это, а не просто пишет тексты и так далее. И, оказывается, эти вопросы неудобные. Философ оказывается безоружен в этой ситуации.

Тыщенко В. П.: Я думаю, что в России взрыва публикаций в этом направлении не будет.

Смирнов С. А.: А я не взрыва жду.

Тыщенко В. П.: Это очень субъективная сторона философии.

Смирнов С. А.: А тут снимается проблема субъекта/объекта. Это проблема личностей. Это не про субъект.

Тыщенко В. П.: Ну, это проблема, например, того, что человек либо пишет хронологию своей семьи...

Смирнов С. А.: Ну, и на здоровье. Ну, и пусть пишет. Тогда он частное лицо. Кому он интересен как частное лицо?

Тыщенко В. П.: Вот он тем и интересен.

Смирнов С. А.: А при чём здесь он как философ? Или поэт, или художник, или архитектор. Тогда мы обсуждаем частную жизнь человека. Но при чём здесь его идеи, сочинения? У него была жена, было пять детей, из них двое умерли. Потом он развёлся. Потом он женился снова на молодой, она ему родила ещё пять детей. И что? Это про другое. То есть тогда мы обсуждаем просто повседневную жизнь частных лиц. Но этим уже давно занимаются музейщики, биографы, писатели, мемуаристы и так далее. Но это обсуждение не мемуаров и частной жизни людей (это к историкам). А что такое жизнь философа как философа и есть ли в этом различие? Или как? Или это в принципе невозможно?

Кстати, наш любимый с вами М. М. Бахтин критично относился к автобиографии, но считал, что это как раз испытание человека. То есть, пиша автобиографию, человек неминуемо ввергается в нарциссизм, как он говорил, в самолюбование. Неминуемо начинает себя приукрашивать. Точнее, фактически конструировать некий желаемый ему, более удобный ему, приятный образ себя. Ну, понятно. Вспоминает то, что ему удобно вспоминать. То, что ему неудобно вспоминать, он пытается забыть. Ну, понятно, пытается себя описать в более приглядном свете и сразу ввергается в эту оценочную позицию. Но это и есть испытание. Тогда, пардон, он как философ не честен по отношению к себе.

А есть другая крайность: когда он начинает себя бить, корить, ввергается в исповедь, в ложное самоуничижение. И тогда, например, А. А. Зиновьев пишет «Исповедь отщепенца». Кстати, яркая автобиография. Помните, да? Но это же псевдо-исповедь. Он же там себя тоже выпячивает как такого отдель-

ного и великого, плывет такой отдельный ледокол, плывет по льдам судьбы. Но это другая крайность.

И здесь очень сложно удержаться и начать говорить о себе правду. Именно правду, опять же, не про частную жизнь. Мало ли какие ошибки или достижения были там в твоей частной жизни: стал ты академиком или стал героем, или ещё кем... Философия – это не про это, а про то, что ты за опыт как философ осуществлял и что в результате получалось, что такое философия как практика мышления и «практика себя». Вот про это.

Кстати, в этом смысле одна из наиболее точных самохарактеристик есть у Г. П. Щедровицкого. Вот он честен, когда он говорил про то, как мышление на него однажды село. Помните, замечательное его интервью: «Сладкая диктатура мысли». В конце жизни. Есть там это, он вроде бы тоже здесь субъективен, но вроде бы он там и не врёт про себя. И не очерняет, и не обеляет – он пытается рассказать как было. И в этом смысле его уникальное полиинтервью, книжка «Я всегда был идеалистом» – это шикарная автобиография. Но не классического типа. Не в жанре дискурса, мол, человек сел и начал писать. Это были живые беседы, такие эпизоды. Это не собранная книжка, но это были очень живые разговоры о себе и о том, как он в разные периоды жизни сталкивался с разными ситуациями самоопределения.

Но, с другой стороны, я согласен: это очень редкая штука. Их очень мало. Вот Н. А. Бердяев, «Самопознание», П. А. Флоренский, «Детям моим». Это его воспоминания и письма детям. Дальше – Г. П. Щедровицкий, «Я всегда был идеалистом», К. Поппер. Есть, конечно, более ранний опыт – Ж.-Ж. Руссо, его «Исповедь». Есть, конечно, Абельяр «Исповедь о моей жизни». Есть, конечно, Августин «Исповедь». Марк Аврелий. Но это исповедальные вещи, там уже мы сразу уходим в религиозный опыт. Это давнее дело.

Если же брать современную философию XX века, то очень мало. Вот дневники молодого Л. Витгенштейна. Очень специфический жанр. Это автобиографический жанр, очень

откровенный, это про себя, про то, как он проживал опыт войны. Вообще-то редкий опыт – философ в окопах. Ситуация непростая, но это один из немногих доступов к авторской мысли философа. Потому что за текстами спрятана личность, личность загромождена текстами. Вот он наследил в жизни, написал 100 томов, как Лев Толстой. Но это следы, как следы зверя по снегу. Но кто шёл? Мы изучаем следы, тексты.

Тыщенко В. П.: Толстой много чего писал. «Война и мир»...

Смирнов С. А.: А здесь тайна творения. Вот Хайдеггер пытался поймать тайну творения. То есть, тайну истока, что порождало это произведение. Вот что порождает философское произведение? Что есть акт философского порождения философского текста как акт, что это за событие и что по этому поводу может сказать сам автор? Он начинает опять вспоминать свои тексты или вспоминать, как он на природе ходил и сочинял. Вот Бердяев, он вспоминал. Это мемуаристика.

Тыщенко В. П.: Ты так быстро к Бердяеву перескочил. Толстой мне интересней.

Смирнов С. А.: Я к примеру говорю. Я называю редкие примеры философской автобиографии. А Толстой-то, он тоже хитер. Толстой свою исповедь тоже написал, но себя-то любит. Показывает, смотрите, как я страдаю. Он не исследует свою правду – он пророчествует, он как бы поучает. Но тоже пример – да, есть «Исповедь» Толстого. Библиотека набирается хорошая. Но пока, до настоящего времени, философского исследования по поводу опыта философских автобиографий почти нет. Есть редкие и робкие примеры.

Тыщенко В. П.: Так, а, может, и не надо?

Смирнов С. А.: Может быть, не надо. Тогда вообще философией и не надо заниматься?

Тыщенко В. П.: Ну, видишь, если философ – индивидуальность, так либо он занимается индивидуальностью своей, тогда он не философ получается по твоим рассуждениям, а если он философ, тогда он не занимается своей индивидуальностью. Я заостряю то, что услышал от тебя.

Смирнов С. А.: Так. И? Так зачем вообще история филосо-

фии? Вот мы изучаем эти индивидуальности. Но мы изучаем тексты, мы изучаем следы.

Тыщенко В. П.: Так, у нас получилось две части. Первая часть – это автобиографический философский жанр «по Смирнову», а вторая часть, к чему я хочу перейти (а ты скажешь, когда мы созреем), у меня размышления, но тут надо сидеть возле компьютера.

Смирнов С. А.: Ну, а Вы можете немного поотвечать на мои вопросы? Вы к себе-то можете применить эти вопросы про автобиографию?

Тыщенко В. П.: Тогда два варианта. Сначала, до нашего разговора о том, что у меня накарябано. А второй вариант ответов – после того, когда я выслушал про автобиографию от Смирнова, а Смирнов выслушал автобиографию мою. Если план беседы такой, то я готов. Пора переходить?

Смирнов С. А.: Да, переходим к ответам на вопросы. Итак.

Тыщенко В. П.: Итак, можете ли Вы назвать момент жизни, который стал ключевым эпизодом в Вашей биографии как философа? С какого момента Вы стали себя ощущать философом? По каким признакам Вы можете судить о таком событии? Самое трудное в этом вопросе – это что я считаю для себя смыслом слова «философия» и выбором философии.

Смирнов С. А.: Ну, конечно.

Тыщенко В. П.: Ну, к этому мы вернёмся, а пока прямо ответы на эти вопросы. Ключевой момент, как ни странно, сложился у меня на протяжении времени, связывающего довоенное моё детство с военным детством. Ключевой момент довоенного детства – это всякого рода разные вещи, можно сказать «анекдотические». Уже в довоенном детстве, то есть до 1941 года (до 11 лет), у меня были сложные отношения со сверстниками. С одной стороны, на рыбалке, в походе за грибами, на футбольном поле и т. д., и т. д., и т. д., я никогда не был в последних рядах, а иногда даже близко к первым. Что во мне было моим сверстникам непонятно? Два момента: сын учительницы.

Смирнов С. А.: Это так влияло? Как оценка?

Тыщенко В. П.: Это всегда влияло. Поэтому ко мне относились как-то не только и не столько как к сыну учительницы, сколько к своему парню. Я во всём принимал участие, кроме одного – я упорно не хотел материться.

Смирнов С. А.: А без этого тогда нельзя было.

Тыщенко В. П.: Деревенские ребята – виртуозы слова, да и хлопцы городские – то же самое. Так вот, эта линия у меня испытала самый серьезный перелом в 1943 году. Мне 13 лет. К тому времени, к 1941 году, отец окончил герценовский пединститут и получил должность директора городской Могилевской школы. И в качестве первой квартиры получил в здании старого школьного спортзала небольшого размера квартиру. Мы уже её внутри потом перегораживали.

Как он попал туда? В 1941 году, когда мы впервые слышали звуки бомбардировок на западе, он поступил очень правильно, на мой взгляд: без всяких рассуждений собрал нас четверых (я, сестренка, он и мама моя), и мы отправились в родную деревню отца. Ехать уже было не на чем, ну, начало войны, автобусы не ходили. Добирались мы кое-как ... А было там верст 40, по-моему, мы вчетвером.

Смирнов С. А.: Это какой район? Деревня-то где была? Какой район?

Тыщенко В. П.: Сейчас скажу. Значит, из областного центра, Могилева, мы попали в некое местечко, оно не деревней называлось, иначе, в местечко. Местечко чем отличалось от деревни? Местечко было более многонациональное. Скажем, местечковое еврейство, оно возможно только там. Поэтому он собирался нас отвезти, вернуться и разобраться в ситуации.

Ну, первый разбор ситуации такой: в военкомате, когда он явился туда, ему сказали: «Вы как директор школы, имеете «бронь». Когда эта броня будет снята, вас призовут насовсем. Так что живите с семьей. Он вернулся. Но вслед за ним появились в лягушачьего цвета мундирах оккупанты. Вслед за этим очень быстро сформировали группу полицаев. Охотников нашлось достаточно. Потому что это положение в новых условиях.

Смирнов С. А.: Ну, это территория такая.

Тыщенко В. П.: И к нему явились, уже от официальной структуры оккупационных властей к нему явились люди и сказали так: «Нам нужны чиновники в системе образования, которую мы восстанавливаем». Потому что масса предметов было отброшено, учебники в большинстве – тоже. Остались только нейтральные: математика и тому подобное. А мы жили в это время в райцентре Чаусы в доме директора гимназии, дореволюционной ещё. Так что необычное заключалось в том, что это был дом с большой библиотекой, которую собирал грамотный человек с хорошим педагогическим образованием, дореволюционным. Ну, вот так мы там были. Произвели прореживание библиотеки: все потенциально недопустимые новыми властями книжки либо попрятали (но это было трудно), либо сожгли.

Смирнов С. А.: Так там же вся русская классика была запрещена, по идее, естественно. Там только точные науки и можно было оставить.

Тыщенко В. П.: Не это было на первом плане. На первом плане было другое: надо было начать после перерыва школьные уроки. А тетрадок не было. Поэтому писали на полях книжек. Ну, а ему предложили (без выбора) работать инспектором учебных заведений... Как это называлось-то?

Смирнов С. А.: Всего района?

Тыщенко В. П.: Да. Ну, называлось как-то это подразделение райцентра – то, которое занималось делами школьными. Так вроде бы оно наладилось. С одной стороны, возле закрытых ворот, где лагерем расположились немцы, постоянно дежурили стайки девиц. Проблем у них никаких не было: вышел за ворота, пригласил, пожалуйста. Всё было нормально, в этом смысле по-новому. Довольно быстро новый порядок был заведён. Появились газеты, в которых много чего описывалось.

И... Ну, тут длинная история. Потому что, видишь, я пока рассказываю, вроде бы никакого отношения к философии это не имеет. А имеет вот какое отношение. Я впервые понял, что: а) мои знания о Германии, в которых я был уверен, как мальчишка, они липовые. Но не совсем. Потому что философское

значение имели, например, образы дорог немецких: мощённые, усажены деревьями, деревья частично фруктовые, никто эти фрукты не рвёт и деревья не ломает – культура. Это довоенные представления.

Смирнов С. А.: Это довоенные представления. Так.

Тыщенко В. П.: А военные представления у меня полопались, когда в 1943 году, ничего не говоря и не объясняя, явились полицей и немец и увели отца в неизвестном направлении. Уже позже стало известно, что ему предъявили обвинение в связи с партизанами. А связь в чем заключалась? Партизанские представители должны были двигаться по территории. Для этого нужны были документы. А отдел образования имел возможность их записывать инспекторами и так далее. Что и было сделано. Вот 1943 год – отца арестовали, не предъявляя обвинений.

Смирнов С. А.: Так это два года прошло под немцами-то, всё было тихо, аж с 1941-го по 1943-й.

Тыщенко В. П.: Ну, 1943-й ты рано подошел. Это уже до Сталинграда. Кстати, мы о Сталинграде тогда ещё не слышали, а услышали в 1944-м, когда появились наши. И тут начали приходить слухи о расстреле отца. Первый раз, когда мать услышала, с ней был припадок: она лежала на кровати, стонала, ничего не говорила, «жить не хочу». А мы двое (я и младшая сестрёнка) сидели рядом с ней, обнимали и всячески вдальбливали одну мысль: если она уйдет – мы погибнем. Она, наконец, взяла себя в руки. Судьба семей тех, кто (как говорили тогда в Белоруссии) «ушёл в лес», была совершенно определённая. Их понемножку куда-то увозили. Дальше – ни слуху, ни духу. Но потом выяснилось, что есть два ручья. Первый ручей: работоспособная молодежь, парни и девушки, их тогда в Германию везли на самые разные рабочие места – ухаживать либо за деревьями, либо за детьми. Либо вывозили и расстреливали невдалеке от райцентра и областного центра. Она это узнала, и поэтому приняла такое решение: уехать с родины отца на родину свою родину. А родина матери – другой район, деревня Каменные Лавы. Сменив фамилию. Кстати, моя фамилия

почему-то осталась на школьных тетрадках, а там – да, сме-нили. И встретили освобождение мы уже в Каменных Лавах. Встретили тоже забавно применительно к той ситуации. С ве-чера немцы ещё в Каменных Лавах, а уже стрельба, фронт при-ближается, они драпают, подъезжают машины, они залезают в машины по очереди и уезжают. И вот на прощанье такой эпи-зод. Один немец смотрит на меня. А у меня были такие черные вьющиеся волосы.

Смирнов С. А.: Подумал, еврей?

Тыщенко В. П.: Одно слово сказал мне: «Jude». У меня холодок по спине пробежал. И он тут же побежал к уже отхо-дящему автобусу. Винтовка... Нет, не винтовка, уже автоматы у них были. Винтовками «СВТ» продолжали обороняться наши в это время². Но после и у наших появились автоматы. Только у немцев раньше появились металлические автоматы, а у на-ших – с деревянными прикладами.

И самое обидное, что наутро пришли наши. Они знали, что в нашем селе немцы. И вот тут я уже не помню: то ли позд-но вечером, то ли рано утром чего-то там за рекой прогрехо-тало – и полдеревни запылало. Огонь поднимался на высоту метров на 100, наверное, или больше. И когда они появились в нашей деревне, были разочарованы тем, что уже никого из них не застали. И тут один из бойцов так присмотрелся ко мне. А мать, в отличие от других учительниц, не пошла на работу, она зарабатывала как портниха. Она была хорошая портниха. Ну, а шила она по той, по военной моде: китель, галифе, ру-башка какая-то с козырьком. Вот один из бойцов, ещё с кара-бином (немцы уже уезжали с автоматами, а этот ещё с караби-ном) тоже ко мне присмотрелся и говорит... Подожди, как же это немцев тогда называли мы? А-а, фриц.

Смирнов С. А.: Ну, фрицы, да.

Тыщенко В. П.: Фриц!? Ну, ответа он не стал дожидаться. Но я так понял, что я чужой у оккупантов был, и здесь я тоже оказался в таком же положении.

² Самозарядная винтовка Токарева. Принята на вооружение в Красной Армии в 1939 году (прим. С. А. Смирнова).

Смирнов С. А.: А возраст-то Вам когда скостили? Это сразу в 1941-м или позже?

Тыщенко В. П.: Когда уезжали, мать предусмотрительная, она взяла мои метрики и переправила 1930-й на 1933-й. Они у меня есть.

Смирнов С. А.: Новые или старые?

Тыщенко В. П.: С поправкой. Тогда никто к этому не придирался. Это осталось надолго. И у меня были неприятности, связанные с этим, уже в студенческие времена. Где-то на 3-м курсе философского факультета я уже был и прошёл по лестнице комсомольских постов через комсорга группы, комсорга курса и потом добрался до члена комсомольского бюро всего факультета. И мне было предложено (вполне логично в этих условиях) подавать заявление на вступление в партию. Я был весьма польщён. Но меня беспокоило одно: как только я писал автобиографию – ложь в первых же страницах: 1933-й вместо 1930-го. Я пришёл в партком, говорю: вот так и так, помогите восстановить дату рождения. А это было небезразлично. Если бы я был 1930-го года рождения, на втором курсе мне никак нельзя было быть. Нужно было два года отслужить в армии и только после этого идти. Ну, дали одного фронтовика, члена партии, по комсомольской линии, подчиненного мне в группе. Он со мной походил по всем инстанциям, которые этим занимаются, и везде ему сказали одно: «А как мы восстановим? Архивы-то сгорели». Короче, из этого ничего не вышло, кроме того, что я теперь должен был довольно длинно в биографии писать.

Смирнов С. А.: Объяснение?

Тыщенко В. П.: Тогда-то были изменения и прочее. К чему я всё это говорю? Это всё ответ на первый вопрос. Когда я почувствовал себя, ну, не философом, тогда меня это слово не волновало, а когда впервые я осознал, что я сделал выбор, написав заявление. То есть отныне я понимал, что такое жить по документам поддельным в этой части (хотя и довольно невинно), и что значит жить по документам действительным, но не подтверждённым архивными данными. Но если к этому добавить,

что в дошкольном детстве я не матерился, а всё остальное – как ребята делали, не воровал, не лазил... нет, по яблоки мы лазили. Правда, это кражей не считалось, это была лихость.

Смирнов С. А.: Все равно же хотелось, да. Ну, и показать себя, что лихой.

Тыщенко В. П.: Вот впервые получилось, что я сам выбрал такую позицию, которая делает меня человеком автобиографическим: своим для пацанов. Они мне, так сказать, простили чистоплюйство. Ну, сын учительницы, отличник № 1 в школе. Когда я уезжал поступать на философский факультет, со мной были (и до сих пор они со мной) три тома «Капитала», подписанные директором школы.

Смирнов С. А.: Его подарили Вам по окончании школы?

Тыщенко В. П.: Да. Это уже был результат разочарования. Меня долгое время уговаривали: в историки, в филологи не иди – там много чего скорого, ничего понять нельзя. Ты лучший математик школы – иди на математику. А у нас «золотая медалистка» – физик, училась в герценовском пединституте как раз на математическом факультете, она мне то же самое говорила, рассказывала о том, как в эти годы разогнали преподавателей философского факультета. В число разогнанных попали те, кто знал языки, знал философскую литературу, а пришли всякие такие, слушать которых нельзя было. За редкими исключениями – психолог, от которого я впервые узнал первую троичную классификацию людей, психологическую. Ну, не важно, как это языком оформлялось. Книжка его у меня до сих пор есть. Вот здесь уже пришлось выбирать линию: 1. Факультет? 2. Год рождения? 3. На четвертом курсе стали писать дипломные работы. Я колебался между двумя темами. Первая тема была такая: «Плеханов и Ленин». А проблема заключалась вот в чём.

Смирнов С. А.: Тема диплома?

Тыщенко В. П.: Дипломной работы, выпускной.

Смирнов С. А.: Выпускной студенческой?

Тыщенко В. П.: Да. Это мне уже должны по этой работе давать направление на работу.

Смирнов С. А.: Это уже в ЛГУ ?

Тыщенко В. П.: Да. Но я сделал два сопоставления. О первом я ничего не говорил. Первый – это влияние Макаренко. Влияние Макаренко на меня передавала моя мама. А передавала каким образом? У неё был общешкольный кукольный театр. Кстати, она имела только незаконченное педагогическое трехлетнее образование. Ну, вот я в этом кукольном театре и ещё многие другие ученики самых разных классов. Потому что там надо было сценарии писать, головки лепить для кукол, одежду строгать, подбирать музыку и так далее, и так далее. И все с увлечением этим занимались, хотя кончали те классы, в которых мама чего-то вела, но тянул и сам кукольный театр. И так всю жизнь у неё. Всю жизнь у неё был такой общешкольный коллектив, который не просто имел отношение к какому-то школьному искусству (куклы). Ну, там музыку надо было подбирать, надо было рисовать, делать ... Как это называется?

Смирнов С. А.: Декорации делать?

Тыщенко В. П.: Декорации, да, и прочее. Вот впервые мы почувствовали себя учениками школы. Кстати, тогда выпускные классы были: в эти же годы с 6-леток в 7-летки переделали, потом появились 10-летки, потом – 11-летки. И, в общем, всю жизнь, когда я жил рядом с мамой, я этим делом занимался.

Смирнов С. А.: А в каком году Вы закончили школу?

Тыщенко В. П.: Школу в каком году я закончил?

Смирнов С. А.: Это же после войны уже?

Тыщенко В. П.: По-моему, в 1950-м. В том же году, в котором я поступил. Потому что я поступил сразу³.

Смирнов С. А.: Ну, так, а всё-таки, это Вы про студенческую работу сказали. А до этого как Вы выбрали философский факультет? Почему туда?

Тыщенко В. П.: Ага. Вот я к этому сейчас и подхожу. Первое: никто мне этого не советовал. А разговоры у меня были

³ Школу он закончил в 1950 году. Ему уже было реальных 20 лет! (прим. С. А. Смирнова).

с директором школы, с мамой, с выпускницей школы, «золотой медалисткой», студенткой физического факультета герценовского пединститута. Она мне написала следующее: не советую идти на философский факультет. Раньше там был сильный состав преподавателей. Сейчас сильных разогнали, будут читать вам малограмотные пьянчужки, за редким исключением.

Но я рассуждал так: что я могу получить у историков, филологов, физиков, математиков? Мне это по школьным предметам понятно. Я этим могу заниматься и сам. Остаётся философский факультет. А что я о философии знал? Первое – статьи Ленина о Чернышевском. Дальше – спор Плеханова с Лениным. Вот тут самое интересное. Потому что, проштудировав, ещё будучи учеником, доступные мне работы Плеханова и Ленина, я понял одну вещь: Плеханов считал: то, чем отличается Россия от Запада, есть признак её отсталости. Россию надо европеизировать – такова задача русских коммунистов. Ленин лучше статистику знал. Он понимал, что пролетариев у нас (и, тем более, коммунистов) – это горсточка. Отсюда его линия – линия на союз пролетарского меньшинства с крестьянским большинством. И далее та же самая проблема возникала и в городе по отношению к рабочим. Потому что были те, кто тяготел, не зная Ленина. Но представления о том, что Россия отличается от Запада не только недостатками, но это и православная страна и так далее, и так далее.

И я поехал. Прочитал из философской литературы, уже в поезде, только «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина. Понравилась чёткость (человек знает, чего хочет). И понравилось то, что он крыл своих оппонентов, ну, не матом, конечно, но очень убедительно. Поэтому философские проблемы для меня начались с того, что я прочитал, помимо этой работы по дороге на экзамены, ещё и его «Философские тетради». А там же много выписок из других философов. Это было интересно.

Смирнов С. А.: Это же его конспекты. За ними стоит и Гегель сам. Его «Наука логики». А «Наука логики» Гегеля Вам была доступна?

Тыщенко В. П.: Была. И я в те же годы ее купил. У меня один из томов сохранился.

Смирнов С. А.: А в каком городе Вы закончили школу? Город-то какой?

Тыщенко В. П.: Чаусы, райцентр.

Смирнов С. А.: И там библиотека была хорошая. Книжки-то в библиотеке были? Брали-то где книжки?

Тыщенко В. П.: Нет, плохая библиотека.

Смирнов С. А.: А где брали?

Тыщенко В. П.: Где можно – все библиотеки города. Две школы: русская и белорусская, остатки гимназической дореволюционной библиотеки.

Смирнов С. А.: А, гимназическая – да. Вот это – да, это возможно. Там сохранилось что-то.

Тыщенко В. П.: Например, журнал «Нива» – это же был очень содержательный журнал. Исторический, этнографический и так далее. А я чтец был...

Смирнов С. А.: Глотали?

Тыщенко В. П.: Да. Нагулявшись в футбол, брал книжки, залезал на сеновал – и до вечера. Так что в этом плане я был подготовлен.

Смирнов С. А.: Хорошо. Ну, и поступили без проблем, да? А экзамен-то какой? Что сдавали? Сочинение, историю?

Тыщенко В. П.: Полное собрание Плеханова.

Смирнов С. А.: Нет, в смысле сдавали экзамен какой?

Тыщенко В. П.: Да обычный экзамен. Там что-то было по марксизму-ленинизму. А так, всё остальное – обычно. Но, опять-таки, там за что ни возьмись, повыгоняли тех, кто знал языки и был вообще начитан, и о себе много думал. А люди дисциплинированные, они занимали пустые места. Ну, и мы к ним так же относились.

Смирнов С. А.: И затем пять лет – обучение в институте. А там Вы, когда пришли... Или «Капитал» то у вас уже был подаренный. Вы его проштудировали сразу?

Тыщенко В. П.: Не в институте – в университете. Это была большая разница. Я кончал философский университет. Философский факультет Ленинградского университета.

Смирнов С. А.: В 1955-м?

Тыщенко В. П.: Да.

Смирнов С. А.: Да, Вы же не герценовский пединститут заканчивали, а Ленинградский университет.

Тыщенко В. П.: Герценовский заканчивал отец. Так что у меня там связи были какие-то.

Смирнов С. А.: Понял.

Тыщенко В. П.: Я, кстати, никогда не жалел. Потому что приглашали туда кого? Например, Окунь – из литературоведов. В общем, лучших преподавателей других факультетов. И в этом смысле мы были на факультете не в хвосте находящимися. Все, кто меня отговаривал, воспринимали этот факультет как один из уцелевших после разгрома, дышащих на ладан. Тем более, что руководителем коммунистической организации Ленинграда стал человек, который и занимался этим разгромом и погромом. Господи, как его? Пока говорил – забыл.

Смирнов С. А.: Жданов?

Тыщенко В. П.: Жданов. Так что ждановщину мы тоже хорошо знали. И отношение к Жданову среди студентов было, в общем-то, негативным. Мы выделяли других. Например, Макогоненко.

Смирнов С. А.: Макогоненко – да, знал, был такой филолог.

Тыщенко В. П.: Психологию хорошие ребята читали. Ну, кто там ещё? Математика, физика – неплохо. Они не пытались как-то это связать с марксизмом, а просто были хорошие математики и физики, читали нам лекции.

Смирнов С. А.: А к дипломной работе и к «Капиталу» Вы пришли когда? Раньше?

Тыщенко В. П.: Нет, ну, во-первых, вот эта история с возрастом. Меня что привлекло в дискуссии Ленина и Плеханова? Я об этом ещё не сказал. Дело в том, что Плеханов был европейски подготовленный, очень начитанный, очень самостоятельный, но глубоко убеждённый в том, что будущее России связано с отказом от её отличия от Запада. Ленин считал, что наоборот: революции на Западе, организованная марксиста-

ми, потерпели поражение, потому что неправильная была идеология. А правильная идеология заключается в том, что в России ставка на пролетариат не проходит по статистическим причинам. А кроме того, если там революционные настроения затихали, то в России, наоборот, нарастали. И это нарастание достигло пика в годы первой мировой войны. Поэтому выбор был обусловлен этим. Меня интересовала Россия и что делалось в России. А других интересовал Запад, чтобы получить образование на Западе и желательно работать там же. Меня это не интересовало. Потому что уже к тому времени весь Пушкин мною был прочитан, Гоголь прочитан, Достоевский также.

Смирнов С. А.: Так вот. Есть же великая русская литература. Она же может быть ориентиром и образцом.

Тыщенко В. П.: Да, и Плеханов, и Ленин в великой русской литературе разбирались хорошо.

Смирнов С. А.: И каждый использовал её для себя.

Тыщенко В. П.: Например, полемика Ленина с Толстым.

Смирнов С. А.: Это понятно. А для Вас-то кто был образцом?

Тыщенко В. П.: А никто.

Смирнов С. А.: И не Пушкин, и не Толстой? Пушкин потом пришёл?

Тыщенко В. П.: Пушкин – нет. Я его наизусть знал практически всего: и «Капитанскую дочку», и остальное. Ну, так, веселенький ситчик. Талантливый, интересный, бабник, пьяница – что-то в этом роде. А впервые заинтересовал меня Пушкиным, наверное, Макогоненко. Но потом я нашёл более сильных. Потому что дальше начались пушкинисты. Они сами себя делили на две категории. Первая категория – это те, которые получили эстетическое, литературоведческое, философское образование ещё до революции. Мы застали кое-кого из них, последних из могикиан. А остальные были конъюнктурные ребята: что требуется – расскажем студентам. Так что выбор был, конечно, идеологический. Почему? Потому что Ленин без Плеханова – это Россия без Запада. А Плеханов без Ленина –

это, наоборот, Запад, который к России относится, похлопывая вот так по плечу.

Смирнов С. А.: Мой вопрос-то связан с чем? Почему решение вопроса о судьбе России было связано с этими двумя именами, а не с именами более крупными (Толстой, Достоевский)? Это всё революционеры, коммунисты.

Тыщенко В. П.: Они более крупные в эти годы в чьих глазах?

Смирнов С. А.: В ваших. У Вас на первом месте (ну, так получилось по биографии) оказались Ленин и Плеханов как были более значимые фигуры, нежели русские классики?

Тыщенко В. П.: Не верно.

Смирнов С. А.: А что верно?

Тыщенко В. П.: Я перебираю. Гоголь, Пушкин – да, я не понимал их значения, когда практически всё было прочитано. А Достоевский меня многим отталкивал. Это не мой автор. Толстого читал с огромным интересом. Произведение № 1 – конечно, «Война и мир». «Анна Каренина» и остальное – нет, сюда не относились. Так что, нет. Ленин цитировал Толстого. Чувствуется, что знает. Поэтому у Ленина у меня кое-что скребло, но это списывалось на страсти борьбы между «западниками» и русофилами. Как их называть?

Смирнов С. А.: Славянофилами, да.

Тыщенко В. П.: Ну, славянофилы не были у Ленина и у Плеханова номером первым.

Смирнов С. А.: Да, не были.

Тыщенко В. П.: Ну, вот так вот. И тогда я сделал что? Я купил все сочинения Плеханова, когда поехал по распределению после университета в Сибирь, начал собирать Ленина. Те тома, которые меня интересовали, это томов 15, которые непосредственно связаны с этой проблематикой. Ну, и Плеханова – для того чтобы его критиковать. В дипломе я критиковал его всё-таки с других слов, источников. Перечитал, понял, что вроде бы оценка была правильная. Потом была такая замечка: как Ленин поссорился с Плехановым или как Плеханов поссорился с Лениным. В общем, заметка Ленина (кстати, заметь

в своей теме), пожалуй, самая интересная автобиографически. Заметка такая: «Ушёл от Плеханова до слёз обиженный». Он раскатился, готов работать на него, поддержка молодежи и так далее. А Плеханов отнёсся к нему прохладно. И понятно, почему. Их отношение к Западу и к России было несовместимо. Поэтому – Ленин. А от Ленина – уже к Гегелю. А Гегеля начинаешь читать – это всё-таки могучая штука: палец отдай и весь там очутишься. Потом уже стало понятно, что и Гегель – не самое интересное в русской философии того времени. Он всё-таки сильно грёб под себя. Он не просто пересказывал Маркса.

Смирнов С. А.: В смысле, кто пересказывал?

Тыщенко В. П.: Плеханов. Так что он потом... И потом, это было два разных поколения. Между ними была большая разница. Наверное, первый вопрос...

Смирнов С. А.: Это значит, вы закончили университет. Но Вы же не пошли потом преподавать философию. Вы же поехали в Сибирь и работали учителем. Правильно?

Тыщенко В. П.: Нет, тут дело было такое. Я был направлен на работу как раз по философии. Точнее, по марксизму-ленинизму. А там три составляющих. Потому что я мог любую из частей (все три меня интересовали) читать. А потом произошло следующее. Я попал, не буду описывать подробности... Как это называлось? В общем, к коммунистам, руководителям Алтайского края периода поднятия целины, это хрущевские времена.

Смирнов С. А.: Но Вы же закончили в 1955-м университет?

Тыщенко В. П.: Да. Ну, там и оказалось. И здесь произошла интересная штука. У меня были четыре подчиненных мне района. Я все их объездил, в том числе, родину В. М. Шукшина. Впервые я там им заинтересовался. Были мы на лошадях в глухой тайге у староверов. Иначе никак нельзя было пройти. Я никакой наездник, но лошадь ж...а – ничего, выдерживает. Самое сильное впечатление такое. Мы попали в деревушку староверов где-то в глухой-глухой тайге. Встретили нас вежливо, но у калитки, которая вела к избе староверов. На столбе

у калитки штырь. На штыре пресная вода и кружка: хочешь пить – пей. А в дом нас не пускают. Почему? Оскверняете.

Вот это было очень сильное впечатление. Коммунисты уже властвовали. С ними ссориться было вроде бы ни к чему. Кстати, староверы потом ушли через Берингов пролив в Америку. Было бы исторически очень интересно, если бы Аляска осталась российской. А количество староверов, способных освоить пустынную Аляску, было значительным. Но золото кто отдаст, золотые прииски? Ну, вот так закончилось знакомство. Через полтора года я пришёл в комитет Барнаульского... Как это называется? Ну, высшего партийного органа.

Смирнов С. А.: Крайком партии.

Тыщенко В. П.: Да. И говорю: «Я познакомился за полтора года с «поднятой целиной». Произвела огромное впечатление. Но сейчас, во-первых, новизна пропадает. Во-вторых, чем обеспокоены хлеборобы Алтайского края? Тем, что после того, как будут сняты пенки (первый урожай), уже никакая целина работать не будет. А вот впечатление, конечно, сильное. На шоссейных дорогах, по которым возили хлеб, хлеб насыпан был чуть ли не слоем. Потом птицы клевали его. Хрущев сильно надеется на целину. Сейчас уже многое потеряли. А как говорили, был там знакомый у меня агроном Шокин, коммунист, замечательный парень. Хозяйство было у него на высочайшем в то время уровне. Я о нём даже статью написал в районной какой-то газете. А вторую статью я написал про телятницу Макарову. То есть люди поражали меня тем...

Смирнов С. А.: Что строили коммунизм?

Тыщенко В. П.: Строили Алтайский край. Пока коммунисты этому не мешали. Это вот так вот. И, если угодно, это было два настоящих коммуниста (коммунист и коммунистка). Они на работе пропадали. Работали с огромной нагрузкой. Я под их влиянием написал эти статьи про агронома и про телятницу. Но тут наступили времена, когда целина и Хрущев выдохлись. А я холостой. Денег мне много не надо. Я сижу и пишу в это время роман автобиографический. К тому времени я сменил массу крикливых названий, типа «Растут коммунисты» и ещё

что-то довольно длинное. И стало мне скучно. Захотелось поближе в лучших традициях Чернышевского и Ленина к земле. Поэтому я прихожу в комитет областной и говорю честно, вот так: «Спасибо, очень поучительно. Мне тут было чрезвычайно интересно. Но я себя не вижу дальше – кем я могу. Тут можно работать животноводом, агрономом. Руководить – я таких там 2-3 человека видел и наверху, и внизу. Нет. Поэтому отпустите. Я вот тут книжку пишу, хочу написать. Меня любая зарплата устраивает. Я сам найду». Мне говорит один: «Так, я вижу, что всерьез решился. Мы так не отпускаем. Мы отпускаем либо вниз, либо на хорошее место. А ты нам будешь портить: ни то, ни сё».

Смирнов С. А.: А Вы были парторгом или как?

Тыщенко В. П.: Я был, как это называется? Инструктором по четырём районам.

Смирнов С. А.: А, инструктор обкома партии или как?

Тыщенко В. П.: Комсомола.

Смирнов С. А.: А, комсомола.

Тыщенко В. П.: Но вхож.

Смирнов С. А.: Ну, понятно.

Тыщенко В. П.: В соответствующие отделы партии. А мой друг студенческий в это время уже был секретарем комсомольской организации целого района. Он говорит: «Приезжай ко мне». Я приехал к нему. Там месяц мы поработали. Ну, а потом, наконец, пора же зарабатывать, я же не могу жить иждивенцем. А время было такое – середина года. Вакансий было мало. Зарплата меня не интересовала. Ну, вот как ты думаешь, в школе сельской какие вакансии были наиболее реальные?

Смирнов С. А.: Физкультура.

Тыщенко В. П.: Учитель.

Смирнов С. А.: Учитель физкультуры.

Тыщенко В. П.: А тут даже выше – была свободная вакансия директора. Возьмёшься? А чего не взяться? Я всю жизнь вращаюсь в этой среде. И стал я директором Верх-Камышенской семилетней школы. 8-летки не было. Кстати, учеников было в выпускном классе человек 7, из них 4 девочки. Ну, как девочки? Сибирячки.

Смирнов С. А.: Да. Крупные, крепкие.

Тыщенко В. П.: Будь здоров. И на следующий же год туда прислали из Барнаульского педа Розу Федоровну Никкель.

Смирнов С. А.: Это её девичья фамилия – Никкель? Да?

Тыщенко В. П.: Одна из девичьих. Потому что по отцу, поэтому. Тоже репрессии, длинная история. Причем она такая же дурочка, как и я. Потому что последние два курса в неё влюбился горный инженер на шахте в масштабах таких, городских (или областных, лучше сказать). Он одевал её, обувал её, ждал два или три года. А она упёрлась: «Я всё-таки хочу быть математиком настоящим. Я хочу поработать в низовой школе». А на самом деле, ей не хотелось раньше времени. Не то, чтобы она отказывалась – она была «за», все родные были довольны, обрадованы ему. Мол, свой. Тоже немец, на таком посту, инженер. Когда их только-только реабилитировали и реабилитировали частично. Она ещё долго в некоторых правах была поражена в это время. И она приехала. Деваться было некуда. Есть надо было. Приехала в начале августа. Ей месяц надо было ждать, когда школа начнёт работать. Ну, нашли какую-то работу с детьми. Я как директор школы, с и ней познакомился. И там мы отработали два года с большим энтузиазмом: школьный хор был у нас, школьные танцы. Ну, и прочее. Опять-таки, самодеятельность...

Люди интересные были. Завуч у нас Баев Василий Фирсович, тоже фигура трагическая. Без педагогического образования, но в селе у него был домик с участком. Кем он мог быть в школе? Физруком. Он и был им, зарабатывал. Я потом пытался его как-то протолкнуть повыше. А человек был интересный. Библиотека у него была побольше вот этой комнаты. Причём я покупал просто любую интересную литературу, а он охотился за начавшей тогда выходить серией «Литературное наследство». Это первоклассные, конечно, книжки.

Смирнов С. А.: Да, конечно.

Тыщенко В. П.: Мы с ним сдружились. Человек интересный, начитанный, с трудной, конечно, судьбой, не пьяница. Вёл физкультуру, военное дело и ещё что-то. В общем, было

очень интересно. И Розе было интересно. Девушки сибирские с ней сдружились, пришли посмотреть её наследство. Ну, какое наследство? Она сирота: отец погиб во время перелёта, мать еле-еле говорит по-русски. Она немка. Но он сильно помогал, конечно. И вот они раскрывают её чемоданы – а там дешёвенькие, но современные, модные платья. Вот они так и напялили, трещит всё на них, они тоже счастливы. Поэтому проблемы дисциплины у нас не было, хотя поводы были. Был такой Вася Кузьменко. Он в каждом классе оставался по два года. Как он себя вёл? Надоест урок, встал – вышел. Ему становится скучно. А мы на первом этаже занимаемся. Он залезает с той стороны на внешний подоконник, расстегивает брюки и на глазах у учительницы и всего класса пишет. А что ему сделаешь? Он два года отсидел – может и третий отсидеть. А нам за это будет по шее.

Но потом он стал меньше хулиганить. Потому что и к Василию Фирсовичу, и ко мне он относился не так, как ко всем остальным приставучим взрослым. Ну, а потом мы с Розой влюбились друг в друга, и я стал думать: так, дети появятся. Это сейчас у меня зарплата директора сельской школы годится. Чего я, дурак, думаю? Надо вернуться и из диплома сделать кандидатскую диссертацию. Написал знакомым. Знакомый был у меня, Генка Иванов. Он уже перешёл в это время из секретарей районного комитета комсомола на ту же должность, но туда, уже под Ленинградом. Потом он оттуда переехал в Москву. В Москве он стал работать в ЦК, причём на очень удобном месте: он заведовал приемом, обработкой и пропагандой переводной запрещённой к распространению литературы. Так что я информацию имел от него. Далее заработал квартиру, так в Москве они и остались: он и жена его. Вот такая эпопея была.

Смирнов С. А.: И в итоге Вы переехали сразу в Ленинград?

Тыщенко В. П.: Нет. Они приехали раньше. Потом приехал я. А у жены моей мать Эльза осталась временно тогда, не мог я её везти на пустое место. И как только появилась возможность, я стал заниматься с животноводами, хорошо занимать-

ся, я там пропадал сутками. И ко мне хорошо относились. А потом от скуки начал с ними заниматься музыкой. Почему музыкой? А там был знакомый отпускник, ну, пенсионер. Он был в армии концертмейстером (дирижером). Он обрадовался: «Давайте я вам сделаю». Сделаешь – пожалуйста. Я ему собрал ребят. Услышал, что в Ленинграде в областном центре пылится не первый год оркестр с полным набором инструментов, они не могут его никуда прикрутить. Я стал к ним приставать. Описал нашу ситуацию. И приехал в совхоз «на коне» – привез полный набор для концерта.

Смирнов С. А.: В совхоз в какой? В Ленинградской области?

Тыщенко В. П.: Это уже в Ленинграде⁴. Ребята взялись с таким энтузиазмом под его началом: ноты изучили, играть начали, и зарабатывать начали на свадьбах. Я для них был царь и Бог. И вот когда меня пригласили уже в аспирантуру в герценовский педагогический, где отец работал, в город – возникла такая проблема: я коммунист, меня не отпускают. Ценный кадр.

Смирнов С. А.: А там Вы в райкоме были в Ленинградской области.

Тыщенко В. П.: Нет, в парткоме.

Смирнов С. А.: А, в парткоме.

Тыщенко В. П.: Но сильного совхоза.

Смирнов С. А.: Понятно.

Тыщенко В. П.: И председатель совхоза был сильный. Ну, и я был такой задира. Раз тебя автобиография интересует. Скажем, разобравшись в ситуации, я понял, что хитрит мой председатель совхоза. Нет, директор совхоза. Он имеет постоянный запас на квартиры, для того, чтобы привлекать специалистов. Я к нему захожу и говорю: «Давайте хоть наполовину: половина заслуженным, своим, половину – пришлым». Он мне давай говорить: «Нет, ничего не будет». Я против. Он уже чуть

⁴ С конца 1960 года по декабрь 1961 года В. П. Тыщенко работал в Гатчинском горкоме ВЛКСМ и Волосовском совхозе Ленинградской области (прим. С. А. Смирнова).

не матерится. Он идёт к двери кабинета. Я его туда не пускаю. В общем, был такой длинный конфликт. И, в конечном счете, оказалось, что я прав. Потому что настроение местных скотников, доярок и пришлых изменилось, когда они поняли, что распределение, скажем, квартир идёт по нормальному принципу, по понятному принципу – по заслугам. И он на меня, когда я стал поступать в партию, ещё будучи в совхозе, начал собирать рекомендации. Он мне сразу согласился дать рекомендацию. Написал очень лестную и сказал: «Спасибо, ты был прав». Ну, вот так вот.

Смирнов С. А.: Так. Ну, и потом Вас пригласили в аспирантуру.

Тыщенко В. П.: А там свои проблемы. Потому что у меня всегда какие-то колючки были, которые были родные, коммунистические, марксистские, но не устраивали тех, кто меня нанимал на работу. Значит, конфликт в аспирантуре был такой. Я работал в герценовском пединституте на кафедре философии уже с тем, чтобы заработать рекомендацию в аспирантуру, утвердить тему диссертации, найти научного руководителя. Научным руководителем оказался Игорь Николаев, интересный человек, энтузиаст Ленина, знающий такие работы ленинские, которые мне и не снились. Вот настоящий коммунист. А кому такой нужен? И у него начались конфликты. А когда начались конфликты, начались обсуждения. И вот обсуждаем мы «Капитал» Маркса. А трехтомник я чуть ли не наизусть тогда знал.

Смирнов С. А.: Первые три тома «Капитала»?

Тыщенко В. П.: Да, первые три тома. Предмет спора – это вот такой вот абзац (я могу найти, но мы уже и так много времени затратили), в котором Маркс говорит, что вот товар, противоречие между тезисом – потребительной стоимостью, антитезисом – меновой стоимостью, и их синтезом. Вот результат получается – стоимость товара. Количественное мерило стоимостей всех этого рода – затраты времени. А время делится на рабочее и свободное. И заметочка Маркса сводится к тому, что сейчас мы вынуждены считать стоимость по затратам

рабочего времени, а на будущее работа будет передана машинам. А за людьми останется время свободное: творчество, машинам не доступное. Получается, что я поддержал аспиранта строптивного против очень властного заведующего кафедрой. Но в результате мне пришлось защищаться уже здесь, в Сибири. Ну, а дальше здесь те же были проблемы.

Смирнов С. А.: А сюда-то как попали?

Тыщенко В. П.: Попросился. А, нет. В то время в Академгородке зарождалось отделение философии.

Смирнов С. А.: И сюда приехал М. А. Розов.

Тыщенко В. П.: Да, Миша Розов с женой Сталиной. Они мне написали: «У нас есть аспирантура, мы тебе даём рекомендацию – через три года ты кандидат. Приезжай сюда». Я собрался и поехал туда. Но я уже был женат. У меня уже был ребенок. Я сам ехать не мог. Я последний месяц жутко страдал простудой. А надо было мать жены оттуда взять. Тогда я сделал следующее. Мне надо было документы нормальные сделать. Я сбежал оттуда, из школы, а направление надо иметь. Тогда мы написали (я написал) в районный отдел образования: «Войдите в мое положение. Я получил большой опыт, работая практическим учителем. Но мне надо защищаться, и диссертация у меня по теме, которой я занимался в свое время ещё в школе: «Плеханов и Ленин». Там есть такие документы, которых нет у нас». Мне отвечают: «А кто будет (а это было в середине учебного года) вести занятия?» Я говорю: «Не беспокойтесь. Переговорил со всеми членами коллектива – они охотно разобрали мои часы, потому что это заработки».

Я сел на лошадь. Вот я зря не написал это в своё время. Ситуация какая? Везёт меня парень на железнодорожную станцию, влюблённый по уши в мою жену. Сын учительницы. Он ей и говорит: «Слушай, Роза, если там чего-нибудь не сложится у вас, приезжай, я тебя всегда готов принять». Говорит откровенно и мне, и ей. Понятно, с ним легко такие проблемы решать. Но выяснилось, что всё не так. Приняли меня хорошо, и мы поженились. Договорился я с кем-то из наших работников – поехали за бабушкой и привезли её сюда. Тут мне быстренько

выдали сначала однокомнатную, потом двухкомнатную. Потом я стал аспирантом уже законным. Ну, и так далее.

Смирнов С. А.: Но это где? В ЛГУ или в педу уже в Новосибирске? Вы же сразу в педагогический приехали в Новосибирске⁵.

Тыщенко В. П.: Это уже в педу. Место появилось впервые в педу. Я знал уже, кто у меня будет руководителем. Ну, вот я там начал работать над диссертацией. Забрал жену, старушку, ребенка и вернулся на Алтай уже с планами из Сибири не уезжать. Там интересно. Маленький штрих: когда я ближе узнал девчат, которые там работали доярками, агрономами, зоотехниками и так далее, невесты все, холостые, я понял одно: они все давно не девушки. Это уникально в этом смысле, я думаю: елки-палки, там ещё народ, который цивилизация не испортила. Собрался и поехал сюда. Это было самое правильное решение в моей жизни. Теперь не надо было думать, как кормить жену. Через некоторое время мне дали 4-комнатную квартиру и вдобавок отдельно (5-комнатных не было) – 1-комнатную. Там начали свою семейную жизнь сын и его жена.

Смирнов С. А.: Но это уже много позже. 4-комнатная – это же вот эта же, на Селезнева?

Тыщенко В. П.: Да, эта.

Смирнов С. А.: А «однёрка» – это Андрей там жил недалеко от педу.

Тыщенко В. П.: Да.

Смирнов С. А.: Но это уже потом. Это я уже застал.

Тыщенко В. П.: Для меня это как вот...

Смирнов С. А.: Как один миг.

Тыщенко В. П.: Да. Как сегодняшний день

Смирнов С. А.: А защищали Вы диссертацию кандидатскую в НГУ?

Тыщенко В. П.: Да.

Смирнов С. А.: А кто там был руководителем?

⁵ На кафедре философии Новосибирского педагогического института В. П. Тыщенко работает с 1965 года (прим. С. А. Смирнова).

Тыщенко В. П.: Игорь Николаев.

Смирнов С. А.: В НГУ?

Тыщенко В. П.: Нет. Ну, опять, тут длинная история, интересно всё переплеталось. В общем, защитился благополучно. За диссертацию мне и по сей день не стыдно. А, вот философия с чего началась?

Смирнов С. А.: С чего?

Тыщенко В. П.: Коллектив возникает там, где есть требования, означающие уважение, и уважение к членам коллектива, которое связано с работой в этом же коллективе. Отсюда три стадии: стадия первая – требует один (сам Макаренко), стадия вторая – требует актив. Его поддержали из бывших...

Смирнов С. А.: Ну, бывшие уголовники в колонии Макаренко. Да?

Тыщенко В. П.: Да. А третья – это каждый требует от себя даже больше, чем требуют от него. Это же потребительная стоимость, меновая стоимость и их синтез. Поэтому у меня возникло сопоставление. И диссертация первая моя состояла из описания опыта Макаренко на языке Гегеля и опыта Маркса на языке Гегеля тоже. И там было сопоставление интересное. Когда работу прочитал руководитель наш, с кем я спорил, он сказал так: «Диссертация пойдет, а Макаренко выкинуть». Ну, что делать? Ну, давайте. Значит, остаются Гегель и Маркс со ссылками на философское наследие.

Смирнов С. А.: И в каком году была защита-то⁶? 1968-й? Да?

Тыщенко В. П.: Где-то у меня же диссертация лежит.

Смирнов С. А.: Вы же в это время уже знали про Ильенкова, Зиновьева, когда защищались?

Тыщенко В. П.: Обязательно. Началось не с них – началось с Бранского. Был у нас на 4-ом курсе такой гений⁷. Он занялся

⁶ Защита кандидатской диссертации прошла в НГУ в апреле 1968 года. Тема: «О начале восхождения от абстрактного к конкретному» (прим. С. А. Смирнова).

⁷ Бранский Владимир Павлович (род. в 1930 г.), профессор, д. филос. н., один из основателей Санкт-Петербургской научной школы социальной синергетики. Окончил философский (1953) и физический (1960, экстерном) факультеты

«Капиталом» Маркса применительно к физике. А потом уже возникло следующее. В Ленинграде Бранский остался одиночкой. Он не стал руководителем школы. То, что он написал по физике и по философии, – высшего уровня работы. Но до сих пор он в Ленинграде занимается всякого рода околофилософскими вещами. Умница. Но если брать количественно, так он философских категорий Гегеля использовал там не то 12, не то 24. Я могу сейчас посмотреть. И в это время мне попадает работа (не в это время, а в 1960 году) Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса». Это уже не 12 или 24 категории – это весь Гегель, причем очень последовательно продуманный с точки зрения Маркса. До сих пор считается одной из лучших его статей – статья об идеальном в первом многотомном издании «Философской энциклопедии». Но он не нашел там последователей. Так что дальше – Ильенков. А за Ильенковым последовал Зиновьев, с которым он в полемике. За ними последовал Библер. Он в это время из Средней Азии вернулся сюда в центр. Началась нормальная философская работа. Я пришёл к выводу, что можно идти в аспирантуру вот так сверху (а все рекомендации у меня были), а можно снизу, от коровника. Вот, оказывается, второй путь гораздо более полезный.

Смирнов С. А.: Но он полезный как? В том смысле, что материя жизни позволяла как бы не врать, находить правду и так далее? Лучше чувствовать другого?

Тыщенко В. П.: Конфликтов у меня с начальством было много.

Смирнов С. А.: Нет, я имею в виду материя жизни вам как философу позволяла не обманывать. Смотрите, это вот одна линия. А есть другая линия: Бахтин, Достоевский, снова через Бахтина, наверное.

Тыщенко В. П.: Всё то же самое.

Смирнов С. А.: А когда впервые Вы Бахтина узнали, не помните?

Тыщенко В. П.: Помню. Первое впечатление у меня было потрясающим. Это из отдельных литературоведов, философски грамотных. Но он искал ответ не на те вопросы, которые ставили перед искусством перечисленные ранее Ильенков, Библер и так далее. А если говорить о том, что меня в Бахтине впервые задело всерьез, наверное, пообедав, я тебе скажу точно.

Смирнов С. А.: Ну, началось же с поэтики Достоевского. Нет? Он же был недоступен в своих философских сочинениях. Они ещё не были изданы. Ну, подвесим, сделаем паузу. Где-то ведь произошла встреча: с одной стороны – Ильенков, Гегель, с другой стороны – Бахтин. Это совсем разные линии мышления и типы философии.

Тыщенко В. П.: Не разные.

Смирнов С. А.: Они могут пересекаться, но это всё-таки разные тип.

Тыщенко В. П.: Пока зафиксируем. Проблема – когда появляются вот эти фигуры. Не с Бахтина надо начинать – с Выготского.

Смирнов С. А.: А, это отдельно. Да. Про Выготского у меня отдельный вопрос. Но, наверное, Лев Семенович, появился у Вас раньше, чем Бахтин, в Вашей жизни.

Тыщенко В. П.: Ещё раз?

Смирнов С. А.: Выготский в Вашей жизни появился раньше, чем Бахтин?

Тыщенко В. П.: Переплетение. Выготский появился в связи с тем, что у нас были хорошие преподаватели психологии.

Смирнов С. А.: Хорошо. Зафиксировали. Ставлю паузу.

Приложение

Автобиография⁸

В любой системе самое важное – то, чего в ней нет. Канетти.
Я = Семь Я, включая ГП.

Я родился, в Белоруссии, закончил философский факультет Ленинградского университета (1950-55), пять лет странствовал вне философии (инструктор крайкома комсомола, директор сельской восьмилетки, председатель рабочкома совхоза) и писал автобиографическую книгу «Юность покидая». Убедившись, что романиста из меня не получается, а в философии наступило время реабилитации «буржуазных лженаук» – кибернетики и генетики, а также в том, что в отличие от руководства и писательства от философствования не устаю, я вернулся в преподавание философии.

После аспирантуры (1962-65) в Герценовском пединституте защитил (1968) кандидатскую диссертацию («О начале восхождения от абстрактного к конкретному»), с 1965 г. работаю в Новосибирском пединституте, более двух десятилетий читал лекции в ИПК при НГУ.

«Семь Я». Выбор призвания в 20 лет (философия вместо живописи, математики и литературы) и жены в 30 лет (математичка, которой удавалось возбудить любовь к математике не только у математически одарённых, практически у всех) оказались определяющими.

Опубликовал более полусотни статей, монографии «Философия культуры диалога» и «Юнг после школы: соционика межвозрастной педагогики» (в соавт. с В. В. Гуленко). Женат, сын (директор Сибирского университетского издательства), дочь (владелица частной платной школы «Таланъ»), пятеро внуков (от четвероклассника до служащего в банке), правнучка и правнук. По приглашению студентов вёл межфакультетский,

⁸ Опубликовано на сайте некоммерческого научного фонда Институт развития им. Г. П. Щедровицкого (раздел «ММК. Персоналии»): <https://www.fondgp.ru/mmk/persons/%d1%82%d1%8b%d1%89%do%b5%do%bd%do%ba%do%be-%do%b2%do%bb%do%bo%do%b4%do%b8%do%bc%do%b8%do%b8o-%do%bf%do%b5%d1%82%d1%8o%do%be%do%b2%do%b8%d1%87/>

а потом и межинститутский семинар «Полиглот», участвовал в семинарах М. А. Розова, И. С. Ладенко, В. Г. Сагатовского (Томск), в киноклубе «Диалоги» Э. Н. Горюхиной, в «Клубе межнаучных контактов» Дома Учёных, в секции театральных критиков Дома Актера, в конференциях при католическом духовном центре «Иниго», при Институте «Философии образования», в различных проектах «полиглотовцев» С. А. Смирнова, А. А. Третьякова, Г. И. Попова и т. д.

Благодаря общению с пушкинистами (Н. Е. Меднис, Ю. В. Шатин, Ю. Н. Чумаков) сделал для себя вывод, что философ № 1 в России именно Пушкин, поскольку жанровые эксперименты создателя нашего литературного языка оказали через русскую литературу определяющее влияние на российский менталитет. Правда, мы видим мир не через «магический кристалл» «певца империи и свободы», «срединой культуры», а через его осколки. Поэтому после Пушкина одни видят антипод свободы в империи, другие – имперского порядка в свободе. На протяжении последующих двух веков надлома России (Гумилев) наши пассионарии, расколотые между Западом и Востоком, старались уничтожить друг друга, но не смогли, и оставшимся пришлось практически признать неизбежность сосуществования, которое они до сих пор считают предательством. С переходом от надлома к «золотой осени» цивилизованного сбора плодов наступит время восстановления целостности расколотого магического кристалла.

Результатом такого общения оказался третий определяющий выбор: не субъект-объектная деятельность (от которой я окончательно ушёл, отказавшись заведовать кафедрой), а субъект-субъектное общение. Общение предназначено выстрадать решение в «царстве свободного времени» (Маркс), а деятельность – его реализовать в «царстве необходимости, рабочего времени» (Маркс). Общение после 1968 г. стало осознанной доминантой моего образа жизни и мыслей. Оказалось, что сопоставление деятельности и общения требует выхода за пределы кругозора автора «Капитала» и создателя коммуны «ФЭД».

Этот выбор я теоретически осознал после кризиса середины жизни (в районе 1968 г.), благодаря таким «заслуженным собеседникам» (как выражался Ухтомский, кстати, один из них), как Выготский и Бахтин (позже – Розеншток-Хюсси и Бубер), а также благодаря очередному (1975 г.) спору Ленинграда с Москвой: инженерный психолог Ломов противопоставил концепцию субъект-объектного общения операторов ЭВМ – концепции субъект-объектной деятельности человека с человеком и машиной Леонтьева. Вслед за выбором призвания (философ, а не писатель, живописец, математик, в чьих ролях перебивал) – выбор жены.

В то время мировой резонанс переживавших второе рождение Бахтина и Выготского поставил диалог в центр внимания.

Господствовавшая тогда теория деятельности, как универсалии, вступила в противоречие с этой тенденцией. Из всех дискуссий на тему соотношения монолога и диалога, деятельности и общения у меня наибольший интерес вызвала ещё одна дискуссия: «Ленинград – Москва». На этот раз перевесила аргументация ленинградца. Ломов в дискуссии с москвичом Леонтьевым отстаивал тезис: общение не вид, а дополнение деятельности (тем самым, утверждая, что общение носит субъект-субъектный характер в отличие от субъект-объектной деятельности, то есть, является *почвой укоренения* категорического императива Канта).

Теперь становилось всё яснее, что как понимание Бранского, так и понимание Ильенкова, как концепция Ломова, так и концепция Леонтьева требуют восполнения.

Когда я вернулся в философию, моей целью было разобраться, почему «никто из марксистов “Капитала” не понял» (Ленин). Сначала я увлекся проверкой идеи ленинградца (Бранского), который в своём нашумевшем в ЛГУ дипломе доказывал, что *исследование* Маркса шло от конкретного к абстрактному, а восхождение шло в обратном направлении: это – специфика *изложения*. Москвич Ильенков, напротив, доказывал, что изложение восхождения от абстрактного к конкретному было лишь логически исправленным ходом исторического исследования.

Проверял я обе концепции, продолжая поиск ответа на вопрос, с которым пришёл на философский факультет: почему никто не понял Макаренко, его идеи самоокупаемого образования на основе преодоления отрыва теории от практики? Я и написал в качестве черновика диссертации «Восхождение от абстрактного к конкретному в опыте "ФЭД" Макаренко». Черновик в Ленинграде забраковали. Позже в Новосибирске я защитил в качестве диссертации один из параграфов Введения. Результат проверки оказался в пользу московской концепции.

Тогда ещё я был «ёжиком в тумане», из которого доносились имена отрицавших диалектическую логику восхождения – от имени собственной версии формальной логики Зиновьева, от имени содержательно-генетической логики Щедровицкого, от имени «шелеста листьев священного дуба» (оценка Миши Розова) Мамардашвили, от имени будущего автора «Алгебры совести» Лефевра. Я кипел возмущением.

«Я = ГП Анимус». Я не встречал ничего более противоположного этой моей «питерской» доминанте, чем московская доминанта «деятельности с нуля» Г. П. Щедровицкого. Поэтому никто из современников не побудил меня изменить себя больше.

А было дело так.

После кризиса середины жизни я сам перешёл от усвоения метода восхождения Гегеля-Маркса к пониманию того, что он – не целое, а треть философии. Убедило меня общение с М. К. Петровым. Он утверждал: монологисты Гегель и Маркс, разрабатывая восхождение, утратили многообразие личностей, а вместе с этим автономию красоты и добра относительно истины, а, следовательно, и ключ к роли диалога. Требуется три варианта восхождения: не только к истине (даже с субдоминантами красоты и добра), но также к добру и красоте (с субдоминантой – истиной). Три восхождения не сводимы ни к одному из них, ни к какому-либо четвертому, что не исключает диалога между ними.

Знакомство с диссертацией Зиновьева, слухи о содержательно-генетической логике некоего Щедровицкого (как потом выяснилось, фиктеанца), упомянутый «шелест листьев», недоумение сторонника дословной традиции русской философии, почему все эти поклонники немецкой классической философии остались равнодушны к философии серебряного века, к шеллингианству – таков контекст общения с Георгием Петровичем.

Негативная окраска интереса к ГПЩ и ММК сменилась позитивной после того, как началось регулярное личное общение. Прежде всего, в работе группы АСУД В. А. Жегалина (по хоздоговору с В. В. Давыдовым и Г. П. Щедровицким), в ОДИ ГП и Ю.В. Громыко (я и сам проводил ОДИ, например, в таежном леспромхозе у Г. И. Попова), в клубе межнаучных контактов Дома учёных.

Пожалуй, наиболее приятной неожиданностью было то, каков Щедровицкий в кабинетах Лиц, Принимающих Решения в Новосибирске. Во-первых, он мгновенно просекал, кто есть кто, каков его вес. Во-вторых, умением замотивировать собеседника, взяв быка за рога. Многое я понял из его участия в обсуждении «Дома на набережной» на уроке у Эльвиры Горюхиной...

Что я понял, что пытаюсь понять, в чём ещё не разобрался.

Начну с конца. С недавнего разговора с Андреем Третьяковым. Роль семейной пневно-психо-соматической терапии. Оздоровляющее воздействие курсов, которые ГПЩ успел прочесть в НГУ и НГПУ, организованных им методологических кружков (мне более всего знаком кружок архитекторов) и ОДИ, проводимых ГПЩ и Громыко.

В этих играх идёт жесткий, и даже жестокий отбор на выживание (впрочем, он был характерен и для Физтеха). Высока опасность отсева среди выживших игроманов.

Люмпенизация игротехнического движения. С одной стороны, отрыв от ММК, с другой – соблазн больших денег за счет манипулятивной политологии. Это уже напоминает старших софистов, которые обучали показывать белое черным и черное белым в зависимости от заказчика и полученных денег.

Личный опыт общения помог понять, что кроме гегелевского и марксова монологического синтеза (после которого отпадает надобность в тезисе и антитезисе), существует диалогический синтез, при котором субъекты, отстаивающие тезис, антитезис и синтез при всей нераздельности, остаются неслиянными. Появилась сильная потребность в исчерпывающей типологии собеседников. В философии науки такая потребность не удовлетворена после различения Степиным неклассической (НК) и постнеклассической науки (ПНК). НК легализует квантово-волновой дуализм, ПНК – дуализм субъектов деятельности и общения, нераздельных и неслиянных.

Уже после распада СССР эту ещё более обострившуюся потребность удовлетворили «Психологические типы» Юнга и моделирование его идей социониками. Я понемногу освоил «быстрочтение собеседников». Постмодернистский плюрализм обычно вызывает демобилизующий дистресс. Пока мы остаёмся интеллигентами в старом смысле слова (идейными, но беспочвенными), увеличение количества идей лишь увеличивает разруху в головах. Ссылаясь на Эсхила (знание приобретается через страдание), Тойнби увидел: «каждая из философий и высших религий пришла в мир в то время и в том месте, когда и где бесконечные муки и страдания народа ещё более усиливались горестным испытанием переживания упадка и гибели земной цивилизации». Мы пришли в мир как раз в такое время и в таком месте. Вишневые сады вырубают, Вишнёвые кому-то надо сажать.

Чем калечат (кто скальпелем, кто идеями), тем и лечат. Если философа не удовлетворяет увеличение коллекции беспочвенных идей, нужно идеи укоренять, индигенизировать, быть селектором, сеятелем, выращивателем.

От философии, ориентированной на эту осмысленную цель, я не устал и к 75 годам (сегодня 04.07.05); значит, выбор Бытия полвека назад был верным.

Словом, было у кого учиться уму-разуму в семье, среди студентов (академик, доктора, кандидаты, предприниматели) и коллег.

Чему и у кого я, 20-ю годами в Белоруссии и 10-ю годами в Ленинграде обреченный быть западником, научился в споре «питерских онтологистов с московскими гносеологистами»? Я не встречал ничего более противоположного этой моей «питерской» доминанте, чем московская доминанта «деятельности с нуля» Георгия Петровича. Поэтому никто из современников не повлиял на меня больше.

Я часто задумываюсь над тем, как мои Семь Я включили в себя Я по имени ГПЩ.

Формула «делать жизнь с кого» не проходит: напротив, я окончательно понял, что стать и остаться собою (субъектом общения) могу только способом, противоположным и дополнительным тому, каким стал и остался собою «на 100% искусственный» ГП, пророк деятельности. «Не делайте под Маяковского, делайте под себя».

ГП разрушал в глазах слушателей их привычный образ жизни «бандерлогов». В этом смысле ГП для меня напоминает Сократа. Но в отличие от Сократа, он раскрывал альтернативу. Оказывается, можно «здесь и сейчас» заново строить объектную среду деятельности, превращать объекты в субъектов деятельности. Но если можно из некоторых объектов сделать деятелей, то можно из себя, из них, а также из тех, которые выпали из когорты ММК и ОДИ, сделать субъектов общения.

По Юнгу Анимус – центр бессознательного женщины, а Анима – мужчины.

Насчёт Анимы я давно понял, что это моя Роза, к шипам которой я имею более близкое отношение, чем кто-либо. Мне недоступны роли возлюбленной, жены, матери, наставницы, бабушки, прабабушки, завсегдатаев совещаний старушек на скамейке перед нашим подъездом. С неё я делать жизнь не могу уже потому, что не могу соматически забеременеть и родить. Но без неё я не могу забеременеть и родить по-своему, не соматически, а пневмопсихически.

Но, похоже, я понял, что моё вместительное бессознательное вместило также и Анимуса – Г. П. Щедровицкого. Мне, об-

щенцу, делать жизнь с деятеля нет смысла, но без него, опять же, жизнь общенца без деятеля не имеет смысла.

Такое вот, Я = Семь Я, как говаривал В. С. Библер. Спасибо всем, хотя бывает между нами такое, что хоть святых выноси.

04.07.2005 г.

ВИТАЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ЦЕЛИЩЕВ

«ВСЕ МЕМУАРЫ ЛОЖНЫ. ЭТО СТАРЫЙ ТЕЗИС...»¹

Смирнов С. А.: Итак, начинаем наш разговор с Виталием Валентиновичем Целищевым. Я бы хотел начать с уведомления. Виталий Валентинович, ситуация такая: обычно мы к философам относимся как к мыслящим людям, создающим свои произведения. Когда мы вспоминаем Гегеля, мы начинаем обсуждать его «Науку логики». А вот опыт философских автобиографий у нас обычно воспринимается как такая вишенка на торте.

И как некий частный случай – ну, это капризы человека, подробности его частной жизни, сколько у него там было жён, сколько незаконнорожденных детей и проч. И зачастую сводим автобиографию к жизни обывателя. И в этом смысле жизнь философа ничем не отличается от жизни, я не знаю, инженера, учителя, врача.

Но есть и такое допущение, что философская автобиография – это особый опыт, так скажем. И в этом плане как Вы относитесь к философским автобиографиям? Для Вас это тоже вишенка на торте или это то, чего, вообще-то говоря, зачастую не хватает для понимания, собственно, опыта философствования конкретного автора? И такого опыта не так много: настоящих хороших философских автобиографий. Как Вы к этому относитесь, к опыту написания философских автобиографий?

¹ Целищев Виталий Валентинович, научный руководитель, основатель и первый директор Института философии и права СО РАН, доктор философских наук, профессор. Интервью записано 22 марта 2019 года. Разговор провел С. А. Смирнов.

Целищев В. В.: Скорее всего, как к некоему смешанному варианту. Сказать жёстко о том, что философская стезя сильно определяла житейские обстоятельства или, наоборот, житейские обстоятельства сильно влияли на философию – сказать нельзя. Но, конечно, некоего рода обстоятельства житейские всё-таки сильно влияли и на выбор проблематики, и на выбор карьеры. Тут надо признать – да. Но это ведь перечень полуслучайных, или, как говорят философы, контингентных обстоятельств жизненных. Поэтому трудно перечислить их все. Но я могу сказать только одно. Конечно, значительную роль играет стечение обстоятельств. Например, я попал ещё студентом в Институт ядерной физики. Тогда мы, студенты НЭТИ, были приглашены Г. И. Будкером, тогдашним директором, для того чтобы там стажироваться.

Смирнов С. А.: Вы ведь закончили НЭТИ. Да?

Целищев В. В.: Совершенно верно. Да.

Смирнов С. А.: Первое образование у вас было фактически инженерное.

Целищев В. В.: Совершенно верно. Но дело заключалось в том, что с третьего курса нас взяли в Институт ядерной физики, и прямо там нам читали лекции тамошние гранды, среди которых был сам директор, академик Г. И. Будкер, будущий академик, «лучший ректор» Новосибирского государственного университета С. Т. Беляев, будущий академик, тогда доцент Б. М. Чириков, и многие молодые звезды. Лекции велись с 9.00 до 11.00 и с 17.00 до 19.00. А в середине и после – работа в лабораториях. Формально мы были студентами НЭТИ. Мы были первым набором того, что потом стало физико-техническим факультетом.

Смирнов С. А.: Да, физтех.

Целищев В. В.: Мы были первые самые, да. И там была философия на 4-ом курсе. Философию нам пришёл читать преподаватель НГУ (член кружка М. А. Розова) Игорь Алексеев...

Смирнов С. А.: Игорь Серафимович у вас вёл занятия?

Целищев В. В.: Да. И поскольку я к тому времени уже был более-менее как-то философствующий (я много читал,

на самом деле), он познакомил меня с такими людьми, как Г. П. Щедровицкий и М. В. Попович, которые приезжали в Новосибирск на конференцию в 1964 г. И когда я обратился через 2 года к Поповичу на предмет аспирантуры, он сказал: «Давай, зову к себе».

Смирнов С. А.: Но он позвал Вас туда – в Киев?

Целищев В. В.: В Киев, да.

Смирнов С. А.: И там уже был П. В. Копнин?

Целищев В. В.: Копнин был заведующим отделом, куда я поступил в аспирантуру, а также директором Института философии АН УССР, но через год он стал директором уже Института философии АН СССР в Москве.

Смирнов С. А.: Но до Киева он был в Томске.

Целищев В. В.: Но томскую часть его жизни я просто не знал. Копнин всегда слегка опережал консервативную часть философского сообщества, играл с ним и властями на грани, и выигрывал. Парадоксально, что томский и киевский этапы его карьеры считались опалой, из которой он выходил победителем.

Смирнов С. А.: Получается, что сразу со студенчества Вы попали в хорошие руки, такие имена и такие места....

Целищев В. В.: Да, конечно, и места были, безусловно. Да, конечно.

Смирнов С. А.: В этой связи, можете ли Вы назвать момент жизни, когда Вы поняли, что Ваша биография – это биография философа? Это как-то фиксируется?

Целищев В. В.: Это был момент, когда я получил письмо от Поповича: «Зову-зазываю». Тогда стало ясно. Потому что до этого времени я был сотрудником Института автоматики, и своё будущее представлял смутно. Хотя уже на втором курсе вуза я начал читать книги, причём на иностранном языке.

Смирнов С. А.: А английский у Вас как-то в НЭТИ был уже, Вы английский так классно знали уже тогда?

Целищев В. В.: Пришлось. Потому что напротив центрального почтамта была ГПНТБ, на третьем этаже там был читальный зал...

Смирнов С. А.: ...особый зал, где были книги для...

Целищев В. В.: Книги по МБА, межбиблиотечный абонемент. Система работала предельно чётко: через 2 недели ты получал книгу из Москвы.

Смирнов С. А.: Можно было заказать и получить.

Целищев В. В.: Да. И пришлось мне знать английский. Потому что книги были на английском языке. И я быстро освоился с языком. Потому что на русском языке хороших книг по философии практически не было, немногие книги были с грифом «для научных библиотек». Достать эти книги было трудно, но в библиотеках они действительно были. И первой моей настоящей книгой из этой серии была «История западной философии» Бертрانا Рассела. Много лет спустя я заново отредактировал её перевод, и с тех пор в этом виде она переиздавалась много раз. Это великая книга.

Позднее я ознакомился с другим видом запрета на чтение, а именно, с книгами с грифом «для служебного пользования», на которых ставился особый штамп, так называемый «шестигранник». Хранились эти книги, именно «хранились», в «спецхранах» библиотек.

Так что, к тому времени, когда Игорь Алексеев привёл меня, студента, в кружок Миши Розова, я много чего прочитал.

Смирнов С. А.: Так что Вы в кружок Розова в 60-е годы ходили?

Целищев В. В.: Начиная с 1964 года по 1967 – да, три года я там фактически был активным участником. А потом я уехал в аспирантуру в Киев.

Смирнов С. А.: Я-то этот кружок застал уже потом, когда Михаил Александрович уехал в Москву, и Сталина Сергеевна Розова продолжала семинарить. Это уже был поздний период. А в 60-70-е год кружок был очень активным.

Целищев В. В.: Да, я застал и этот этап, когда вернулся из Киева. Я очень хорошо знал участников семинара, у меня сложились очень дружеские отношения со всеми ими, это были по-настоящему славные ребята, Гуваков Володя, Игорь Алексеев, Наль Хохлов. Вся эта компания собиралась сначала

на квартире у Розова, потом – на квартире у близкого друга Сталины Сергеевны – Желтухина Николая Алексеевича.

Смирнов С. А.: Это членкор, который работал в «шаражке» с самим С. П. Королевым.

Целищев В. В.: Да. Вот там часто собирались. Для меня, молодого, никак не была понятна система отношений: кто кого любит, я был самым молодым, и конечно же самым житейски глупым. (*Смеются*).

Смирнов С. А.: Наль Александрович Хохлов как-то сказал мне, что Сталина Сергеевна похожа на чеховскую «душечку». Она с новым своим любимым (после отъезда М. А. Розова в Москву) была так же предана и так же жила его жизнью.

Целищев В. В.: Да, звали его Митрофанов. Похоже, у него была масса эзотерических идей касательно образа жизни, и они вместе увлеклись этими идеями. Но все это я уже знал понаслышке, поскольку после возвращения из Киева я жил уже в другом социуме.

Смирнов С. А.: Но надо отдать должное Сталине Сергеевне, при всех раскладах она была душой семинара.

Целищев В. В.: Да, она была настоящей хозяйкой, даже временами кормила участников семинара.

Смирнов С. А.: Хозяйка. И в этой связи, Виталий Валентинович, вообще-то говоря, у меня такое ощущение возникло, что Ваши-то философские интересы радикально расходились с программой семинара Розовых.

Целищев В. В.: Они радикально расходились. Потому что мне было как неофиту очень интересно, что делается в широком мире. А «розовский» семинар был, так сказать, не то что местечковым (он и был местечковым, поскольку тогда других семинаров не было), но они ориентировались на самоанализ и такие вещи, которые мне были не очень понятны. И программа семинара имела очень много общего с действиями Г. П. Щедровицкого.

Смирнов С. А.: Георгий Петрович – это страница отдельная. Но всё-таки Розов не «щедровитянин». Трудно его назвать его последователем.

Целищев В. В.: Я читал последние очерки Миши. У него были противоречия, да. Но я думаю, что все-таки его программа была сильно вторичной.

Смирнов С. А.: Вторичной?

Целищев В. В.: Конечно. Да, я думаю.

Смирнов С. А.: Он-то пытался отработать свою концепцию, теорию социальных эстафет.

Целищев В. В.: Теория эстафет пришла позднее.

Смирнов С. А.: Но это такая же самостоятельная штука?

Целищев В. В.: Это самопал полный.

Смирнов С. А.: Самопал. Трудно найти какую-нибудь традицию, чтобы он на ней стоял, чтобы были какие-то истоки...

Целищев В. В.: Да. Вот Игорь Алексеев был более подвижным в этом отношении. Я помню, как он одно время увлекся поздним Л. Витгенштейном, или объявлял себя субъективным материалистом (остальные три комбинации слов с материализмом и идеализмом в связи с объективностью и субъективностью были уже заняты). К тому же он непрерывно фрондировал в университетском комсомоле, со всякого рода последствиями. Ему было немного узко в философской ортодоксии.

Смирнов С. А.: Он потом уехал в Москву. Кстати, рано умер, от рака. Он как раз на семинаре был ярым поклонником Щедровицкого и отстаивал деятельностьную онтологию и методологию. И в этом они даже расходились, как мне кажется, с Розовым. Мне кажется, у Розова была какая-то странная позиция. Он говорил, что он тоже деятельностник. Но какой-то он все-таки... Коль скоро он дружил с учёными-естественниками, то натурфилософский контекст всё равно, мне кажется, сквозил у него.

Целищев В. В.: Да. Хороший термин, на самом деле. В этом смысле у него был натурфилософский уклон. Но не потому, что он с кем-то был знаком и так далее.

Смирнов С. А.: Да, без оценок.

Целищев В. В.: Да. А просто потому, что он был в этом смысле натурфилософом.

Смирнов С. А.: Да.

Целищев В. В.: Например, я помню, что он для анализа научной методологии на семинаре взял некий учебник С. М. Тарга по механике. И его интересовал способ изложения, каким образом текст этот анализируется. Такого рода деконструкция проводилась. Но это было дико скучное занятие. Потому что на самом деле: ну, и дальше что?

Смирнов С. А.: Да. Что с этим делать? Ну, деконструировал, дальше что?

Целищев В. В.: Оригинальный текст, да. И что? Вот такие методологические принципы. Но всё то было дико скучно, конечно. В этом всё дело.

Смирнов С. А.: И в этом смысле вы получали драйв от зарубежных философов.

Целищев В. В.: Да. У меня были свои герои.

Смирнов С. А.: Свои герои. И чем они Вас задели? Тем, что там было очень всё глубоко и конкретно и на хорошем математическом аппарате? У этих зарубежных героев?

Целищев В. В.: Как я уже говорил, только я окончил школу, в первое лето мне попалась книга Б. Рассела «История западной философии. И я был потрясен, на самом деле. Потому что одно дело – десятиклассник с «золотой» медалью, а другое дело – свежий взгляд абсолютно. Ходил в библиотеку читал (другого варианта не было), и почти дословно переписывал в тетрадь. И поэтому, конечно, я понял, что мир-то широк. А когда я с кучей вещей познакомился, с иностранной литературой – мир стал совсем широк. А здесь был кружок, с самопальными идеями, но всё-таки философский кружок, где я наивно отстаивал необходимость соотнесения здешних обсуждений с мировыми тенденциями. Я был самым молодым, наверное, таким, с их точки зрения, перспективным. Но я совершил «подлую измену» и уехал к Поповичу в Киев. (Смеются).

Смирнов С. А.: Через Рассела и пошли в аналитическую философию.

Целищев В. В.: Да, – математическая логика, точная философия и так далее, и так далее.

Смирнов С. А.: Вернемся к теме автобиографии. У западных авторов есть тоже такой опыт, например, дневники Л. Витгенштейна (которые Суровцев перевел и издал), или «Неоконченный поиск» К. Поппера. Так называемая интеллектуальная автобиография. Не так давно она вышла в переводе, в 2014 году. Как Вы относитесь к этому желанию таких философов-аналитиков, логиков сесть и начать писать автобиографию? Они что-то недосказали в своих интеллектуальных поисках, что-то недоговорили?

Целищев В. В.: Я думаю, что такого рода автобиографии, конечно, – это некий нарратив, когда вы знаете твердо, каким должен быть конец. Нарратив имеет начало, середину и конец. В этом смысле, когда такие люди, как Поппер, пишут автобиографии, это нарратив: он знает хорошо, к чему он придёт.

Смирнов С. А.: Жизнь прошла, и он всё вспоминает, потом подводит к...

Целищев В. В.: К определенному концу, который он знает. Да, совершенно верно. Это нечестно, на самом деле.

Смирнов С. А.: А если не знаешь?

Целищев В. В.: Вот Витгенштейн, когда писал дневники, не знал, на самом деле. В этом смысле они поэтому и более спонтанные.

Смирнов С. А.: Он же в окопах сидел. Он же как бы не был ещё готовым философом. И Витгенштейн не того типа автор. Он всегда не знал, к чему придёт. Да?

Целищев В. В.: Да. Все мемуары, они все в определённом смысле ложные. Потому что даже Рассел, который трехтомные мемуары написал, на самом деле, как выяснилось, грешил неточностями, недоговоренностями. Многое утеряно, многое скрыто и так далее. Там другая картина. А с Поппером – тем более. Посмотрите только на слегка ироническое описание Дж. Хорганом его интервью с Поппером (в книге Хоргана «Конец науки»²). Только сейчас вышел мой перевод Альберто

² Хорган Д. Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки. М.: Амфора, 2001.

Коффа «Семантическая традиция от Канта до Карнапа»³. Это фактически документированная история Венского кружка (идейная история), где показано, что Поппер ещё раннего периода, ещё 30-х годов, был совсем другим человеком, каким он себя потом стал считать. Поэтому все мемуары ложны. Но это старый тезис, на самом деле.

Смирнов С. А.: То есть здесь ничего...

Целищев В. В.: Ловить тут нечего, да. Интересные факты есть, конечно. Но в целом...

Смирнов С. А.: То есть автору не избежать этого тупика? Всё равно он приходит к своей красивой картинке о самом себе?

Целищев В. В.: Ведёт к определённом концу, да. Совершенно верно, да. Примерно так.

Смирнов С. А.: На самом деле врёт.

Целищев В. В.: Да.

Смирнов С. А.: А И преодолеть это невозможно? Или мы не знаем другого прецедента? Или как?

Целищев В. В.: Я думаю, что преодолеть невозможно.

Смирнов С. А.: Потому что ты все равно находишься в тисках образа Нарцисса?

Целищев В. В.: Например, когда я прочитал биографию Рассела, я был в восторге. Потому что Рассел был (да и сейчас остаётся) моим кумиром. Но когда я впоследствии говорил с людьми, которые лично знали Рассела и Витгенштейна (например, Георг Крайзель – знаменитый математический логик), я понял афоризм «Не сотвори себе кумира». Крайзель рассказал, что как-то Рассел, чрезвычайно остроумный человек, говорил перед публикой, а затем вышел и спросил собеседника: ««Ну, как? Я произвёл на них впечатление?». Я был в шоке. Это как будто Бог вышел и сказал: «Ну, как, ребята, я произвожу впечатление?»».

Смирнов С. А.: Да, падение кумира. А что было после Кива?

³ Коффа А. Семантическая традиция от Канта до Карнапа: к Венскому вокзалу / пер. с англ. В. В. Целищева; Сер. Библиотека аналитической философии. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 528 с.

Целищев В. В.: Я вернулся в Новосибирск после защиты кандидатской, и проработав год в НГУ, в 1970 поступил в организованный тогда отдел философии Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Главой отдела прислали из Москвы некоего Свечникова Геннадия Александровича, этакого диаматчика, проработавшего некоторое время в ЦК КПСС. Можете представить себе такую фигуру? Он был абсолютно невежественным в отношении всего, что выходило за пределы «Краткого курса». С собой привёз своего аспиранта-туркмена, которого поставил наблюдать за остальными. М. А. Лаврентьев, вынужденный завести философов, как говорят, требовал, чтобы тот не ругал кибернетику. Директор Института, знаменитый археолог П. А. Окладников, был более чувствительным к таким ортодоксальным фигурам как Свечников, поскольку сам в своё время попал под раздачу во время разборок с марризмом, и моментально возненавидел Свечникова. А поскольку я был белой вороной в отделе, которого активно выживали, Окладников взял меня под своё крыло. Когда Свечников внезапно умер, я стал заведующим, защитил докторскую, и очень быстро набрал способных ребят. Мы были молодыми и амбициозными и на самом деле сделали очень много.

Смирнов С. А.: Чем вы занимались уже в этом молодом составе?

Целищев В. В.: Фактически, мы затронули в своих исследованиях самые интересные направления в аналитической философии. Это были вопросы соотношения логики и онтологии, подстановочной квантификации, игровой интерпретации кванторов, интерпретация модальной логики, семантика возможных миров, французский структурализм, логическая семантика и т. д. И это был не просто «треп» - мы написали полтора десятка книг...

Смирнов С. А.: Вам спокойно позволяли заниматься этими вещами в то время?

Целищев В. В.: Как я потом узнал, за нами (по крайней мере, за мной) закрепился в определённых кругах ярлык «буржуазного философа», что в то время имело отнюдь не ирони-

ческий привкус. Но Окладников, который смеялся над разделением на марксистскую и буржуазную философию, был нашей «крышей». Однажды он очень развеселился, когда до него донесли перл Свечникова, который сказал о своем туркмене: «Резван улла Султанович иностранных языков не знает, и поэтому он истинный марксист».

Смирнов С. А.: То есть, Вы были таким изолированным кружком, островком энтузиастов западной философии?

Целищев В. В.: Как мы говаривали, мы делали все, что хотели, потому что были далеко от Москвы. Но это же обстоятельство сыграло плохую роль – здесь то, что мы делали, не находило никакого особого отклика. Здесь нужны были так называемые «методологические семинары». Это когда философы шли в «учёный люд» в институтах научного центра и вели с ними философические беседы, естественно, ортодоксального толка. Забавно, но оказалось, что этот самый «учёный люд» охотно довольствовался таким суррогатом натурфилософии с идеологическими придыханиями, и вовсе не стремился выходить за пределы банальностей. Так что мы через некоторое время, очнувшись от истинно научного «запоя», обнаружили себя в одиночестве. Через некоторое время часть народа эмигрировало в Москву, и начался распад группы, завершившийся присоединением отдела к социологам, которые вели этнологические исследования народов Сибири.

Смирнов С. А.: Окладникова тогда уже не было?

Целищев В. В.: Да, он умер в 1981 г. Через полтора года директором Института стал А. П. Деревянко, имевший совсем другой взгляд на «буржуазных философов». Стоит заметить, что незадолго до этого он проработал секретарем по идеологии в ЦК ВЛКСМ, что говорит о многом.

Смирнов С. А.: И это было некоторого рода конец проекта?

Целищев В. В.: Именно так. Кризис проекта совпал с кризисом мужчин среднего возраста, и я решил разрубить гордиев узел «эмиграцией», приняв предложение Пред-

седателя СО АН академика В. А. Коптюга, поехать атташе по науке и технике Посольства СССР в Румынии. Я уже выполнял по его просьбе дипломатические миссии. Например, в составе делегации во главе с будущим академиком В. Е. Накоряковым в послевоенном Вьетнаме, была попытка примирить естественников с обществоведами, бывшими генералами. Надо заметить, что Румыния тогда, резко дистанцировавшись от СССР, была местом «встреч» самых разных мировых конфликтных сторон, со всеми соответствующими особенностями работы дипломатов, о которых говорить ещё рано. Хотя мы и отвлеклись от философской траектории, хочу заметить, что я попал на некоторое время из огня да в полымя: послом был бывший шеф Деревянко по комсомолу, зловещая фигура даже по цековским понятиям Е. М. Тяжельников. До следующего философского проекта нужно было ждать почти полтора десятка лет.

Смирнов С. А.: Вернёмся тогда в прежние времена. Вы же не ограничивали себя только лишь своим первым проектом? Были же связи, защиты диссертаций, «внутривидовая» борьба. Как вы себя позиционировали в те ранние годы? Вы довольно рано опубликовались в «Вопросах философии», и судя по всему, с подачи А. А. Зиновьева.

Целищев В. В.: Да, он был инициатором ее публикации.

Смирнов С. А.: Он был у Вас ещё и оппонентом на защите кандидатской диссертации.

Целищев В. В.: Да, я хорошо помню, как мы с Мирославом Поповичем ездили в Москву для получения согласия Зиновьева на оппонирование. Он, конечно же, в детали не вникал, но отметил на защите, что такая работа могла сойти и за докторскую.

Смирнов С. А.: Когда же это было?

Целищев В. В.: Это 1968 год.

Смирнов С. А.: А Вы читали его кандидатскую, ещё тогда, которая в Москве ходила по рукам в машинописной рукописи, его «Восхождение от абстрактного к конкретному»?

Целищев В. В.: Нет, конечно. Нет, нет. Я думаю, что

он и сам уже, так сказать, не был от этого всего в восторге. Он в то время был логиком, и очень жестким.

Смирнов С. А.: Да. Но, заметьте, как бы основатели Московского методологического кружка, Щедровицкий и другие, говорили, что в основании кружка были идеи Зиновьева, дальше Щедровицкий, Мамардашвили, Грушин.

Целищев В. В.: Ну, такова устойчивая легенда о людях, которые постепенно выпрягались из теней официальной идеологии. Но думаю, что там было много и других людей, менее «презентабельных», что ли. Потому что эти умели себя подавать.

Смирнов С. А.: Зиновьев один из первых, практически параллельно с Э. В. Ильенковым, они написали две кандидатских. И обе – по «Капиталу», пытаюсь вытащить оттуда некую логику мысли как принцип логического мышления, то есть восстановить мысль Маркса, что называется. И все они потом годами, десятилетиями про это вспоминают.

Целищев В. В.: Я думаю, что, на самом деле, они сделали то, что было позволено в рамках тогдашних условий. И ни о чём другом они говорить не могли, кроме Маркса. Но, честно говоря, я как тогда, так и сейчас, просто не понимаю всего этого контекста с попытками извлечь особую логику из классиков марксизма, помимо следования правилам принятой игры в ортодоксию на грани фола.

Смирнов С. А.: Это был вынужденный выбор того, о чём можно было говорить.

Целищев В. В.: Конечно. Но была ещё одна особенность московской интеллектуальной жизни, работа в кружках, с явными лидерами. Кстати, по этому же образцу создались и другие кружки, например, «розовский» в Новосибирске. Не уверен, что это была лучшая форма самоорганизации философов, поскольку личности лидеров слишком сильно довлели над его участниками. Стоит только вспомнить характеры Зиновьева, Щедровицкого. Иногда это была странная смесь прагматизма и идеологической одержимости, например, у Ильенкова, который демонстрировал такую истовость.

Смирнов С. А.: Истовый гегельянец был.

Целищев В. В.: Да. Г. С. Батищев на слуху был, и так далее.

Смирнов С. А.: Батищев – его ближайший ученик...

Целищев В. В.: Но всё это было в условиях жесткого давления партийных органов, директоров, которые были так далеки от философии, как это было возможно вообще. Так что нельзя переоценивать важность того, что делали эти молодые философы, подготавливая почву для дальнейшего «свободомышлия».

Смирнов С. А.: Вот хорошо бы. Но печаль в том, что они ведь друг с другом почему-то не сильно дружили.

Целищев В. В.: Это вполне естественно. Все хотели быть главными, или первыми...

Смирнов С. А.: ... «щедровитяне» не переносили «ильенковцев» и наоборот. Зиновьев вообще одинокий волк, и послал там всех потом. Ну, и водку пил много, это понятно.

Целищев В. В.: Но тут нет, опять-таки, ничего удивительного. Все как положено.

Смирнов С. А.: Что же мешало им слышать друг друга? Только личные амбиции?

Целищев В. В.: Я расскажу одну историю. Когда я приехал с Поповичем вербовать Зиновьева на роль оппонента, мы пошли всей компанией, несколько человек, в гости к В. А. Смирнову.

Смирнов С. А.: Тому самому, логику...

Целищев В. В.: Тому самому, да, Владимиру Александровичу, который вместе с Зиновьевым претендовал на имя «фюрера» советской логики. И там произошла гигантская ссора, свидетелем которой я оказался.

Смирнов С. А.: Между Смирновым и Зиновьевым.

Целищев В. В.: Да... Как я помню, ругань была основательной. Камнем преткновения, как и положено у русской интеллигенции, было понятие «порядочности человека». В контексте порядочности в философии.

Смирнов С. А.: То есть спорили не по существу, а сугубо по своим амбициям?

Целищев В. В.: Конечно. И когда Смирнов сказал, что есть очень жёсткий критерий, что такое «порядочный человек». Это те люди, которые бывают у него в гостях.

Смирнов С. А.: Вот так.

Целищев В. В.: Тут Зиновьев взвился, и беседа пошла на очень высоких тонах, и они окончательно рассорились. Это был последний визит. Всё. После этого они уже не контактировали. Это были амбиции лидеров.

Смирнов С. А.: Но если взять все-таки содержание, Зиновьев как математический логик Вам был интересен?

Целищев В. В.: Нет, конечно.

Смирнов С. А.: Он же фактически тоже делал самопал.

Целищев В. В.: Безусловно. Он был крайне оригинален. Это типичная ситуация с русской гениальностью, на грани такого житейского «солипсизма».

Смирнов С. А.: Это был самопальный вариант?

Целищев В. В.: Да. Это самопальный вариант, совершенно верно. У него была совершенно оригинальная концепция логики, которая никак не была увязана с текущими мировыми исследованиями. Когда он был выслан из СССР...

Смирнов С. А.: Ну, тогда он вообще в литературу ушёл.

Целищев В. В.: Не сразу, поначалу он попытался поставить себя как логика. И в Варшаве, по-моему, был какой-то симпозиум, он вышел с докладом, и его, деликатно говоря, не приняли во внимание. То есть он понял, что на самом деле его оригинальность тут не будет поддержана. И тогда он ушёл в социологию.

Смирнов С. А.: Причем тоже в самодельную. Это же не та социология, которая...

Целищев В. В.: Я не уверен в значимости того, что он писал. Я знал его лично, бывал у него дома, и беседовал с ним, ходя по Москве. И многое из того, что было в разговорах, я увидел в его книгах. На самом деле, это всё были заготовки, всё это вертелось, у него великолепная память была. И всё это

потом ушло в социологию. И я уверен, что вскоре никто и не обратит внимания на его книги.

Смирнов С. А.: Очень жаль. Мужик-то одарённый.

Целищев В. В.: Ну, это типичный одаренный русский мужик с трудно предсказуемым поведением. Я помню, как мы стояли с ним на верхнем этаже Института на Волхонке, и в контексте беседы он громко на всю лестницу произносит «Когда Сталин сдох...». Я озираюсь по сторонам, такая вполне обыденная реакция, с одновременным восхищением смелостью человека. А по приезде он говорит и пишет нечто другое, расхваливая русскую революцию, которая обеспечила социальный лифт таким как он, одним из пятерых детей бедной семьи, и фактически реабилитируя Сталина. То, что он потом считал себя выше таких резких дихотомий как сталинист / либерал, не прибавляло уверенности в его искренности.

Смирнов С. А.: Но он вроде бы осознавал это. Он же написал потом «Исповедь отщепенца». Он же по жизни отщепенец. Или это поза?

Целищев В. В.: Это поза. Потому что на самом деле у него был более серьёзный тезис о том, что мир его не интересовал, он формировал его под себя. Если под себя делаешь мир, чего ты удивляешься, что ты отщепенец?

Смирнов С. А.: Тогда не удивляйся, как к тебе относятся. Да. Но есть и другая фигура, Георгия Петровича Щедровицкого, который очень сильно его уважал как чуть ли не старшего брата и учителя.

Целищев В. В.: Георгий Петрович, по-моему, никого не уважал, кроме себя.

Смирнов С. А.: Георгий Петрович? Ну, во всяком случае, опять вопрос, насколько он был искренним. В своих воспоминаниях он Зиновьева постоянно вспоминает добрым словом.

Целищев В. В.: Они были почти однокурсниками. Там почти рядом.

Смирнов С. А.: Ну, Щедровицкий 1929-го года рождения, а Зиновьев постарше...

Целищев В. В.: 1921-го.

Смирнов С. А.: Он с 1922-го.

Целищев В. В.: Ну, да...

Смирнов С. А.: Он же повоевать успел, как и Ильенков. Ильенков с 1924 года.

Целищев В. В.: Повоевать успел, да.

Смирнов С. А.: Поэтому это всё-таки уже другое поколение. Те-то – фактически военное поколение молодых лейтенантов. А эти уже помоложе. Поскольку в окопах не сидели. Так вот в этой связи, когда Иосаф Семенович Ладенко, его младший товарищ, сюда приехал, очень много стал проводить конференций, семинаров. И к нему, естественно, приезжал Щедровицкий. И тоже, наверное, пытался как-то здесь укоренить свои идеи. Вот Вы с ним общались? Вы с ним как-то пересекались?

Целищев В. В.: Нет. Я только видел его (причем он ко мне как-то благожелательно отнесся) на той конференции 1964 года. Потом я периодически видел его, но никак уже не общались.

Смирнов С. А.: Сначала же была первая конференция, по-моему, по логике и методологии науки в Томске в 1961 году.

Целищев В. В.: Да.

Смирнов С. А.: Потом в Киеве в 1962-м. Потом у нас...

Целищев В. В.: В 1964-м.

Смирнов С. А.: А потом, по-моему, в 1967-м.

Целищев В. В.: Может быть, да.

Смирнов С. А.: И Ладенко постоянно по этому поводу публиковал тезисы и прочее. Вот эта активность, она как-то отражалась, как вы думаете, на Академгородке? Или эти приезды никак не влияли?

Целищев В. В.: На самом деле, что такое философия в Академгородке, если честно?

Смирнов С. А.: Это отдельная тема.

Целищев В. В.: Это отдельная тема. Поэтому, в принципе, вряд ли кто мог замечать всё это, что здесь происходило.

Смирнов С. А.: А. Это были такие внутренние междусобойчики?

Целищев В. В.: Внутренние междусобойчики. Тем более, что Михаил Розов почему-то стеснялся публичности, у него был пунктик какой-то насчёт этого, он не был трибуном, он был идейным организатором.

Смирнов С. А.: Да, это так.

Целищев В. В.: Фактически некая уязвимость какая-то в нём была. Слабое место, уязвимость.

Смирнов С. А.: А, то есть он чувствовал, что он здесь слабее.

Целищев В. В.: Он слабее, да. Он вторичен.

Смирнов С. А.: И по содержанию.

Целищев В. В.: И по содержанию, да. Потому что рядом был Игорь Алексеев, который на самом деле был эдакого рода кошкой, которая гуляла сама по себе, так сказать.

Смирнов С. А.: И он был ярче.

Целищев В. В.: Он был ярче, конечно. Был Хохлов, который артистичен был, вообще.

Смирнов С. А.: Само обаяние. Он мог обаять любого.

Целищев В. В.: Да. Так что там были люди, которые не были подвластны гипнозу создания маленькой ячейки со странной программой. Но было много других людей, которых видели в деятельности кружка нечто глубокое, не обладая стремлением обзавестись знаниями, выходящими за пределы узкой проблематики. После переезда М. А. Розова остались люди, которые либо не защитились, либо чувствовали себя покинутыми. В некотором роде такие кружки всегда несут на себе отпечаток секты. И Миша Розов был главой секты. Недаром, в последующих воспоминаниях участники говорили о «теневой» стороне⁴.

Смирнов С. А.: Да, конечно.

Целищев В. В.: Налицо была ситуация изоляции от того, что можно назвать мировой философией. Некоторые члены кружка чувствовали это. Например, Игорь Алексеев некоторое

⁴ См.: На теневой стороне. Материалы к истории семинара М. А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. Новосибирск: НГУ, 1996.

время носился с идеей языковых игр Витгенштейна, приспособивая её к концепции деятельности. Мне такая изоляция претила, и я радостно уехал в Киев, где Копнин давал расцветать «ста цветам».

Смирнов С. А.: И потом в своих сборниках «на теневой стороне» они всё это вспоминали. Но дело в том, что продолжения-то не видно. Его, наверное, поэтому и нет.

Целищев В. В.: Потому что теневая-то сторона была не очень-то теневой в том смысле, что там не было прямого противостояния с господствующей идеологией.

Смирнов С. А.: Зачем умножать вторичное дело, если оно изначально...?

Целищев В. В.: Организатор всего этого дела Щедровицкий. Это, конечно, харизматическая личность была.

Смирнов С. А.: Вот в этой связи. Дело в том, что ещё с конца 50-х он разрабатывал тоже параллельно свою содержательно-генетическую логику. Сугубо по содержанию это тоже самопал?

Целищев В. В.: Это самопал в самой что ни на есть самопальности. Я думаю, что это была некая попытка, так сказать, сделать себе нишу. Потому что нужно было, в любом случае, определяться с каким-то направлением.

Смирнов С. А.: Поиск своей философской лазейки?

Целищев В. В.: Да, да. Логика-то вполне respectable слово.

Смирнов С. А.: Да.

Целищев В. В.: Есть такая параллель. Возьмем важную фигуру мировой философии – Р. Рорти, которого все, включая его самого, называют прагматистом. Он постоянно говорит: «Мы, прагматисты» и прочее. На самом деле, как полагают серьезные исследователи, его философия никак не является продолжением философии У. Джеймса или даже Д. Дьюи. Неопрагматизм Рорти – это желание вписать себя в канон. Так что это старая стратегия: вы должны обязательно изобрести себе канон. Вот человек изобрел себе канон – генетическая логика. В то время в ходу была диалектическая логика.

Смирнов С. А.: Да, Ильенков развивал.

Целищев В. В.: Это было на слуху, где-то рядом, так сказать, мы ходим, только новое.

Смирнов С. А.: Но потом он сам-то от неё отказался.

Целищев В. В.: Да это было ему... Я думаю, что это был самопал, который сыграл свою роль.

Смирнов С. А.: И пошёл дальше.

Целищев В. В.: Да.

Смирнов С. А.: СМД-методология – это все-таки уже тем более совсем другое направление.

Целищев В. В.: Другое направление.

Смирнов С. А.: И отношение к ней разных научных сообществ сложное, так скажем.

Целищев В. В.: Но сейчас они Щедровицкого как воспринимают? Как некоего крайне харизматичного организатора движения.

Смирнов С. А.: Вот смотрите, в своё время, когда В. А. Лефевр, один из его младших товарищей, говорил: «Влияние Щедровицкого похоже на влияние Рассела». Вот даже так. Ну, может быть, это и перебор.

Целищев В. В.: Я думаю, это преувеличение крупное.

Смирнов С. А.: Я имею в виду, что именно обаяние и харизма личности во многом позволяла что-то делать...

Целищев В. В.: Ну, конечно, движение-то заметное, особенно в сфере крайне неопределенной сферы человеческой жизни, названной щедровитянами «Методологией» (с большой буквы). Он был двигателем. Это ясно, как божий день.

Смирнов С. А.: Я имею в виду всё-таки содержательный вклад в методологию науки и философию, он соразмерен его обаянию?

Целищев В. В.: Нет, конечно.

Смирнов С. А.: Или из-за обаяния сильно преувеличиваем его содержательный вклад?

Целищев В. В.: Трудно сказать. Кто может определить сейчас эти вещи?

Смирнов С. А.: Кто оценит? Это пока трудно сказать?

Целищев В. В.: Да и...

Смирнов С. А.: Я к чему? Биография ведь и складывается как раз из этих событий, из следов, из вкладов. Если след – это всего-навсего обаяние, а содержание самопальное, тогда что же остаётся?

Целищев В. В.: Тут есть некое противоречие. Потому что Щедровицкого сейчас воспринимают как человека, который сумел создать костяк (или не костяк – структуру, каркас, некого рода группу), кредо которых выразить крайне затруднительно, на самом деле. Но, тем не менее, твердая группа. Например, есть какие-нибудь школы, где директора занимаются мыследеятельностью со страшной силой.

Смирнов С. А.: Да.

Целищев В. В.: И в этом всё дело. Что это такое – определить очень трудно, на самом деле. Но есть некое обаяние или некое, так сказать, очарование в таких вещах, которые на самом деле полупонятны. Наверное, так, да.

Смирнов С. А.: Меня-то он сильно в то время задел своим тезисом: нет ничего, кроме мышления и действия. И ты начинаешь думать: что это означает? Когда особенно с ним общаешься. Но у Вас есть очень мощный эпизод, большой эпизод – Ваш семитомник. Я уже Вам в письме написал, если честно, это я не льщу, я не знаю другого такого прецедента такой плотной и глубокой связи философа с иными областями, вот в данном случае – с математикой. Понятно, здесь и фигура Ю. Л. Ершова, это понятно. Но вот, например, М. А. Розов тоже пытался общаться с естественниками, биологами, математиками. Свою теорию социальных эстафет он же строил на научном материале. И фактура у него была сугубо из тех наук. Но он всё равно был чужой для них.

Целищев В. В.: Ну, да. Ну, да.

Смирнов С. А.: В данном случае означает ли это, что философ тогда должен знать язык того собеседника (в этом смысле – математику) так же глубоко, как и тот же Ершов? Если не буквально в деталях, но также чувствовать нутро, материал.

Целищев В. В.: Ну, проблема признания специалистом-учёным философов – это трудная проблема. Потому что

на самом деле воспринимают в основном как? В лучшем случае – как младших братьев, что называется.

Смирнов С. А.: Да. Или как тех, кто задним числом пытаются как-то интерпретировать научный материал.

Целищев В. В.: Поэтому, в принципе, проблема того, чтобы быть на равных, – очень сложная проблема. Мы с Ершовым знакомы давно. Меня познакомил Гуваков. Володя Гуваков.

Смирнов С. А.: Помню я его. Он умер. Он уехал в Москву, работал в ВШЭ.

Целищев В. В.: Да. Мы были очень близкими друзьями.

Смирнов С. А.: Он потом ушёл в политехнологии.

Целищев В. В.: Володя никогда не был...

Смирнов С. А.: Вообще-то говоря, в философии ему было тяжело, мне кажется.

Целищев В. В.: Он простоват был. Вы меня извините. Но просто да, очень хороший парень, но...

Смирнов С. А.: Он не нашел себя, по большому счету.

Целищев В. В.: Я как директор Института организовал ему защиту докторской. Он часто употреблял слова и имена, типа «Хайдеггер», и наивно полагал, что с этим он и выйдет на защиту. Но он предпочёл говорить о каких-то проблемах медицины. Но у Гувакова была как раз потрясающая способность проникновения в разные круги – он со всеми был, так сказать, в ладах.

Смирнов С. А.: Да, замечательная способность.

Целищев В. В.: Он со всеми в ладах был. Он всё и всех знал. Абсолютно потрясающе знал всех. Помню, например, встречу на его квартире со Б. Стругацким.

Смирнов С. А.: Да. Всех знал. И его все знали, да.

Целищев В. В.: Да, а Ершов тогда был в зените славы. Молодой человек, который доказал очень важную теорему о так называемых p -адических числах.

Это некие особые числа, порождаемые структурой. Очень важную теорему доказал, на самом деле. Очень важную. И я как-то попросил нас познакомить. Мы познакомились, осторожно так. Но потом Ершов понял, что я в этом немножко

понимаю, так сказать. Мы делали семинары долго, в 80-е годы. В 2000-е возобновили контакты. И когда я написал 7 книг⁵, а Ершов очень осторожен в сотрудничестве, он даже отказывал своим близким друзьям, чтобы подписывать совместные работы.

Смирнов С. А.: Ага.

Целищев В. В.: Когда я написал все эти книги, он был впечатлен настолько, что он попросил сделать большую книгу. Это четыре моих книги в компактном варианте.

Смирнов С. А.: А, четыре здесь...

Целищев В. В.: Четыре. То, что он согласился, и то, что он был инициатором, на самом деле, – это признание некоего паритета.

Смирнов С. А.: Хорошо, философ должен понимать в данном случае язык математики. А математик должен понимать язык философии?

Целищев В. В.: Он просвещённый мужик был.

Смирнов С. А.: В этом смысле только тогда можно понимать?

Целищев В. В.: Конечно. Он читающий человек, совершенно, да. Он просвещённый математик. Это редкое явление, на самом деле. В этом смысле он, конечно, на голову выше, чем его собратья-академики.

Смирнов С. А.: И поэтому это редкий случай такого сотрудничества.

Целищев В. В.: Это редкий случай.

Смирнов С. А.: Это прецедент такой. Да?

Целищев В. В.: Да.

Смирнов С. А.: Но, совершившись, этот прецедент тогда и задает планку.

Целищев В. В.: Ну да. В этом смысле – да.

Смирнов С. А.: А с чем связан успех этого прецедента? Так просто получилось? Вы были готовы к этому, и Ершов был готов.

⁵ Целищев В. В. Философия математики. Новосибирск: Наука, 2002.

Целищев В. В.: Нет, мы долго, фактически несколько лет мы делали семинары, раз в две недели. Друг к другу притирались, долго уже. Это с 80-х годов шло.

Смирнов С. А.: Но в 90-х годах, у Вас была констатация, в своих «Записках семидесятника» Вы заметили: «Эти восхитительные темы особо никого особо не интересуют. И наши достижения тех лет остались практически не востребованными»⁶. Сейчас такая же ситуация?

Целищев В. В.: Может быть, хуже. (Смеются)

Смирнов С. А.: Но уже и 90-е прошли, и «нулевые» прошли.

Целищев В. В.: Понимаете, какая ситуация? Трагедия в том, что точная философия (называйте как аналитическая, точная и так далее), она в этом смысле в Советском Союзе почти умерла. И в России умерла. Почему? Потому что, если посмотреть на студентов-философов (не обязательно Новосибирского университета – любого), то, на самом деле, выбираются темы, которые не требуют знания логики, математики и так далее. Это вполне понятно. Потому что, например, в Советском Союзе по статистике 87% диссертаций были по научному коммунизму. Со степенями философскими. История философии – 3%, логика – 0,5%.

Смирнов С. А.: Да. Но даже тогда, после войны, по решению Сталина логика преподавалась в школах. Тот же Щедровицкий был учителем логики в школе. И Зиновьев тоже. И там какая-то, более-менее, жизнь была.

Целищев В. В.: Мой брат (он на 4 года старше меня) изучал логику в школе, а я – уже нет.

Смирнов С. А.: Вот. Я к тому, что если нет её нигде, то что бы они выбирали, студенты, кроме...?

Целищев В. В.: Если Вы зайдете на защиты диссертаций бакалавров в Новосибирский университет, если вы посторонний человек, вы не поймете, что идут защиты по философии.

Смирнов С. А.: К сожалению, да, я согласен абсолютно. Это просто непонятно что. Это просто бла-бла-бла.

⁶ Целищев В. В. Философский переписчик: переводы и размышления. Новосибирск: ОмегаПресс, 2014. С. 20.

Целищев В. В.: Это непонятно, что. Это даже квалифицировать-то бесполезно.

Смирнов С. А.: Так это, в том числе, относится и к квалификации преподавателей.

Целищев В. В.: Да, да, да.

Смирнов С. А.: Они же либо моралисты, либо идеологи, либо все болтуны, извините.

Целищев В. В.: Совершенно верно. Да.

Смирнов С. А.: Чему они научат? В том смысле, что сам предмет отсутствует. И тогда что там говорить о студентах?

Целищев В. В.: Да. Совершенно верно.

Смирнов С. А.: И сейчас ещё хуже. А плюс к этому, языки не знают.

Целищев В. В.: Нет, они язык знают. Но это shop-talk.

Смирнов С. А.: Язык такой – day by day, что называется, для повседневной тусовки.

Целищев В. В.: Да, что-то вроде этого. Примерно так.

Смирнов С. А.: Это проблема. И в этом смысле вопрос остается не только актуальным, но, может быть, ещё более тяжелым. Вы же написали в статье 19 лет назад: «Можно ли изучать полноценно современную философию без чтения серьезных книг?» Тогда у нас, Вы говорите, был популярен одно время М. Фуко и все франкофоны, даже немцы. А вот с аналитической философией дело всегда было тяжелым.

Целищев В. В.: Однажды мне на глаза попалась программа то ли Кембриджа, то ли Оксфорда, в которой указан список книг, обязательных для прочтения, то я обнаружил, что на русском языке существует максимально 12-15% от этого списка. Сейчас ситуация немного изменилась, много чего переведено. И здесь я внес значительную лепту, на моем счету около 20 переводов хороших книг. Но всё равно ситуация позорная. Потому что, например, французы переводят великолепно. И, судя по всему, французское посольство, по крайней мере, некоторое время поддерживало все эти вещи.

Смирнов С. А.: Да. Многие книги изданы при их финансовой поддержке.

Целищев В. В.: Сейчас не пишу. Может быть, сейчас и нет такой поддержки. Но, может быть, косвенная поддержка и есть. А здесь ничего нет совершенно, вообще. Но ведь понятно, почему. Французы озабочены продвижением собственной культуры.

Смирнов С. А.: Это, наверное, ещё и исторически связано с французской культурой с России. А вот с англо-саксонской у нас всегда было тяжелее. Хотя в своё время Петр Чаадаев учился у англичанина на чистом английском языке.

Целищев В. В.: Он поэтому и написал сумасшедшее письмо.

Смирнов С. А.: А написал он это всё на французском. (Смеется)

Целищев В. В.: Нет, он всё правильно сказал, на самом деле.

Смирнов С. А.: Да. И в этом плане, наверное, нам не хватает именно подобного рода вещей. И тогда, Виталий Валентинович, грустная ситуация получается. Ключевые собеседники находятся за границей? Жить здесь в городке, при этом твои собеседники живут там, в Финляндии или в Америке. Здесь фактически общения почти нет.

Целищев В. В.: На конгрессе, когда мы сделали конгресс? В 2009 году мы сделали?

Смирнов С. А.: Это который философский? Да, в 2009. Пятый конгресс.

Целищев В. В.: Да. Там был некий Свидерский, советолог, если по-русски говорить. Он знает русский язык. Он швейцарец. И мы как-то ходили, беседовали. Когда он понял, чем я занимаюсь, он меня спросил: «Вам здесь не одиноко?»

Смирнов С. А.: Вот.

Целищев В. В.: Правильно, одиноко. Конечно. Да.

Смирнов С. А.: А с другой стороны, ведь другого-то выбора нет. Если ориентируешься на мировые образцы, то это значит, ты вынужден признать такие правила игры, ты вынужден пойти на интеллектуальное одиночество.

Целищев В. В.: Очень точная формулировка, да. Спасибо. Да.

Смирнов С. А.: Где-то так получается. И это удел нормального философа с хорошими амбициями.

Целищев В. В.: Да. Называть это «подвижничеством» будет неправильно. Потому что никакого подвижничества тут нет. Это экзистенциальная ситуация, в чистом виде. Но она отягощена ещё всякими семейными, экономическими факторами и так далее.

Смирнов С. А.: И это есть. Но, во-первых, это ситуация самоопределения: что мне делать, если я что-то хочу сделать по-настоящему, по-крупному?

Целищев В. В.: Да. Примерно так, да. Я хочу сказать следующее. Мне очень нравится афоризм: «Обозревая собственную жизнь, она окажется тебе обязательно цепью тотальных поражений». Эту фразу я очень люблю. Жизнь окажется цепью непрерывных поражений. Потому что, видимо, задумки подспудные были совсем другими, а кончается так, как оно кончается. Можно, конечно, перечислить свои достижения: то, другое, третье, четвертое, пятое. Но это будет не искренне, на самом деле. Потому что, по большому счету, конечно, многое не сделано, хотя у тебя громадная потенция. Или много сделано не так. Но это относится не только к творчеству. Это относится и к личной жизни, на ком женился, как получилось и т.д....

Смирнов С. А.: Да. Личная жизнь...

Целищев В. В.: Предательство или дружба бывших друзей. По-разному.

Смирнов С. А.: В этом плане, возвращаемся к началу: настоящая философская автобиография – это как раз и есть цепочка таких поражений и их осознание.

Целищев В. В.: Да, да, да.

Смирнов С. А.: Тогда и получишь.

Целищев В. В.: Можно сказать и так. Хорошо формулируете. Совершенно верно, да. Это сплошная цепь поражений. Потому что в 70-х мы сделали очень много. Когда я выехал в США в 1977 году, когда я там был, я знал очень знатных людей, суперлюдей, самых больших. Я имел отдельные разговоры с У. Куайном и Х. Патнэмом в Гарварде. Когда я, будучи

в Калифорнийском университете в Ирвайне, спросил своих американских коллег о том, есть ли смысл просить у Куайна аудиенцию, они были весьма скептически, упомянув его консервативность и прямо антисоветизм. А время-то было 1977 год. Я всё равно написал ему, и он ответил, думаю, весьма удивленный просьбой русского философа, что ждёт меня в Кембридже тогда-то и тогда-то. Он мало с кем беседует, и думаю, что в его согласии был элемент удивления. Это удивление, что в СССР занимаются аналитической философией, было повсеместно. У меня был долгий разговор в доме Дэвида Каплана, который никак не мог поверить в то, что мне никто не препятствует на родине. Не препятствовали, но и предпочитали просто не замечать до поры до времени.

Когда я говорил о проблематике наших исследований, реакция была примерно такой, какая была у знаменитого американского логика Сола Крипке. Я попросил у него статью, громадная статья, страниц на 100, он прислал её письмом и написал: «Никогда не думал, что этими вещами занимаются по ту сторону Атлантики». До сих пор у меня хранится это его письмо. Это означало высшую степень признания. Ну и что? И кому всё это нужно здесь? Выяснилось, что в Москве-то никто не заметил. А если заметили, то типа В. А. Смирнова, которые были очень ревностны в этом отношении. Потому что он был «фюрером» по своему признанию. Поэтому он считал людей, которые независимы, просто своими личными врагами. В этом вся беда была.

Смирнов С. А.: Да. Это беда, конечно. Что я ещё хотел спросить? Вообще-то говоря, в кружке Розова был активный участник, его друг Тыщенко Владимир Петрович. Они же учились вместе, в Ленинградском университете. Втроем: он, Сталина и Михаил Александрович.

Целищев В. В.: Да? Я не знал.

Смирнов С. А.: Они вместе учились в Ленинградском университете, закончили его. На одном курс. И так получилось, что они потом здесь оказались в одном городе. Тыщенко совсем другой человек. И он меня ввёл в философию. Совсем

другого типа. Я вошел в философию через Бахтина, через других авторов. Русских в основном. Через Флоренского и так далее. И так получилось, что я на Розова вышел через Тыщенко. И больше общался, конечно, с Владимиром Петровичем. А Вы с ним общались, с Тыщенко?

Целищев В. В.: Нет. Практически нет. Мы много раз встречались и у Розова, и у других. Нет. Практически нет.

Смирнов С. А.: И как автор, разумеется, он Вас никак не задевал.

Целищев В. В.: Нет. Мы разные совершенно...

Смирнов С. А.: Совершенно разные миры фактически. Да?

Целищев В. В.: Миры разные даже. Да. Даже не тематика разная, а вообще миры разные.

Смирнов С. А.: Точки пересечения непонятно какие.

Целищев В. В.: Никаких, да, совершенно. Точкой пересечения было то, что я ряд книг издал у его сына.

Смирнов С. А.: Да, Андрей Владимирович, известный издатель. Конечно. Это естественно. Вот так получилось, что дети у него пошли своей дорогой. Нина у него хозяйка частной школы, а Андрей издатель много лет. А у меня-то вот с Тыщенко были долгие-долгие годы роста. Но потом мы идейно разошлись. Но дело не в этом. Ему уже где-то 89-й. Вы же моложе.

Целищев В. В.: Я думаю, лет на 10.

Смирнов С. А.: Он же белорус. Он в оккупации жил под немцами.

Целищев В. В.: Он, наверное, 1930-го года, скорее всего.

Смирнов С. А.: Да, именно. Ему староста скостил три года и поэтому спас. В Германию не угнали. У него по паспорту один возраст, а по факту он старше.

Целищев В. В.: Значит, 88 будет⁷.

Смирнов С. А.: Да.

Целищев В. В.: Но он мало коммуникабелен.

Смирнов С. А.: Вот. Хотя одна из любимых его тем – это тема диалога. Но вот насчет диалога очень сложно. С одной стороны, декларируется диалог. С другой из него просто прёт

⁷ Владимир Петрович Тыщенко скончался 10 мая 2020 года.

монологом своё содержание, и собеседника он почти не слышит. Есть такой момент. Это удел любых увлечённых или это просто элементарная культура?

Целищев В. В.: Я думаю, второе.

Смирнов С. А.: Ты увлекайся, хорошо. Но если ты хочешь, чтобы тебя слышали, сделай паузу, послушай.

Целищев В. В.: Во-первых, он был, с моей точки зрения, очень высокомерен в своём увлечении. При первом взгляде на него и при последнем взгляде ясно, что тебя он вряд ли услышит. Потому что он мономаньяк такой. Он в некоторые вещи верит, или, не знаю, не верит, а увлечён ими, и дальше бесполезно что-то обсуждать. И он всегда приходил на кружок Розова угрюмым, молчал, а потом если он говорил, то как-то, на самом деле, всё это шло полностью вразрез.

Смирнов С. А.: Да. И с Розовым он постоянно спорил. Хотя лично они дружили. Но там они тоже не находили общего языка, как-то всё не получалось.

Целищев В. В.: Розов, кстати, был очень чувствителен к возможным соперникам. Понимаете? В этом всё дело. Но он не соперник был, потому что он всё время играл.

Смирнов С. А.: Да? Ему все равно было?

Целищев В. В.: Ему всё это до лампочки было.

Смирнов С. А.: Ему, не хватало иронии.

Целищев В. В.: Да, поэтому ирония. Поэтому вся эта мудрость философская ему была не очень интересна. *(Смеются)*

Смирнов С. А.: Зато он со студентами хорошо возился. Его любили студенты.

Целищев В. В.: Да нет, он же шоумен.

Смирнов С. А.: Да, да.

Целищев В. В.: Это шоумен великолепный, да. Поэтому Игорь Алексеев, кстати, был реальным соперником.

Смирнов С. А.: Ага?

Целищев В. В.: Но он быстро уехал. Какие-то у него сложные отношения были у него с женщинами, непрерывные женитьбы его. Так и что с Тыщенко? Что вы хотели сказать про Тыщенко?

Смирнов С. А.: Потом он ушёл в соционику. И пошёл, извините, бред.

Целищев В. В.: И пошёл по шпалам. Сошел с рельсов. Да, ясно.

Смирнов С. А.: Очередной самопал. Он считает, что это его универсальный инструмент, он всю мировую философию упаковывает в матрицу соционики. Плюс к этому, соционику поженил на астрологии. У него там сплошные знаки зодиака.

Целищев В. В.: Это ужас. Почему человек входит в этот клинч и увлекается этим? Ну, во-первых, он изолирован. Его крайняя серьёзность. Потому что, мягко говоря, он маньяк. Вряд ли ему нужен критик. Вряд ли он критически относится к вещам. Вот то, что Вы говорите, очень важно. Мои претензии были к Розову (к кружку): самопально всё это. Я так и говорил: ребята, я хочу знать, что пишут по этому поводу другие, знаменитые философы и так далее.

Смирнов С. А.: Для этого надо быть открытым.

Целищев В. В.: Открытым. Совершенно верно. Да.

Смирнов С. А.: Почему претендуют на самопал? Потому что считает, что он изобрел великое? Опят самоиронии не хватает?

Целищев В. В.: Да, и всё. Очень жесткая методология. Изучаем, как я уже говорил, учебник по механике некоего Тарга. В этом изложении Розов хочет узреть какую-то особую методологию, но через анализ текста. Я не представляю, что там можно извлечь. Это дико скучно, конечно, было. Ужасно скучно было. И Тыщенко, конечно, в этом смысле с горящим взглядом. Да, я вспомнил соционику. Вспомнил. Совершенно верно. Я тоже был поражен. Где-то мы слушали его, я не помню, на каких-то чтениях. Не помню. Но вряд ли он кому-то хотел чего-то доказать. Потому что он был самодостаточен.

Смирнов С. А.: Но тоже ведь ещё один случай такого увлечения, которое доводит до...

Целищев В. В.: Да. Почему мы с Игорем сошлись? Потому что Игорь был человеком широких интересов. То Витгенштейн ему нравился, то он говорил: «Давай напишем в энциклопедию статью по времени» и так далее. Он был в этом смысле широким, прыгал туда-сюда. Такой увлекающийся человек. А Миша Розов другого темперамента был.

Смирнов С. А.: А что дальше с Игорем Алексеевым?

Целищев В. В.: Он был сложным человеком, играя всегда на грани фола. Например, он был важной общественной фигурой в университете, связанной с ВЛКСМ.

Смирнов С. А.: А, он был комсомольский вожак.

Целищев В. В.: Вожак и диссидент, понимаете? И многие считают, к сожалению (я не знаю), что на самом деле Игорь играл амбивалентную роль в этой сфере.

Смирнов С. А.: Ах, и это ещё?

Целищев В. В.: Вот он участвовал в сборе всяких подписей, в протестах. Игорь балансировал на грани изгнания из партии. Но были и не очень приятные эпизоды, когда в момент апогея студенческих волнений (хотя тут не было таких), но некоего такого беспокойства, приезжал первый секретарь обкома, Горячев, был такой, и студенты спросили (а на то время был как раз апогей, когда Игоря Алексеева гнобили официальные власти), кто-то из студентов спрашивает: «Как вы относитесь к Игорю Алексееву?». «А что, – говорит Горячев, – Игорь Алексеев хороший человек, вчера он прислал мне телеграмму с поздравлением на день рождения».

Смирнов С. А.: Тут-то он его и выдал. (Смеётся)

Целищев В. В.: В этом всё дело. Понимаете? Тут много чего было. Потому что очень многие студенты, которые пошли за Игорем Алексеевым, сгорели. Кто-то получил, если не срок, но, по крайней мере...

Смирнов С. А.: Ну, такая подстава была серьезная.

Целищев В. В.: Подстава, да. А Игорь Алексеев выходил сухим из воды, из всех передраг... Так что его отъезд из Горodka был не так уж и случаен. Но к тому времени мы поте-

ряли какую-либо связь, хотя некоторое время были друзьями, несмотря на разницу в возрасте в 10 лет.

Смирнов С. А.: Да. Я Вас не спросил ещё про одного человека, я с ним дружил – Ладенко Иосаф Семенович. Хороший человек был?

Целищев В. В.: Хороший человек был. Да.

Смирнов С. А.: Но ведь опять, смотрите, его интеллектика – опять самопал.

Целищев В. В.: Самопал.

Смирнов С. А.: Вот кого ни возьми – опять какое-то изобретение. Какой-то постоянный кружок самодеятельности.

Целищев В. В.: Это самопал, да.

Смирнов С. А.: Хороший человек, добрый, беззащитный. Я с ним даже дружил. Он, кстати, мне подарил зинovieвскую диссертацию. Ту самую рукопись. На папиросной бумаге такая, знаете, копия там пятнадцатая.

Целищев В. В.: Да, сейчас это смешно.

Смирнов С. А.: Да. Но он так ею дорожил: «На вот, возьми. Мы учились на этом». Но когда начинаешь его читать и слушать его выступления, не можешь понять: что такое, про что это? Какая реальность за этим стоит? Он что хочет понять, сказать?

Целищев В. В.: Это самопал. Почему, когда говорят – Щедровицкий, движение, которое он инициировал, то на самом деле у меня такое ощущение, что Щедровицкий гораздо более глубоко по замыслу всё это делал. Возможно, его сама методология, философия не интересовала. Тут выступал перед нами где-то года полтора-два назад его сын, Петр, и он прямо говорил, что главная-то проблема заключалась в организации групп.

Смирнов С. А.: Да.

Целищев В. В.: Это влияние так называемое.

Смирнов С. А.: Это влияние.

Целищев В. В.: Влияние, давление. Да, влияние его интересовало гораздо больше, чем всё остальное. И методология построения групп – великолепная методология.

Смирнов С. А.: Так они потом и игры запустили, на играх вербовали новых агентов.

Целищев В. В.: Да игры до сих пор живы. И ещё как живы, что называется. Поэтому в этом смысле – да, наследие огромное. Тут мы однажды спорили. Что ж это такое было? А у Петра юбилей был. Я сидел в Москве в это время, у нас съезд был, это года два назад было, и читал, что Петр говорил: не дарите мне машины, у меня уже есть. А ему машины дарили. И завязался разговор у меня с людьми, знающими Москву, сами москвичи. И я выясняю и говорю: «Да наверняка Петр в чести у С. В. Кириенко». У того самого, бывшего премьера, нашего нынешнего заместителя главы администрации Президента.

Смирнов С. А.: Петр же долгие годы был советником у Кириенко в Росатоме.

Целищев В. В.: Так в этом всё дело. Я говорю собеседнику: наверняка Петр там под влиянием Кириенко, которому приписывают страсть к методологии. А мне говорят: всё наоборот. Вполне возможно, что Щедровицкий-сын играет гораздо более важную роль. Так что семья Щедровицких – это очень почтенная семья.

Смирнов С. А.: Отец-то у него был известный, из советских руководителей, создателей авиапрома.

Целищев В. В.: Поэтому, в принципе, старые московские генеалогические связи – это первое, это доминирует над всем. Поэтому организация влияния – это многофакторное дело. А вот вторичность приводит к самопалу. Скажем, у тех, которые следуют за Щедровицким, и у Розова этот самопал получился, и у Ладенко – самопал. Потому что, во-первых, это не соотносимо с общемировыми стандартами, с тем, как нужно делать философию. Согласитесь, в этом всё дело.

Смирнов С. А.: Да.

Целищев В. В.: Или другой, тоже как-то в философии, методологии не нашедший своё место. Хотя при этом в кружке они начинали, например, с математики греческой, античной.

Смирнов С. А.: Это Михаил Александрович?

Целищев В. В.: Нет, Розов, который Коля...

Смирнов С. А.: А, Николай Сергеевич.

Целищев В. В.: Да. У него есть какие-то там булевы алгебры, которые он взял для подсчета исторических событий. Это полная мура, извините. (*Смеются*). Он там говорит, мол, это математика. Я говорю: «Какую ж ты математику используешь? Просто это уже не то, что прошлый век, это уже полтора столетия назад». Он говорит: «Нет». Выяснилось, они с Ладенко всё это дело ещё изучали, применяли булевы таблицы. Ну, это уже смешно, так сказать. Есть статистические методы, которые на слуху у всех. Поэтому, конечно, Ладенко харизматичен был. Хотя и был слеп.

Смирнов С. А.: Да, это его личная трагедия. Она очень сильно повлияла. Но ведь пытался держаться. Для него методология была опорой, попыткой держаться.

Целищев В. В.: Да. Наверное, да. Нет, чтобы слепой человек поехал в Москву один – абсурд. Как это?

Смирнов С. А.: Да, да, да. Ему нужна была опора.

Целищев В. В.: И у него методика была такая. Он приходил, садился к министру (или, там, замминистра), укоренялся в кресло. И его принять надо было. Потому что он мог целый день сидеть спокойно совершенно. Так что такая тактика.

Смирнов С. А.: Ясно.

Целищев В. В.: Мне очень нравится, что вы говорите. Да, что ни возьми – то самопал. Вот почему? Да, вот это любопытно. И это было очень обидно. Потому что, в принципе-то, как я считаю, когда мы основывали философский факультет в НГУ, то главным мотивом было сделать так, чтобы не быть маргинальными. Надо как-то сделать так, чтобы мы не были маргиналами философии, как-то так, чтобы была тематика серьёзная.

Смирнов С. А.: Вот как раз насчет судьбы философского факультета. Долгое время она была просто магистратурой. Так ведь?

Целищев В. В.: Да.

Смирнов С. А.: Это ведь не так давно было.

Целищев В. В.: Ну, шесть лет.

Смирнов С. А.: Все-таки получается ли так, что действительно, вопрос же так и стоит, когда Вы спрашивали про книги, про обязательный список, вопрос же не только в книгах, но и в институции. Если есть факультет, есть уже полная вертикаль, то, может быть, здесь уже есть возможность какая-то и молодых подтягивать, и сообщество формировать. То есть институционализироваться, а вокруг этого могут быть конференции, семинары, журналы, книги.

Целищев В. В.: Есть большие проблемы с мотивацией тех, кто идёт учиться на философов. Раньше мы брали людей в Институт из магистратуры, людей увлечённых, часто не имевших предварительной философской подготовки. А сейчас я очень разочарован в бакалаврах.

Смирнов С. А.: Да, кто идет-то? В своё время Сталина Розова пыталась делать гибридов (она любила это слово). Брали из физиков и математиков и из них два года как бы лепили философов.

Целищев В. В.: Это мы учредили ещё во времена ректорства Ю. Л. Ершова.

Смирнов С. А.: Да. Он дал возможность.

Целищев В. В.: Его сын, которому мы сильно помогли, который не очень хорош в математике, пошёл по «гибридной» версии, и я оказал, как бы это сказать аккуратнее, значительную помощь в написании им диплома. Особой благодарности от родителей не имел. (*Смеются*).

Смирнов С. А.: Вот так.

Целищев В. В.: Говоря о первоначальном импульсе в привлечении молодых людей к философии, следует признать, что он ослабел. Но, в любом случае, сейчас, конечно, это всё выродилось в очень обыденное дело...Все по Веберу, происходит «рутинизация харизмы».

Смирнов С. А.: И пока неизвестно, что делать. Согласен.

Целищев В. В.: Приходят к организации учебного процесса люди с малой культурой, которые, на самом деле, и для философии, мягко говоря, посторонние люди. И душой, и даже не то что образованием, но им профессионально не до этого.

Поэтому тут много случайных людей. Вот, скажем, В. С. Диев, с которым мы сильно поссорились, потому что я не пустил его на директора Института.

Смирнов С. А.: Здесь?

Целищев В. В.: Да.

Смирнов С. А.: Он претендовал?

Целищев В. В.: Он не только претендовал, он был уверен в том, что станет директором. Я открыто выступил против, потому что понимал, что он принесёт с собой полное разрушение института. У Диева – математическое образование, которым он никак не воспользовался, пойдя по комсомольской линии, а затем избрав партийную работу. На должность декана факультета он попал случайно, и сама по себе эта история поучительна с точки зрения того, как начинается эта самая «рутинизация харизмы».

Смирнов С. А.: Я, если честно, сильно удивился, почему он декан философского факультета.

Целищев В. В.: А я объясню. С чего начался факультет? В 1982-83 гг. Министерство решило создать философский факультет в Сибири, и наше здешнее университетско-академическое руководство решило не свихиваться с этим. Характерно, что со мной, как с зав. отделом философии никто и не консультировался, что, впрочем, неудивительно, потому что А. П. Деревянко был ректором университета. Так что факультет уехал в Томск. Когда Ю. Л. Ершов стал ректором, ситуация стала более благоприятной, но в самом общем смысле, пока эти благоприятные обстоятельства не переросли в решимость создать философский факультет здесь.

Ершов, если сказать несколько выпендренно, – просвещённый ректор. Его сотрудник в Институте математики, логик Климентий Федорович Самохвалов, защитивший у нас докторскую, убедил своего шефа создать что-то вроде философско-теологического факультета. В начале 1990-х религия была в почете. Оный Самохвалов стал истовым католиком, убежденным в том, что для теологического просвещения настало самое время. И они с Ершовым решили создать такую инсти-

туцию, с приезжими патерами и т. д. Напоминаю, это был 1990 год. Но одно дело – идея, а другое дело – её воплощение.

Мне позвонил Ершов (мы часто вели совместный с его отделом семинар) и сказал: «Ты не хочешь к нам присоединиться?» И я «присоединился», почувствовал, что это шанс создать что-то серьёзное. Естественно, вся организация легла на меня.

Состоялось заседание Учёного Совета НГУ, которое весьма враждебно отнеслось к самой идее «религиозно-философского» факультета. Но ректор был настроен решительно, и мы получили статус «факультета на общественных началах». Через два года мы легализовались, получив первую в России лицензию на магистерское образование по философии. Всю программу я придумал, сидя на лавочке в своём дворе. Впрочем, вот два протокола заседания Учёного Совета, которые говорят, с какой враждебностью и недовольством пришлось встретиться мне. Председатель Сибирского Отделения РАН академик В. А. Коптюг на Президиуме воскликнул, что это Целищев, с ума сошёл, учреждая тут теологию? Вот у меня есть протокол заседания, держите. Можете поизучать.

Смирнов С. А.: Спасибо. Ух ты. Так это документ.

Целищев В. В.: Это протокол заседания учёного совета университета. И мы сделали его на общественных началах. К нам стали приезжать патеры: католические, протестантские. Трудно было очень, на самом деле, с русской православной церковью, но, тем не менее, мы бесплатно читали лекции, организовали проезд и досуг лекторов, и два года шла такая безвозмездная деятельность по просвещению публики.

Смирнов С. А.: И какие при этом у вас были перспективы?

Целищев В. В.: Ершов был доволен. Его такой статус нашего общественного факультета устраивал, потому что с его точки зрения мы просвещали народ, а что ещё надо? Тогда был, как вы сами знаете, к религиозным институтам и прочим духовным вещам некий пиетет.

Смирнов С. А.: Да.

Целищев В. В.: Но я понимал, что мы должны становиться профессионально, и имел ряд бесед с Ершовым, говорил ему:

«Если мы переходим к серьёзному делу и готовы организовать такой факультет, то это надо делать штатно». Ершову это не понравилось. Он сказал: «Того, что вы делаете, вполне достаточно». Того, что вы, типа, вообще существуете. На что я Ершову сказал: «Тебе хорошо, для тебя – развлечение. А мы профессионалы. Мы что, будем всё время обслуживать не очень ясные духовные запросы естественников с помощью патеров?». И здесь между нами начались расхождения, в результате которых он не дал мне стать деканом. Это была очень странная ситуация, поскольку всё держалось на мне. Один из его аргументов, в общем-то обоснованных, заключался в том, что, если Целищев станет деканом, он немедленно выгонит всех этих патеров. Так что деканом стала сотрудница Института математики, филолог, приятельница Самохвалова, отец которой, профессор гумфака, был большим другом всех патеров.

Смирнов С. А.: Эк, наворочено.

Целищев В. В.: Я все-таки добился формальной организации факультета, что повлекло обычную организацию учебного процесса со штатными преподавателями, с зарплатой и проч. Так что патеры отпали, и первоначальная идея Самохвалова рассосалась. Возникшее напряжение с руководством факультетом стало совсем интенсивным, когда Ершов предложил на должность декана В. П. Фофанова, зав. кафедрой философии НГУ, сопротивлявшегося всеми силами созданию факультета, бывшего секретаря парткома и проч.

Смирнов С. А.: Та ещё фигура.

Целищев В. В.: Я говорю: нет. Он говорит: «Ну, а кого? Ну, давай Диева, что ли?». А Диев в это время в 1991 году приехал из Академии общественных наук.

Смирнов С. А.: А он же «ершовец»? Он же у него начинал?

Целищев В. В.: Нет.

Смирнов С. А.: Но он кандидат физ.-мат. наук?

Целищев В. В.: Он не кандидат физ.-мат. наук. Он кандидат философских наук.

Смирнов С. А.: Философских наук?

Целищев В. В.: Он кандидат философских наук. Он сделал её в Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Смирнов С. А.: Ага. Вот так. Но претендовал же ещё и Ю. В. Попков.

Целищев В. В.: Попков претендовал, да. Он был замдиректора 10 лет.

Смирнов С. А.: Он был заместителем.

Целищев В. В.: Он не очень инициативный человек.

Смирнов С. А.: Понятно. Ну, ладно. Спасибо. Ставим многоточие.

Целищев В. В.: Да, многоточие.

Смирнов С. А.: Спасибо большое.

Примечание В. В. Целищева: Теперь мы имеем ситуацию, когда философский факультет и институт философии противостоят друг другу. И для меня ирония состоит в том, что если первую из этих институций я практически создал, то для второй я был хранителем в буквальном смысле слова в течение 20 лет, с непрерывными намерениями и угрозами со стороны Президиума и лично А. П. Деревянко «слить» институт. Как-то директор Института философии РАН академик А. А. Гусейнов написал этакий мемуар о том, почему не любят философов. Очень дельная статья, и я не хотел бы повторять её. Но тенденция недовольства философами в нашей университетской и академической жизни является непреходящей. Но это уже совсем другая история.

ВИТАЛИЙ ЛЬВОВИЧ МАХЛИН

«...О НАПИСАНИИ СВОЕЙ ФИЛОСОФСКОЙ АВТОБИОГРАФИИ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ И РЕЧИ

Ответы на вопросы автобиографического интервью¹

Реперы

1. Можете ли Вы назвать момент в жизни, который стал тем ключевым эпизодом в Вашей биографии как философа? С какого момента Вы стали себя ощущать философом? По каким признакам Вы можете судить о таком событии?

2. Вы уже пишете свою философскую автобиографию? Или считаете это делом лишним? Или Вы согласны с Хайдеггером, что жизнь философа – это тире между датами рождения и смерти? А главное в его жизни – его сочинения?

3. Вы разделяете личную жизнь философа и его жизнь в его сочинениях? Или это та личностная амальгама, в которой его мысль и жизнь не разделимы? Или все же главное в его жизни – его мысль, воплощенная в его сочинениях? Тогда его биография – это прежде всего его интеллектуальная история, история его сочинений?

4. Отличается ли жизнь философа от жизни любого другого человека? Или нет? И в частной жизни он такой же обыватель, как и все остальные? А иногда он просто сидит и пишет свои сочинения. А другой ведет уроки в школе. А третий работает врачом. А четвертый ...

5. Что Вы можете сказать о существующих и написанных ранее философских автобиографиях? Они для Вас – десерт к столу философа или полноценные самостоятельные сочине-

¹ Махлин Виталий Львович, доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИНИОН, член-корреспондент Академии гуманитарных исследований при Институте философии РАН, историк, переводчик, ответственный редактор международного издания «Бахтинский сборник» (1990–2004). Ответы на вопросы были присланы в письменном виде С. А. Смирнову. Сентябрь 2021 года.

ния? Или же к ним нельзя относиться серьёзно? Какого автора какой философской автобиографии Вы бы выделили прежде всего? Кто оказал наиболее сильное впечатление? Кто из них больше мемуарист, а кто действительно писал философскую автобиографию?

6. Представим себе, что Вы пишете свою автобиографию. Можете показать ее примерно хотя бы в основных событиях? С чего все начиналось? Ваши духовные учителя? Ваши основные собеседники? Основные оппоненты? Каковы основные эпизоды Вашей философской биографии Вы бы выделили?

7. Вы можете допустить такую мысль, что на самом деле философская автобиография начинается, пардон, после ухода автора? То есть, прежде всего биографична его мысль. И судьба его идей, его сочинений. И его тексты начинают писать его биографию после смерти физического носителя. В этом плане гораздо богаче, например, биография Бахтина после его смерти, а точнее она началась с 60-70 годов. Или посмертная биография Витгенштейна... Когда физическая жизнь автора уже заканчивалась и начиналась новая А та, первая жизнь, была трагичной, полузабытой, мало известной...

Ответы

1. Если первое дело философии – это «критика языка», то целесообразно для начала уточнить основное слово-понятие возможного разговора.

Автобиография вообще и, в частности, автобиография философская – это публичный отчет автора о своем жизненном или творческом пути. В отличие от автобиографии, которую приходится писать, например, при устройстве на работу, автобиография «известного» или «творческого» человека предполагает сугубо публичный, ответственный *адресат*. Философская автобиография в этом отношении – не исключение: автор смотрит на себя и свой пройденный путь глазами *других* – возможной заинтересованной аудитории (научной корпорации или околonaучной публики).

Сам я осознал себя «философом», можно сказать, дважды: первый раз – в тот момент (1989 год), когда в СССР на волне гласности я получил «место» на кафедре философии столичного вуза, только что переставшей быть марксистско-ленинской и ставшей просто кафедрой философии. До того я почти весь «застой» прослужил преподавателем английского языка и англо-американской литературы в средней («английской») школе,

с ощущением, что я как-то не на своем месте. А второй раз я осознал себя «философом» четверть века спустя, когда это самое институциональное место, где я чувствовал себя «на своем месте», как-то вдруг начало таять и вместе с тем окостеневать – как и моя философская кафедра в целом. В последующие годы процесс разрушения традиционной модели университетского образования пошёл полным ходом и стал повсеместным, но в нашем вузе, где нет философского факультета, изменения носили все более острый характер, обнажив свои исторические основания: оказалось, что философия не имеет самостоятельного значения («не нужна»), если она не служит «духовному» просвещению и спасению *всех* учащихся. Вот тогда я вторично осознал себя «философом», притом российским, но уже не по месту работы, а скорее по не вполне уместному образу жизни и мысли, чуждому большинству нормальных людей и лишенному общественного авторитета. Так на собственном опыте, не сходя со своего, казалось, надежно обжитого профессорского места, я отчасти понял мысль М. М. Бахтина (которая раньше казалась мне темной): «Нужно перестать быть только самим собою, чтобы войти в историю».

2. Из сказанного ясно, что о написании своей философской автобиографии не может быть и речи. Анахронично и неле-

по в ХХI веке натягивать на себя, по выражению О. Мандельштама, «не по чину барственный шубу» так называемой культуры, тем более – философской традиции. Время философии в привычном для нас смысле этого слова, похоже, закончилось вместе с концом Нового времени в прошлом столетии. Те, кто сегодня занимается научно-философскими проблемами, – это уже не столько «философы», сколько «исследователи», в лучшем случае – исследователи *истории* философии. Жанр философской автобиографии предполагает: (1) авторитетное научное сообщество коллег и (2) высокую оценку деятельности автора автобиографии со стороны научного сообщества, как бы глазами которого автор смотрит и оценивает свой творческий путь. В сегодняшних условиях обе эти социокультурные предпосылки философской автобиографии, в общем, «не работают» ни на официальном, ни на неофициальном уровне, поскольку прежние «идеологические» различия между тем и другим, похоже, утратили общепонятную значимость как в общественном, так и в научном сознании. Так называемое научное сообщество (*scientific community*) в условиях глобализации является «сообществом» ещё меньше, чем даже в советские времена. Так что оглядка и ссылка на Гегеля или на Хайдеггера, по-моему, тоже анахронизм: настоящие исследователи должны ясно сознавать «духовную ситуацию времени, в которой они «мыслят» и в которой, как выразился один старый современный литератор, «никто никого не читает».

3. Отсюда, в свою очередь, следует, что различие между «личной жизнью философа» и его «сочинениями» тоже утратило тот смысл, который оно могло иметь (или *не* иметь) в эпоху так называемого *модерна* (т. е. за минувшие два столетия). Жанр философской автобиографии, мне кажется, устарел постольку, поскольку *границы* между экзистенциальной, институциональной и интеллектуальной сторонами «жизни и творчества» мыслителя в значительной степени размыты в последние десятилетия. Тезис М. Фуко о «конце человека» нужно понять не риторически и не только как полемическое преувеличение или извращение, но как несколько опоздавшую констатацию о конце «эры идеализма».

4. Когда «жизнь философа» сопоставляют или противопоставляют «жизни любого другого человека», то все такого рода различия чаще бьют мимо цели, поскольку разные профессии в таких случаях рассматриваются и оцениваются одинаково, а именно – *извне*; тогда как «внутренний» аспект деятельности (в нашем случае – философской) не всегда прозрачен даже для авторской саморефлексии. Мыслитель, правда, может иногда и при желании описать свой *опыт мысли*; в этом – продуктивность и интерес философской автобиографии, буде такая имеется, возможно, ещё и сегодня.

Хайдеггер, в этом отношении, и вправду интересный и поучительный пример. Предлагая видеть в Аристотеле как бы чистого философа (как бы без биографии), Хайдеггер в характерном для него полемическом «человекоборчестве» желает освободиться от публичных оценок, между прочим, своей биографии. Но Хайдеггер, этот консервативный революционер в современной философии, – ещё и более глубокий симптом. Он один из первых, кто обозначает своим мышлением начало *современной* ситуации распада культуры и, соответственно, конца автобиографии как жанра – в смысле коммуникативного разрыва между философом и обществом. Достаточно напомнить радикальный тезис из «Бытия и времени»: *Das Licht der Öffentlichkeit verdunkelt alles*. («Свет публичности все погружает во тьму»). Если это так, то философская автобиография почти лишается социокультурных условий ее возможности, о которых говорилось выше.

5. Из авторов памятных философских автобиографий я бы назвал (помимо Декарта) имена трех мыслителей конца Нового времени в прошлом столетии: это – К. Ясперс, Н. А. Бердяев и Г.-Г. Гадамер. В их философских автобиографиях, как они ни различны, масштаб личности автора соответствует масштабам исторических событий XX века, и одно немыслимо без другого. «Философская автобиография» Ясперса (1953) – образец старомодно-классического отчета о пройденном пути знаменитого мыслителя в контексте его переломного времени. Совсем по-другому, но та же «модерная» корреляция масшта-

бов «внутреннего» и «внешнего» делает захватывающим при первом чтении «Самопознание» Бердяева (1948). Для меня, однако, ближе и «питательней» *Selbstdarstellung* и другие многочисленные автобиографические фрагменты воспоминаний Гадамера, начиная с 1970-х годов и до конца столетия. У этого ученика Хайдеггера и одного из последних великих философов конца Нового времени философски личное не столько извне, сколько изнутри вплетено в большой контекст большой философии XX века. Оттого и пожизненное колебание между Кьеркегором и Гегелем, как известно, решилось у него в пользу все-таки Гегеля и это, возможно, «постмодерный» признак философии в смысле критики «модерна» и Нового времени вообще: *cogito* – рациональное и рефлексивное сознание осознало себя не как автономное, а как причастное чему-то большему, чем оно само. Поэтому, вероятно, философская автобиография, как жанр, ныне утратила прежний блеск и значение.

6. Это не значит, конечно, что философская автобиография должна вообще исчезнуть: меняется, похоже, прежний запрос общества на этот жанр, но потребность самого исследователя-философа в осознании того, что он или она делает, не может просто исчезнуть. Сам я, как многие в моем поколении, начинал «мыслить» в последние советские десятилетия вполне, так сказать, по-русски, а именно – где-то между Достоевским, Бердяевым и Солженицыным. Решающий сдвиг, как я теперь понимаю, произошел у меня, парадоксальным образом, тогда, когда Бердяев и так называемая русская религиозная философия почти мгновенно вытеснила (в конце 80-х – начале 90-х годов) с общественного и философского горизонта Ленина и марксизм. Это вовсе не было изменой прежним авторитетам, но, по-видимому, было выбором научно-гуманитарной традиции («низшего факультета», как Кант определял философию, включая в него гуманитарные науки) научно-гуманитарного мышления; этот поначалу полуосознанный выбор отдалил меня методически (но не по существу) от того, что М. М. Бахтин называл «свободным русским мышлением», «нашими мыслителями самодумами», а Г. Г. Шпет, полеми-

чески-несправедливо, заклеил «белибердиями». М. Бахтин и стал для меня, ещё с середины 1980-х, основным автором и предметом исследований. Таковым он остается для меня и сегодня, когда мода на Бахтина давно прошла, а собственно философская рецепция его мышления, выпавшего из *своего* времени, почти только начинается именно теперь, когда, как во все переломные времена, философия переосмысляет не столько свои результаты, сколько свои основания.

7. В этом смысле, действительно, биография философской мысли может начинаться после смерти философа; но конечно, не в качестве *автобиографии*, а в качестве истории *рецепции* данного мыслителя. И, по-моему, не «тексты начинают писать его (философа. – В. М.) биографию», а комментаторы и интерпретаторы текстов – то, что тот же Бахтин, как известно, называет *вторым сознанием* научно-гуманитарного мышления (в отличие от естественнонаучного). «Второе сознание» («познание познанного», как гласит некогда знаменитая формула ученика Ф. Шлейермахера Августа Бека) *служит* первому сознанию автора текста (а не поводом для самовыражения). Как выразился однажды Гуссерль: «Первый человек – это не я, а другой».

Поэтому, как мне кажется, не столько философская автобиография мыслителя, сколько выходящая за пределы текста, но опирающаяся на его тексты история его мышления в диалогах с предшественниками и современниками в принципе может быть реконструирована и понята «вторым сознанием» пост-современников, без утраты последними значимости самого исторического места актов понимания.

ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ СМИРНОВ¹

«ВЕСТИ ОТТУДА, ГДЕ НАС НЕТ»

Письменные ответы на вопросы автобиографического интервью²

1. Если первое дело философии – это «критика языка», то целесообразно для начала уточнить основное слово-понятие возможного разговора.

Автобиография вообще и, в частности, автобиография философская – это публичный отчет автора о своем жизненном или творческом пути. В отличие от автобиографии, которую приходится писать, например, при устройстве на работу,

Вопрос 1. В первой половине 1970-х гг. я работал над книгой «Художественный смысл и эволюция поэтических систем». Она была посвящена переходу от символизма к пост-символистскому авангарду. Когда начальный вариант текста был готов, я понял, что он никуда не годится: как можно с полной уверенностью разбирать переход от одной диахронической системы к другой, если не иметь представления о том, что такое вообще движение духовной культуры по исторической оси? Переделывая написанное и пытаюсь специфицировать совершившиеся в начале XX века эстетические трансформации на фоне предшествующих им преобразований, я извлек отсюда тот урок, что частно определённые проблемы

¹ Смирнов Игорь Павлович, профессор Университета г. Констанц, Германия. Ответы присланы по электронной почте в письменном виде С. А. Смирнову в январе 2020 года.

² См. вопросы в начале сборника.

можно решить только в том случае, если подойти к ним как к общепределённым. Отсюда и начался мой путь в философию. К прямым занятиям ею меня подтолкнуло сближение с Борисом Гройсом и Александром Пятигорским, случившееся в начале 1980-х гг. за границей. Но ещё до того примером философского мышления стал для меня мой учитель Дмитрий Сергеевич Лихачев, под руководством которого мне посчастливилось трудиться в Пушкинском Доме. Дмитрий Сергеевич не занимался собственно философскими разысканиями. Тем не менее, за каждым его исследованием, посвящённым древнерусской культуре, виделась мысль, не желавшая довольствоваться рабской зависимостью от материала, с которым ей непосредственно приходилось иметь дело. Чтобы думать философски, не обязательно быть профессиональным философом.

Тогда же, когда я переписывал начерно набросанный «Художественный смысл...», я задался вопросом о том, что заставляет меня гоняться за полнотой знания, пусть недостижимой, но крайне соблазнительной. Надобно полагать, что существует предрасположенность к философствованию и что она формируется в детстве. Моё первое воспоминание (очень раннее, мне только что исполнился год) – ужас от распятой перед окном дома, где я находился (то была уральская деревня), свиной туши в разделочном сарае. До этого, как мне рассказывала мать, эшелон, в котором она со мной эвакуировалась из готовящегося к осаде Ленинграда на Урал, бомбили немцы на переправе через Волгу вблизи Чебоксар. Угроза смерти и её образ явились мне в самом начале жизни. Полноту жизнь обретает только в своём конце. Если он прояснился уже в детстве, то это обстоятельство становится драйвом, влекущим человека к знанию в его финальности.

Вопросы 2-3. Я издал две книжки, личные по содержанию: «Свидетельства и догадки» (СПб, 1999) и «Действующие лица» (СПб, 2008). Они в значительной части пересекаются, но и дополняют друг друга. Автор присутствует в них, но в основном постольку, поскольку делится своими соображениями о людях, с которыми его свела судьба, или об обстоятельствах

времени, в которое он попал. Некоторые из этих соображений претендуют на философичность. Мне, однако, никогда не хотелось написать о себе как философе. И как просто человеку, и как человеку думающему, мне естественнее держаться в тени. Как и всем смертным, мне не чуждо желание быть признанным. Всё же оно не руководит мною – всплывает иногда, чтобы тут же стереться из сознания. Охота за признанием, так беспокоившим Гегеля, а вслед за ним Кожёва, подразумевает уступку себя своему времени – преходящему, «мимо текущему», как говорили в Древней Руси. Между тем, философия старается преодолеть ограничения, налагаемые на неё временем, в которое она возникает. Соблазнённый жаждой признания, философ становится апологетом Прусской государственности, французским чиновником высокого ранга или, скажем, ректором университета, внушающего студентам нацистскую идеологию. Мы же воспринимаем сочинения этих мыслителей (Гегеля, Кожёва, Хайдеггера) за вычетом предпринятых ими жизненных шагов. Философ ценен идеями, которые он производит на свет, а не биографией, в которой он поневоле сродняется с людьми своей эпохи. Писать о себе с целью сплавить свою жизнь с мыслительной работой, сопровождавшей её, означает напрашиваться на то, чтобы быть принятым социумом, которому ты идёшь навстречу, преподнося себя не только как думающее существо, но и как одного из многих – такого же данника времени, как и большинство твоих современников. Как это ни покажется парадоксальным, откровение о себе подобного рода нескромно. Ибо оно есть уничтожение паче гордости.

Вопрос 4. Жизнь философа ничем не отличается от жизни прочих людей и вместе с тем разнится с ней всем. В роли обывателя он вместе с большинством пребывает в ожидании смерти, побуждающим к бегству от неё в развлечения, в автоматизм обсессивно воспроизводимых действий, в воображаемую реальность, в доведённое до максимума напряжение витальных сил – куда угодно. Но при этом философ способен переступить порог смерти, существовать *post mortem* за пределом существования, узревая таковое в его сущности.

Только очутившись в ничто, и можно помыслить то всё, что ни есть, которое притягивает к себе внимание философа. Абсолютизируя свою позицию, он представляет себе «смерть человека», как то было свойственно французским постмодернистам, или уповает, как «новые реалисты», на достижение такой объективности, которая не была бы искажена сознанием субъекта. Не следует полагать, что эта абсолютизация – плод только последних лет. О том, что будет после конца исторического человечества, думали и Блаженный Августин, чаявший Града Небесного, и маркиз де Сад, жертвовавший человека Природе, в которой царит насилие, и Маркс, веривший в наступление коммунизма, и Ницше, проповедовавший приход сверхчеловека, и русские апокалиптики символистской эпохи. Философ инобытиен по отношению к бытию, которое видит в целокупности. Он адекватен в своём мышлении Эросу, только если тот смешан с Танатосом (что отчётливо понял Батай). Для меня социокультура финальна, и мы, возможно, находимся на её последнем рубеже, но что за ним – принципиально неизвестно. Писатель тоже нуждается, согласно Бланшо, в переживании собственной смерти. Он возвращается из этой нулевой точки в посюсторонность, чувствуя себя там вторично родившимся, тогда как философ остаётся в потусторонности, чтобы осуществлять *creatio ex nihilo*. В известном смысле философия всегда у-топична («бытие-к-смерти» Хайдеггера – негативная утопия, та же самая, что занимала воображение его современников: Замятина, Олдоса Хаксли, Оруэлла).

Вопрос 5. Переплетения философии с автобиографией ценны для меня в тех случаях, когда идеи общего порядка становятся выводом из личной судьбы и индивидуального опыта мыслителя, когда жизнь, сама по себе случайная (за что её нещадно критиковал Лукач в одном из писем Блоху), оборачивается итожащему её сознанию своей необходимой для него стороной. Таковы в моём восприятии в первую очередь «Эссе» Монтеня и «С того берега» и «Былое и думы» Герцена. К этим трем сочинениям я хотел бы прибавить ещё «Охранную грамоту» Пастернака – текст о том, как стать философом в каж-

додневных заботах и поступках помимо и вопреки цеховой принадлежности к мастерам умозрительного труда.

Вопрос 6. Я уже сказал о том, почему не буду писать о себе как о философе. Выставлять себя на показ как человека, по-моему, имеет смысл тогда, когда этого требует предпринимаемое тобой свидетельствование о Другом, всегда более значимом, чем ты сам, по той же причине, по какой объективно сущее ценнее субъективного вмешательства в наличное и без тебя. Самоизображение нарушает сокровенность частной сферы, делающейся публичным достоянием. Ты прощаешься с суверенностью, начиная рассказывать о себе. Но с индивидуальностью никогда не стоит расставаться. Она не товар, а неотчуждаемая собственность. Стоит оставить хотя бы часть твоей жизни никому не доступной. Идеал искренности, вынашивавшийся Руссо, не реализуем, потому что в знании о себе мы себе с неизбежностью не равны, распадаясь на «я»-постигающее и «я»-постигаемое. Как может быть доподлинно откровенным, однозначно искренним принципиально не самотождественное существо? Кроме того, вещая о себе, мы никогда не рассекретим две наши главные тайны – рождения и смерти. Конечно, нет более захватывающего предмета для письма, чем «я», рвущееся во что бы то ни стало увековечиться. Но «я» сопротивляется овнешнению. Обороняемое законом интимное имеет в человеческом обиходе примат над публичностью. Автобиографии и мемуары никогда не бывают адекватными действительному положению дел даже не из-за того, что их создатели склонны брать в текстах реванш за поражения в жизни, а уже из-за того, что частная сфера невольно доказывает публичной своё превосходство над ней, выступая не вполне проницаемой. Итак, автобиографии, как мне кажется, вдвойне опасное предприятие – и нарушающее право самости на автономию, и не решающее своей задачи в качестве документов.

Вопрос 7. После ухода автора его новая жизнь в текстах невозможна. Со смертью мы теряем власть над нашими текстами, выражавшуюся в наших комментариях к ним, в их переписывании, защите от критики и т. п., – теперь они попадают

в распоряжение посторонних нам толкователей. Так что, расчёт на продолжение авторской жизни в созданных нами сочинениях ошибочен. По своему заданию социокультура сотериологична: при своём возникновении она анимирует мёртвое в культе предков; по мере историзации она, обращаясь к будущему, обещает нам загробное воздаяние. Чаяние пережить себя в текстах – эрзац спасения. На самом деле, как только тексты перестают быть нашей собственностью, с которой мы вправе делать всё, что заблагорассудится, наступает наша «гибель всерьёз», пользуясь выражением Пастернака. Автор окончательно умирает в навязываемом ему соавторстве. Но в этом нет большой беды. То, что потомки расправляются с автором, переиначивают его замыслы, показывает, что его произведения не потеряли витальность. Проект социокультуры обманывает нас, внушая надежду на жизнь вечную, то ли в духе, то ли в теле, но он и истинен, даруя и впрямь долгую жизнь кое-чему из сотворенного нами.

Вопросы 8-10. Будучи существом сознательно (а не инстинктивно, как животные) целеустремленным, человек осмысляет своё прошлое, соответственно, в виде выполненного или невыполненного задания. Оно выполнено тогда, когда прошлое служит основанием для современности, откуда оценивается. Если же былое самоценно, не подготавливает настоящее, то ему приписывается значение исторического заблуждения. Прошлое в качестве предсказывающего или не предсказывающего современность изменчиво, как и она, в зависимости от её преобразующихся установок. Прошлое не мертво для истории, которая всё время заново открывает его, жива в нём, а не только в настоящем и будущем. Тот, кто даёт показания о прошлом, при всём своём желании восстановить его фактически далёк от стопроцентной достоверности. Дело даже не в том, что на память не всегда можно полагаться, что в ней образуются пустоты, и не в том, что нам во что бы то ни стало хочется быть оправданными на суде истории. Пишущий об ушедших днях и помимо своих субъективных намерений оказывается захваченным процессом пересмотра прошло-

го, в который его втягивает социокультура, историзованная в каждый данный момент и потому изменчиво историзирующая свои предшествующие состояния. Отбор и произвольное конструирование фактов, подлежащих изложению в мемуарах и автобиографиях, – крайности объективно присущей человеку творческой необъективности в формировании своего архива.

Вопросы 11, 13, 18, 19. Из только что сказанного следует, что любая автобиография перекраивает в той или иной степени биографию её создателя. Если пишущий обращается к этому жанру в тот момент, когда наступает middle-life crisis (такова, к примеру, «Исповедь» Льва Толстого), то составление автобиографии может становиться инструментом, с помощью которого осуществляется ломка мировоззрения. Переход автора в новое вероисповедание (метанойя) обычно преподносится с назидательной целью. Но она не обязательна для воспоминаний, претендующих прежде всего на эстетическую ценность (скажем, для «Speak, Memory!» Набокова). Автобиография и мемуары – пересекающиеся типы текстов, отличающиеся друг от друга только тем, на чём ставится акцент – на рассказе автора о себе или на изображении эпохи и её представителей. В обоих случаях, однако, совершается попытка приостановить время, что невозможно. Но ведь и философия с её стремлением быть истиной о бытии, теряющемся в неопределённости, – проект, заведомо нереализуемый, hybris, акт взятия на себя человеком невыполнимых обязательств. Сущность человека в том и состоит, что он утверждает «всевластие мысли» (Фрейд), иногда, впрочем, одумываясь и вспоминая поговорку «Не по Сеньке шапка!».

Оглавление

Автобиографическое интервью.

Реперы	3
Апресян Р. Г.:	
«Автобиография – это произведение, а жизнь – это процесс, событие...»	7
Гиренок Ф. И.:	
«У меня никакой тайной жизни нет. Она вся вот...»	30
Колычев П. М.:	
«Моя автобиография очень вредна...»	62
Орлова Н. Х.:	
«Давайте успевать писать автобиографии...»	94
Розин В. М.:	
«Я лично выстраиваю свою жизнь сознательно...»	132
Светлов Р. В.:	
«Автобиографию надо писать тогда, когда возникает непреодолимое желание её написать...»	173
Тульчинский Г. Л.:	
«Всё, что говорит и делает философ – его личный автопроект...»	195
Тыщенко В. П.:	
«В философию можно прийти сверху, а можно снизу, от коровника... Второй путь гораздо более полезный...»	232
Целищев В. В.:	
«Все мемуары ложны. Это старый тезис...»	270
Махлин В. Л.:	
«...О написании своей философской автобиографии не может быть и речи»	310
Смирнов И. П.:	
«Вести оттуда, где нас нет»	317

НЕПРОСТОЙ РАЗГОВОР

Автобиографические интервью

Редакторы-составители:
С. С. Аванесов
доктор философских наук
С. А. Смирнов
доктор философских наук

Подписано в печать 06.12.2021. Дата выхода в свет 22.12.2021.

Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 20,4. Заказ № 686. Тираж 100 экз.

Типография ООО «Офсет-ТМ».

630117, Новосибирск, ул. Арбузова, 1/1, корп. 4, оф. 4-2

Тел.: (383) 347-49-10, 347-59-67.

E-mail: ofsetn@yandex.ru.